

Елена КУЗЬМИЧЁВА

Елена Кузьмичёва родилась в Ярославле в 1991 году, окончила ЯГПУ им. К.Д. Ушинского по специальности «Журналистика». Работала копирайтером, корреспондентом на новостном портале. Публиковалась в журналах «Мера», «Сетевая словесность», «Плавучий мост» и нескольких сборниках короткой прозы. Автор книги «Позвонки мышей» (М.: Русский Гулливер, 2017).

НЕ СОТВОРИ СЕБЕ МИР

Повесть

Итак, смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма?
Лк.11:35

1

Затаив дыхание, я сосредоточенно рассматривал комнату. Казалось, что-то в ней изменилось, пока я чистил зубы. В комнате появилась какая-то новая вещь, которая вот-вот отыщется – нужно только ждать, смотреть внимательнее, не сдаваться...

– Ничего ты здесь не найдёшь, – улыбнулся папа, как будто прочитав мои мысли, и прикоснулся к выключателю кончиками пальцев. Он пришёл, чтобы погасить свет.

– Подожди, пап! Ещё секундочку...

Он опустил руку и, вздохнув, присел на стул.

Всё выглядело предательски по-прежнему: бирюзовые обои с орнаментом из ракушек, белый потолок, рубашка на спинке стула. Стопка тетрадей на столе, серебристая лампа, стаканчик с ручками и карандашами. Возле кровати – небольшой комод, чуть правее – этажерка, игрушки, конструктор в коробке из-под мясорубки. Стена, снова стена. Всего их – четыре. На полу – линолеум: треугольники и квадраты. Да, ещё люстра... Я задрал голову: люстра всё та же. Но что тогда, где?

– Не найдёшь, говорю же, – повторил папа, уже без улыбки. – Пора бы тебе понять. В сущности, в этой комнате нет вообще ничего.

– А стены как же? – я начал перечислять, загибая пальцы: – Кровать, покрывало, тапочки...

– Незначительные мелочи, – отрезал папа. Я держал перед собой крепко сжатые кулачки и не мог поверить, что в них – ни словечка.

– Хоть что-нибудь имеет значение?

– Невидимое, Лёва. Только невидимое.

Я узнал об этом, когда мне исполнилось десять. О том, что я должен создать мир, папа сообщил тогда же. В мой день рождения он пришёл с работы в шесть – на полчаса раньше обычного. Под шорох полиэтилена из пакета с логотипом «Ваш выбор» появились шоколадный торт, коробка зефира, пломбир с изюмом и леденцы в разноцветных фантиках.

– Приготовься, – предупредил папа, проткнув торт ножом. – Хочу рассказать тебе кое-что важное.

Я улыбнулся, подставив блюдце. Он попросил:

– Представь себе дерево.

Настоящих деревьев я тогда ещё не видел – только кофейное, которое росло в сиреневом горшке на кухонном подоконнике...

– Представил? Теперь пойми: дерево и семя, из которого оно проросло, едины в своём истоке. Корни и ствол, ветви и листья существовали ещё в нераскрытом семени и дожидались своего часа. Потом семя дало росток, и дерево стало деревом. Так вот, у меня вопрос. Как ты думаешь, может ли лист помнить, как был семечком?

– А что, у листа есть память?

– Неважно, – отмахнулся папа. – Но ты представь, что есть.

– Ну, тогда, наверное, и помнить может....

– Именно! Всё, что произошло раньше, чем раскрылась почка, не может совсем пропасть из памяти листа. Однако, ещё не став этим самым листом на этой самой ветке, он пережил множество превращений. Прошлое затуманилось. Информация о нём стала похожа на шифр, потому что зерно и лист говорят на разных языках. Это ясно?

– Так получается, лист был всегда, даже когда его не было?

– Верно. Был, но другим.

– Понятно, – я принялся за второй кусок торта. – А откуда ты знаешь?

– Я понял это интуитивно. Дерево – просто пример для наглядности. А рассказать я хотел о мире. По одной из версий, он состоит из бесконечного времени и бесконечного пространства. Скорей всего, наша планета возникла четыре с половиной миллиарда лет назад. С момента появления первого человека прошло несколько миллионов лет. На сегодняшний день на Земле живёт семь миллиардов людей. Но никто из них не может с достоверностью ответить на вопросы о происхождении мира, размерах Вселенной, взаимодействии материи и духа, смысле жизни, в конце концов... Никто не может ни создать новый мир, ни кардинально изменить этот. Все делают вид, что так и надо. Но я знаю способ...

– Пап, а можно ещё кусочек? – попросил я, глядя, как соблазнительно блестят на торте ярко-красные вишенки.

– Последний, – предупредил папа и потянулся к лопатке. – Ты, главное, слушай. На чём я остановился?

– На том, что знаешь какой-то способ.

– Да! В его основе – память и творческая активность. Есть память индивидуальная и память всеобщая. Индивидуальная память – это наши личные воспоминания о произошедших с нами событиях. Всеобщая – воспоминания о жизни человечества. Врождённое знание обо всём на свете. Всеобщая память есть у каждого, хотя знают об этом немногие. Лист может вспомнить, как был зерном и первым ростком, но только при подходящих условиях... Тот, кто откроет для себя всеобщую память, сможет пронаблюдать всю историю человечества, и, уходя всё дальше вспять, добраться до памяти Бога. Наш мир был сотворен, Лёва. Он тоже когда-то пророс из зерна. Добравшись до этого момента, наблюдатель перестаёт быть наблюдателем, а память – памятью. Происходит преобразование. Прошлое становится реальностью, а человек – творцом. Приняв участие в акте творения, он может изменить историю или создать новый мир. Такая возможность есть у каждого. Проблема в том, что никто не догадывается. Или догадывается, но слишком поздно... А теперь – самое главное, – он выдержал паузу. – Это сделаешь ты, Лёва. Именно ты создашь новый мир. Поэтому ты и не выходишь из квартиры.

– Но ты же говорил...

– Я говорил, снаружи опасно. Так оно и есть. Но это не вся правда...

– Подожди, пап. Можно я запишу новые слова, пока не забыл?

– Тьфу ты! – нахмурился он. Но в день рождения ругать не стал: – Бог с тобой, записывай. Продолжим завтра.

Мы допили чай и разошлись по комнатам. Свою он называл «кабинетом», и входить туда мне было строго запрещено. Чтобы сосредоточиться, папа нуждался в

тишине и одиночестве. Понятия не имею, на чём именно он сосредотачивался. Скорей всего, читал и медитировал, а может быть, просто размышлял, лёжа на диване под лампой с холодным светом.

В тот вечер я записал в свой словарь «преображение» и «Вселенную». До тех пор, пока папа не рассказал мне о памяти Бога и сотворении миров, коллекционирование слов было моим главным, можно сказать, единственным занятием. Разницы между словом и вещью для меня не существовало. Буквы, записанные на бумаге, я считал рисунками слов. А сами слова, думалось, реальны и весомы, как кухонный табурет или крючок для куртки. Если невидимое действительно важнее видимого, то «радость», «мысль», «желание» важнее «ложки», «потолка» и «зубной щетки». Такой порядок вещей казался мне несправедливым.

На следующий день, как и было обещано, наш разговор возобновился. Папа объяснил всё заново, и я начал понимать, что он говорит серьёзно. Однако перспектива создать мир особой радости не внушала.

– Почему ты сам не можешь всё создать? – недоумевал я, обхватив руками колени.

– Вспомни колдовские чары из сказок. Думаешь, это выдумки?

– Не знаю.

– Так вот, не выдумки. Мы все заколдованы миром, как чарами ведьмы. Все, кроме тебя. Увидевший мир, хочет того или нет, тонет в нём безвозвратно. Мы увидели и обо всём забыли. Забыли прошлое, забыли самих себя. Мы почувствовали себя пылинками в Космосе и отказались от возможности стать творцами других миров. Это у нас называется: принять мир таким, какой он есть. Я слишком долго пробыл снаружи, Лёва. Я тоже заколдован. Но ты – нет.

– Ого! – мне нравилось чувствовать себя героем сказки. – Но что я должен делать?

– Хороший вопрос, – папа чуть заметно улыбнулся. – Возможно, ответ мы найдём вместе. У меня есть несколько предположений... Но дело в том, что я слишком много знаю об этом мире. Все мои методы годятся только для него. Я могу научить человека меняться и в какой-то степени менять реальность вокруг себя. Для этого существуют духовные практики. Но научить создавать миры я не могу. Да, на первый взгляд это похоже на сказку «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что». Но я не сомневаюсь, что ты справишься. Главное – чётко осознавать цель. Теперь ты знаешь, в чём состоит твоя. Средства найдутся, если ты будешь искать. Временных ограничений нет. Для начала советую тебе поработать с памятью. Ничего сложного – просто вытаскивай из неё всё, что найдёшь. Или, ещё вариант – попробуй создать что-нибудь небольшое. Возможно, погружение в память – не единственный способ творить.

– Попробую, – со всей серьёзностью согласился я. – А как понять, что мир создан, и больше ничего не надо делать?

– Не беспокойся, – папа присел на кровать и обнял меня за плечи. – Если всё получится, стены исчезнут, и ты его увидишь.

Раньше слово «мир» означало для меня примерно то же, что «квартира». Когда папа сказал, что там, за стенами находится какое-то бесконечное пространство, я спросил, сколько в нём комнат. Позже, изучив план квартиры, я стал представлять её как серый параллелепипед, закупоренный со всех сторон. Семь миллиардов людей бродят вокруг него в бесконечности и не знают, что внутри живу я, единственный незаколдованный. Но есть и те, которые не бродят. Их называют мёртвыми. Они лежат под землёй, невидимые и немые. Их больше, чем живых – и моя мама с ними.

Её тело положили в яму, а потом забросали землёй, точно такой же, как в сиреневом горшке. Мама умерла в тот момент, когда я родился, поэтому я видел её только под стеклом. На фотографии, которую папа повесил в прихожей. У мамы были счастливые глаза, светлые волосы и красивое имя – Злата. Я не мог представить её ни

живой, ни мёртвой. Мама была на фотографии – больше нигде. Но папа говорил, что это можно исправить.

- Ты можешь создать мир, где все будут живы.
- Правда-правда?
- Да, но начни с малого.

2

Достав из шкафа половник и глубокую тарелку, Марина на минуту задержалась возле окна. Небо было неопределенно светлым, как перламутровая изнанка речной ракушки. Двор пустовал. Только старичок из соседнего дома выгуливал седую овчарку с перебинтованным животом, мерно постукивая клюкой по тротуару.

– Завтра придут гости, – напомнила Марина и, резко задержав полупрозрачную занавеску, подошла к плите. Зачерпнула из кастрюли борщ. Наполнив тарелку до краёв, осторожно донесла до стола и поставила перед своей свекровью.

Галина сидела на табурете, прислонившись плечом к засаленной стене, положив локти на стол. Когда-то её глаза цвели васильковой синевой, но теперь потускнели, состарились. Морщины вошли в кожу глубоко, словно прутья невидимой клетки, которая со временем стала тесной.

– Я никого не жду, – Галина осторожно отхлебнула из ложки.

– Но гости всё равно придут. Ваш бывший муж с дочкой от второго брака. Станислав с утра звонил. Билеты, говорит, уже купили... Вам достать сметану?

– Не было у меня никакого мужа! – убежденно возразила свекровь. – Который день одно и то же. Думаете, я совсем из ума выжила?

– Просто кое-что забыли, – безмятежно отозвалась Марина и, поставив на стол ещё одну тарелку супа, крикнула в направлении гостиной: – Ваня, иди кушать!

Минуту спустя на кухне появился её муж, худощавый брюнет с безнадежно искривлённым позвоночником. В профиль его сутулая фигура напоминала слепок из пластилина, обмякший и слегка накренившийся в тепле. Вялые жесты никак не вязались с напряжением сосредоточенного взгляда, который никогда не бывал рассеянным.

– Пахнет вкусно, – констатировал Ваня и уселся за стол напротив матери.

Нарезав буханку, Марина разложила кусочки хлеба аккуратным веером на плетёном блюде. Дополнила композицию веткой петрушки и, чуть склонив голову, мгновение полюбовалась получившимся натюрмортом – всё, что она делала, неизменно оказывалось красивым. Это заметила ещё покойная бабушка, восклицавшая по десять раз на дню: «Ну, Маришка! Ну, мастерица растёт!» Даже синюшные куриные ножки с пупырчатой кожей были великолепны в её кастрюле.

Было время, когда Ваня мог часами смотреть на жену, не произнося ни слова. Любовно вглядываться в янтарные прожилки карих глаз, светлые веснушки на розоватой, полупрозрачной коже и огненную шевелюру, которую Марина никогда особенно не берегла. По дороге с работы она могла завернуть в парикмахерскую и подстричься под машинку – последний эксперимент пришёлся как раз на вчерашний вечер. Новая стрижка была ей к лицу: волосы до плеч, правый висок выбрит, косая челка чуть спадает на глаза.

– Я вот говорю, гости придут, – Марина сняла фартук, развязав за спиной тесёмки. – Надо будет на стол накрыть. Но Галина...

– Опять забыла, что придет отец? – без особого интереса осведомился Ваня.

– И этот туда же! – проворчала Галина. – Папаня твой уж девять лет как помер. Совсем спился под конец... И, ещё раз повторяю, мужем он мне не был. Обошлось, слава богу.

– Звучит правдоподобно, – флегматично заметил сын. – Однако...

– Я видела его в гробу.

– Мама, – вздохнул Ваня и принялся за еду.

Каждый день просыпаясь с новой жизнью, Галина верила в неё по меньшей мере до следующего утра. По прошествии ночи воспоминания могли измениться самым непредсказуемым образом. То и дело Галина становилась старше на десять лет или моложе на двадцать пять, приобретала новое гражданство, считала себя актрисой на пенсии, с ужасом рассказывала о никогда не происходившей авиакатастрофе, в которой якобы чуть не погибла. Но, с какими бы воспоминаниями ни проснулась Галина, сын Ваня присутствовал в них неизменно. Свою невестку она порой величала Наташей или Анютой, но за незнакомку не приняла ни разу.

Вскоре после женитьбы, в пору воодушевления и кратковременной веры в медицину Ване удалось уговорить мать пройти обследование. «Парамнезия с психиатрической подоплёкой», – подвёл его итоги престарелый невролог, чинно поправив очки в подтверждение своей компетентности.

Несмотря на отсутствие органических нарушений, память Галины постоянно меняла структуру наподобие картинки внутри трубки-калейдоскопа, позволяя женщине заочно проживать множество новых, прежде неведомых жизней. Лекарства были опробованы, но не помогли. Поэтому, ожидая гостей, молодые люди надеялись только на удачу. Быть может, как раз к их приезду события встанут на свои места, и Галина вспомнит своего первого мужа, которого не видела с тех пор, как был оформлен развод...

Уже тогда Станислав любил крепко выпить. Вкупе с очевидным вредом эта привычка приносила и скромную пользу, позволяя на время забыть о сожалениях, которые с неслыханной скоростью размножались в его сознании в трезвые часы.

Второй брак Станислава продлился немногим дольше первого. То, что было названо любовью, истаяло в повседневности вскоре после рождения дочки. Он сам выбрал для неё имя – Светлана. Когда жена ушла, девочка осталась с ним. Белокурая, доверчивая, немного робкая. Ради неё Станислав годами держал себя в руках, лишь изредка утешаясь рюмкой-другой какого-нибудь горячительного напитка. Только недавно старая привычка снова одержала верх. Станислав внезапно обнаружил, что его крошка, его лапочка превратилась в красивую двадцатидвухлетнюю женщину и собирается переезжать к жениху.

Он не хотел остаться в одиночестве, в медленной смерти без цели и смысла. Старость подползла совсем близко, в этом году ему стукнет шестьдесят, но вся его жизнь – одно бесконечное сожаление. Только поэтому он решился на этот странный, на первый взгляд нелепый поступок.

Станислав думал повидаться с Галиной и раньше, но по обыкновению колебался, отодвигал сомнительную возможность подальше в будущее. Теперь время для неё, наконец, пришло. Нужно было, в конце концов, хоть одним глазком взглянуть и на сына. Он помнил Ваню пятилетним мальчиком в джинсовых шортах и футболке с оранжевым зайцем.

Света обрадовалась поездке: в детстве она мечтала о старшем брате, а «необыкновенную, ни на кого не похожую» Галину отец вспоминал всякий раз, когда разрешал себе выпить.

В электричке девушка рассеянно мечтала, поглаживая на безымянном пальце тонкое колечко – подарок жениха. В августе Гриша сделал ей предложение, церемонно опустившись на колено возле столика в ресторане. В нежной полудреме Света пыталась представить его лицо и уже предвкушала возвращение, скорые хлопоты переезда, свадьбу, тихое венчание в какой-нибудь деревенской церкви и непременно путешествие к морю – они ещё не решили, к какому. Только бы отец сумел радоваться вместе с ней...

Всю дорогу Станислав теребил в руках газету, купленную в вокзальном киоске. То скручивал её в трубу, то разворачивал, тщетно вглядываясь в буквы, то пытался смастерить бумажный кораблик – и не помнил, как это сделать.

Когда гости позвонили в дверь, Марина как раз заканчивала накрывать на стол – выкладывала вилки и ножи на белоснежную скатерть. Выпустив из рук приборы, девушка поспешила в прихожую.

Она сразу отметила, что Станислав выглядит гораздо старше своего возраста. Подрагивающие руки, дряблые мешки под глазами и крупный, чуть красноватый нос недвусмысленно намекали на одну из причин рано наступившей старости. Рядом с отцом Света нарочито сияла красотой. Мягкие белокурые волосы, гладкая кожа без единого изъяна, открытый взгляд, не очерченный макияжем, – всё в ней молчаливо внушало доверие и какое-то необъяснимое сочувствие. Что-то вроде желания помочь, даже если в этом нет необходимости.

– Проходите, – пригласила Марина, улыбнувшись. – Галина в гостиной, а Ваня вот-вот вернётся.

Станислав потёрся подошвами о жёсткий коврик, долго развязывал шнурки и ещё дольше пытался просунуть ноги в тапки не по размеру. Мельком взглянув в зеркало, отвернулся, провёл по лицу ладонью. Робко вошёл в гостиную. Но женщина, сидевшая в кресле у рыжего торшера, имела мало сходства с его необыкновенной женой. Сдерживая горечь, Станислав опустил на стул:

– Как мы постарели, Галочка!

Ветер распахнул незапертую форточку, и лёгкие шторы взмыли над полом. В застеклённом шкафу звякнул потревоженный Мариной сервиз.

– Ну, какая я вам Галочка? Подите лучше форточку закройте, – отозвалась женщина, вытащив очки из замшевого футляра. Сквозь толстые линзы она внимательно изучила лицо гостя, но знакомых черт не обнаружила.

Ваня появился пару минут спустя. Холодный, подчёркнуто отчуждённый.

– Даже не верится, что мы – родня, – пробормотал он, улыбнувшись Свете трудной, с усилием вдавленной в лицо улыбкой. Заглянув в гостиную, протянул руку отцу: – На фотографиях ты другой.

Все расселись вокруг стола. Громоздкие, похожие на старую шкатулку часы громко тикали на подоконнике.

– Попробуйте салат с кальмарами, – предложила Марина, пытаясь заглушить назойливый звук. – Всегда готовлю его на праздники.

– Поделишься рецептом? – отозвалась Света, попробовав.

Их разговор быстро иссяк, уничтоженный молчанием остальных.

В центре стола, возле хрустальной салатницы заманчиво возвышалась откупоренная бутылка красного полусухого. В конце концов Станислав не выдержал её довлеющего присутствия и, наполнив бокал, опустошил его залпом.

Сидя бок-о-бок с отцом, Ваня неторопливо ел, запивая салат клюквенным морсом. В отличие от Станислава, он никогда не сожалел о прошлом и давно уверился в том, что любое событие до смешного предсказуемо.

Прошло четыре года с тех пор, как Ваня устроился на атомную станцию оператором реакторного отделения. Строго следуя предписаниям, он ежедневно отслеживал состояние основного контура и вспомогательной техники, систем водоснабжения и аварийного охлаждения, оборудования для газовой очистки, насосно-теплообменных установок, вентиляции, кондиционирования и отопления. Он очень устал строго следовать предписаниям.

Каждое утро Ване стоило большого труда заставить своё тело встать с кровати. Нашупав ногами тапочки, он приказывал рукам умыться и побрить лицо, голосу – пожелать жене доброго утра, челюстям – прожевать завтрак. Вместо зарядки добирался до АЭС пешком и, едва миновав проходную, становился частью механизма, работу которого отслеживал. Смена специальности представлялась невозможной и даже нелепой: чего ради? Только в реакторном отделении Ваня чувствовал себя на своём месте. Он был бы

там счастлив, если бы не эти упорные, однообразные мысли, которые клубились в мозгу, вызывая нечто вроде щекотки: «Здесь какая-то ошибка, оплошность, фальшь».

Вилки и ножи принужденно постукивали по тарелкам. Затянувшееся за столом молчание достигло того предела, за которым невозможно произнести ни слова – Ваню это не волновало. Он воспринимал происходящее чисто фактически, как если бы смотрел не в собственную жизнь, а в инструкцию по эксплуатации оборудования. Наладить работу этой системы было не в его компетенции.

Заметив, что стакан мужа пуст, Марина потянулась за морсом. Она хорошо помнила день, когда Ваня впервые вернулся домой другим. Но уже тогда эта перемена имела для неё не больше значения, чем меняющаяся за окном погода. Их быт был невесом, почти неощутим – привычный контекст, ставший необходимостью, в котором каждый жил наедине с собой, словно в коконе шелкопряда.

Снаружи моросил дождь. Посреди пустого двора стояла засохшая ива, вся чёрная от влаги. Вечное напоминание: когда-то было иначе. Когда-то зеленели продолговатые листья, и медовые капли скатывались по их жилкам после дождя. Вернуть то время было невозможно даже в проекции. Но память не отпускала, настаивала: верни. Каждый день Марина упрямо смотрела на мёртвую иву, так, словно ждала, что дерево вот-вот оживёт, и всё начнётся сначала.

Галина молчала в кресле. Незадолго до появления гостей она вспомнила, что Ванюша так и не заказал ей новый слуховой аппарат взамен того, что сломался на днях. А ведь она просила, и не раз... Галина была уверена, что за столом продолжается разговор, недоступный её слуху. Прикрыв глаза, то и дело уплывая в полудрему, она видела себя прежней – красавицей в свете софитов. Подумать только! Была звездой, хоть и не мировой величины – артисткой местного театра. Зрители аплодировали стоя. Недолговечные букеты благоухали, и все эти люди с блестящими глазами, восторженные, счастливые, казалось, живут в полную силу. Неважно, что этого никогда не было. Неважно и то, что Галине никогда не требовались звукоусиливающие приборы. Воспоминания тронули до слёз. Но, приподняв голову, она удержала их в резервуарах глазниц.

– Предлагаю выпить за то, что... – Stanislaw решил было произнести тост, но отсутствующий взгляд Галины подействовал, как анестезия, на его голосовые связки.

Не договорив, мужчина молниеносно осушил бокал и снова наполнил его вином. Ещё недавно он чувствовал себя неловко, но с каждым глотком смущение таяло, уступая место всегдашнему сожалению. И зачем он только приехал? Здесь всё не так: бессловесная старуха, невидящие глаза, и зеркало в прихожей так некстати правдиво... Stanislaw всё глубже уходил в себя, оставляя реальность за пьяной поволокой.

Только Свете негде было спрятаться. Быстро и неосознанно, памятью рук она сложила из салфетки кораблик и тут же смяла его в кулаке. За спиной тикали часы. Каждая секунда входила между лопаток, как пуля. Перехлёстываясь через подоконник, в комнату текли сумерки. На стене, возле дверного косяка Света заметила выключатель, но заставить себя встать не могла. Тишина опустошала, выжимала силы по капле. Казалось, всё рухнет, стоит только шевельнуться. Как будто все сидящие за столом были отлиты в одной гипсовой форме, которая при малейшем движении треснет, расколется – никого не оставит целым.

Лица были едва различимы, когда, к удивлению Светы, отец встал с дивана и решительно направился в прихожую. Гипс хрустнул, выпуская наружу живых, лишь немного покалеченных людей.

– Спасибо за прекрасный вечер, – тихо, с сожалением поблагодарил кого-то Stanislaw. Одевшись, продолжил уже громче: – Я сейчас вернусь, дочка, только винца возьму на дорожку...

– Постой! Давай лучше...

Он вышел, не дослушав. Дверь захлопнулась тихо, без вызова. Оцепенение схлынуло. Света встала и, обогнув угол стола, щёлкнула выключателем. Рука на мгновение замерла в воздухе, как отколовшийся фрагмент статуи.

– Не вернётся он, всё.

Ваня на мгновение зажмурился от яркого света. Бесшумно постучал пальцами по столу.

– Кто не вернётся? – очнувшись от дремоты, спросила Галина.

Марина отвела взгляд от окна:

– Может, переночуете у нас? Гостиная свободна. Ты ляжешь на диване, а для Станислава кресло разложим.

3

– Надо прибраться в комнате, – бросила мать по пути на кухню, стараясь выполоть из голоса раздражение. – Всё в пыли, прямо дышать нечем.

– Но я дышу, – сказал Филипп самому себе.

Планировка квартиры на первом этаже серой кирпичной высотки не оставляла ему шансов на уединение. Комната Филиппа, сохранившая отделку ещё с советских времён, располагалась между кухней и родительской спальней. Сидя за письменным столом или лёжа в кровати, он постоянно слышал близкие шаги, которые отдавались в скрытых под линолеумом половицах вибрацией и лёгким скрипом.

– Приберись, слышишь? – крикнула мать из кухни.

На столе пылились две стопки учебников, позаимствованных у библиотеки ещё в прошлом году. Филипп сидел рядом, подперев голову рукой, и задумчиво смотрел в окно.

– Фил!!!

– Да слышу я...

На инженерно-техническом факультете местного вуза он учился из рук вон плохо и минувшим летом был отчислен из-за прогулов. «Четыре года коту под хвост! Что теперь будешь делать?» – то и дело сетовала мать. Филипп тщетно отвечал, что начнёт сначала. «Начнёшь, как же! Знаю я, как ты начинаешь. Посуду помыть попросишь – и то два дня ждать приходится...» Теперь он подумывал о том, чтобы выучиться на врача. Ближайший медицинский университет был не так уж далеко – пять часов пути, если ехать на поезде.

В запасе оставался почти год, чтобы подготовиться к вступительным испытаниям. Но Филипп был слишком рассеян для самоподготовки. Внимание подводило всякий раз, когда он пытался заниматься. Знания распадались на агрегаты знаков, чей суммарный смысл проплывал мимо разума в неизвестном направлении.

– Снова спишь с открытыми глазами! – теперь в голосе матери было больше сочувствия, чем упрёка. Она шла в спальню с чашкой кофе. – Лучше бы работу нашёл.

– Я посмотрю вакансии, – отозвался Филипп, не поворачивая головы.

– И доктору надо бы показаться, – добавила мать.

– Это ещё зачем?

– Как зачем? Голову проверить. Ты стал такой рассеянный...

– Я чувствую себя хорошо, – медленно выговорил Филипп, надеясь, что фраза не фальшивит. Мягко щелкнув, захлопнулась дверь спальни.

Прошлой осенью, возвращаясь из университета, он шёл оживлёнными перекрёстками, больше ориентируясь на течение собственных мыслей, чем на правила дорожного движения. Только в воздухе, ударом подброшенный над асфальтом, он обратил внимание на сигнал светофора. Красный штрих света пролетел над ним кривой траекторией и погас в темноте. Филипп потерял сознание, оставив на бампере микроавтобуса глубокий отпечаток своего черепа. Крупными каплями падал дождь.

Пассажиры высыпали из салона и обступили тело плотным полукругом. Какая-то пожилая женщина присела рядом и раскрыла над его головой чёрный зонт.

Очнувшись, Филипп обнаружил себя в больничной палате. Над головой повис белый потолок с матовым квадратом света по центру. Мама держала на коленях маленькую красную сумочку с золотой застёжкой.

«Наконец-то! – женщина крепко сжала руку сына, бледным крабом лежавшую поверх одеяла. С момента аварии прошло три дня. – Ты поправишься, мой хороший, поправишься очень скоро». «Сумочка под цвет ногтей», – шепнул Филипп и, вздохнув, снова уплыл в уютную без видений тьму.

Он действительно скоро поправился, но травма не осталась без последствий. «Я вижу странные, слишком реалистичные сны», – записал Филипп через месяц после выписки, конспектируя свои опасения вместо лекции по физике. Он снова ходил на пары, но только для профформы.

Явь стала похожа на сны, а сны – на явь. Как-то после занятий Филипп решил зайти в гости к деду – попить чайку и сыграть партию в шахматы – но по пути вспомнил, что пять лет назад сам покупал венок на его похороны. В другой раз студент-четверокурсник проснулся с уверенностью, что опаздывает в школу. Битый час он разыскивал в комнате учебники для десятого класса и не находил даже ранца...

Не столько запутавшись, сколько испугавшись, Филипп обратился в клинику.

«...Поражение лобной лимбической системы приводит к дефициту психической избирательности, – монотонно объяснял врач, без любопытства листая медицинскую карту Филиппа. – Мысли, сны, фантазии, факты – всё смешивается. Появляются, в частности, и “сны наяву”. Данное расстройство сознания называется ониризм. Можете почитать об этом в интернете. О-НИ-РИЗМ! Запишите, а то забудете... Я понимаю, феномен малопривлекательный. Но мыслить ясно, мне сдаётся, вы можете. Да или нет?» «Вроде бы», – Филипп пожал плечами. «Вот видите! – врач изобразил ободряющую улыбку. – Вам уже назначены хорошие, проверенные препараты. Менять курс лечения, на мой взгляд, смысла нет. Будьте терпеливы... Травма была серьёзной, и восстановительный процесс, возможно, займёт ещё какое-то время. Если симптомы не исчезнут или будут ухудшения, тогда другое дело. А пока – принимайте лекарства и появляйтесь раз в неделю. Вам всё ясно? Если вдруг появятся вопросы, я всегда к вашим...»

Пациент поспешно кивнул.

С тех пор он ни разу не был у врача. После посещения клиники собственное беспокойство показалось ему преувеличенным. Чтобы пережить временные последствия травмы, по его мнению, было достаточно просто соблюдать режим дня и найти какой-нибудь надёжный метод различения снов и яви.

Филипп начал вести дневник наблюдений. Каждое утро, проснувшись, он первым делом включал ноутбук и записывал свои сны. Если какое-то событие вызывало сомнения, Филипп искал доказательства его реальности или нереальности, а затем перечислял их нумерованным списком. Не имея надёжных ориентиров, он всё чаще полагался на вещи. Издали они зачастую выглядели реалистично, но при ближайшем рассмотрении обычно позволяли разоблачить сон. На всякий случай Филипп тщательно задокументировал обстановку квартиры, составив описание для каждого предмета.

Ещё один нумерованный список, составляемый ежедневно, был посвящён физической форме сновидца. Филипп скрупулёзно фиксировал в дневнике частоту своего пульса, температуру тела, показатели артериального давления и прочие нюансы, сожалея об отсутствии приборов, позволяющих отслеживать состояние организма прямо во время сна. Денег на покупку таких гаджетов у него не было.

То, что поначалу сводило его с ума, со временем стало способом существования. «Отделить реальность от сна, проживать то и другое в чистом виде... Или, напротив – объединить сон и явь в единую симфонию смыслов... Может быть, это – моё настоящее призвание? – записал Филипп в дневнике наблюдений, когда в нём уже накопилось

несколько сотен страниц. – С сегодняшнего дня попробую не принимать лекарства. Мне теперь кажется, что моя болезнь – не болезнь совсем, а возможность, которая выпадает единицам. Проживать две жизни одновременно! Ради этого стоило разбить голову о бампер».

Понимая, что родители считают иначе, Филипп усердно скрывал от них обстоятельства своей жизни. Это было не так-то просто, учитывая планировку квартиры. Попадаясь в ловушки сновидений, он то и дело забывал о поручениях матери, без причины пропускал учёбу, а в разговорах, неизбежных в быту, допускал фактические неточности. Мать терпеливо ждала улучшений, объясняя происходящее последствиями травмы. А вот отец временами совсем нехоти проявлял настойчивое любопытство.

«Может скажешь, что происходит?» – спросил он однажды, положив на плечо сына тяжёлую руку. Филипп не отвечал, задумчиво глядя на экран ноутбука. «Вчера заглянул в твой дневник. Чисто случайно, сел погоду посмотреть, а тут – на тебе! Какая-то галиматья...» «Ничего секретного, – наконец заявил сын. – Я просто решил изучать сны». «Психоанализ?» «Не! – отыскав статью в Википедии, он прочёл вслух: – Сомнология – раздел медицины и нейробиологии, посвящённый исследованиям сна, расстройств сна, их лечению и влиянию на здоровье человека». «А что, неплохо», – одобрил отец. И опасность миновала.

Проблема выбора специальности отпала сама собой. Спустя полгода после аварии Филипп был уверен, что вполне способен проживать две жизни одновременно, оставаясь в здравом рассудке.

Время, оставшееся до поступления, он решил расходовать целенаправленно: «Во-первых, сбор материала (ежедневное ведение дневника, поиск информации о нарушениях лимбической системы, изучение расстройств памяти и сна). Во-вторых, подготовка к экзаменам по химии, биологии и русскому языку. В-третьих, заработок. Деньги нужны на тот случай, если я буду учиться на платной основе».

Цели были добросовестно поставлены, но сосредоточиться на их достижении удавалось всё реже. Отказавшись от лекарств, Филипп начал засыпать на ходу и по несколько раз на дню поддавался соблазну «немножечко вздремнуть». Веки тянулись друг к другу, как сильные магниты. Ведь в той, второй жизни он уже стал сомнологом!

Во сне он основал «Союз живых вдвойне», члены которого обладали даром проживать две жизни одновременно. Филипп учил членов «Союза» исследовать прожитые сны согласно методам научного познания, сохранять ясность рассудка и придерживаться строгого распорядка, который наяву был недостижим даже для него самого. Порой он оставался в постели до полудня, но, вставая, не чувствовал себя выспавшимся. Его сон был похож на дремоту и не позволял как следует отдохнуть.

Вместе с тем сновидения всё лучше овладевали законами материального мира и мастерски встраивались в него, не оставляя улик. Путаница настигала там, где Филипп ожидал её меньше всего. Чего стоили одни только школьные друзья, которые являлись в его сны с чудовищным постоянством!

Он был уверен, что виделся с Мариной наяву. Бывшая одноклассница жила в соседнем дворе – вроде не удивительно, что заглянула в гости. Точь-в-точь как раньше, она принесла ему книгу. Собираясь её вернуть, Филипп вышел из дома, но возле засохшей ивы замер в замешательстве. Медленно, с опаской опустив глаза, он заметил, что переплёт покрыт пылью... Переплёт учебника по общей психологии, который он пытался штудировать в прошлом году! Отыскав на форзаце библиотечный вкладыш со своей подписью, Филипп разжал пальцы и уронил книгу в слякоть.

Вчерашний вечер высветился в памяти иначе. Ужин в кругу семьи, спагетти и пережаренные котлеты. Мать жаловалась на мигрень, отец просил передать солонку. Разумеется, Марина не приходила. Но, может быть, и ужин был сном? На лбу проступил пот. Филипп успокоился только на кухне, бережно, с благодарностью взяв в руки грязную

тарелку с разводами кетчупа – единственную вещь, на которую смог опереться в своём сомнении...

Нет, Марина не приходила. Но некогда, в школьные годы они действительно обменивались книгами и во время уроков читали их наперегонки, пряча под раскрытыми на партах учебниками. В начальных классах, сбежав с большой перемены, воровали шоколадные конфеты в магазинчике за углом. Выдумывали собственные формулы для решения задач, вместе прогуливали физкультуру и, каждую четверть соревнуясь в количестве двоек, на спор выигрывали олимпиады. После уроков гуляли по заброшенным стройкам, забирались в подвалы и на крыши, бродили по лесу в поисках ежей, и время, казалось тогда, существовало только на циферблатах.

Третьей в их компании была Софи, девчонка с вызывающим взглядом, тонкими губами и необычным, немного звенящим голосом, который звучал так, словно слился со своим эхо. Она терпеть не могла школьную форму и неизменно приходила на занятия в широких джинсах с дырками на коленках. В классе её недолюбливали, но не дразнили. Одни называли её Софи, другие, из-за низкого роста – Малышкой Со, но никто не звал ни Сонечкой, ни Софией. В пятнадцать лет она отрезала себе косы, дважды лязгнув портновскими ножницами на уроке труда, а дома сбрила машинкой отчима всё, что осталось от причёски.

«Что стряслось?» – на всякий случай спросила Марина, взглянув на безволосую голову подруги. В коридоре, стоя поодаль от остальных, они ждали звонка на алгебру. Софи как обычно отмахнулась: «Ничего». И после уроков они выпили две коробки вина, по очереди декламируя Лермонтова. Почти не обсуждая друг с другом личной жизни, после нескольких лет дружбы девушки научились пониманию без слов.

Только наедине с Филиппом Софи изредка позволяла себе некоторую откровенность. «Хватит уже!» – однажды не выдержал парень, чувствуя себя неудобно под её долгим взглядом. Они сидели на ступенях школьного крыльца. «Не дождёшься», – отозвалась Софи и закурила. Он попробовал пошутить: «Таким взглядом покалечить можно!» Но подруга продолжала смотреть на него сквозь дым: «Я просто учусь любить тебя, Фил. Мне всё ещё страшно, а ведь любовь, она ничего не боится...»

Не зная, что сказать, Филипп опустил глаза. Совсем недавно он снова влюбился. Объектом его страстной симпатии неожиданно стала Лейла, грузинка из параллельного класса. Её волосы спадали на плечи и спину, как блестящие чёрные волны, густым ресницам не требовалась тушь, а лёгкая улыбка придавала лицу какое-то неземное выражение, исполненное глубокой тишины и неведомого Филиппу покоя. По праздникам Лейла восходила на школьную сцену и пела что-то лирическое на своём непонятном языке, двигаясь так плавно и невесомо, словно не касалась ногами паркета. Однажды Филипп почувствовал, что слушает её не только ушами – всем телом и сердцем. И родственная душа, которую он уже не чаял встретить, – вот же, парит перед ним в искрящемся изумрудном платье!

«Мы все говорим на разных языках», – заявил он после концерта с такой торжественной интонацией, словно открыл нечто небывалое. Марина и Софи молчали по обе стороны от него, усевшись на низком заборе у входа в школу. «Никто никого не понимает, – продолжал Филипп. – И никогда не поймёт. Мы можем только попытаться выучить язык, в котором слышим что-то родное». Софи усмехнулась: «Хочешь выучить грузинский?» «Чего смешного?» – набычился влюблённый, жалея, что начал разговор. Марина поддержала подругу: «Да хотя бы то, что с Лейлой ты ни разу не говорил». «Ещё успею!» – угрюмо отозвался Филипп. «Давай, – кивнула Софи. – Насколько я знаю, она любит цветы, Грузию и вечерние платья. Вот тебе и темы для разговора».

В день рождения Лейлы Филипп пришёл в школу с белым букетом роз, схваченных тонкой лентой. Переодев сменку, дождался именинницу у входа.

«Какая прелесть!» – промурлыкала девушка и, осторожно взяв цветы, поднесла их к лицу. На её ресницах блеснули капельки растаявшего инея. «Может, прогуляемся после

уроков?» – без обиняков предложил Филипп. Но Лейла, как будто залюбовавшись букетом, не отвечала. Софи наблюдала за ними издали, прислонившись к подоконнику возле гардероба. «Так как насчёт прогулки?» – настоял Филипп. И Лейла покачала головой: «Ме шен ар момцонхар». «Как ты сказала?» Оглушительным диссонансом прозвенел звонок. «Извини, мне пора. Химия...»

Марина и Софи пристали на первой же перемене: «Рассказывай, мы всё видели!» «Да чё там... – нехотя начал Филипп. – Предложил погулять, а она в ответ – что-то типа “мишен армамсэнхар”. Фиг разберёшь!» «Я тебе объясню, – обнадёжила его Софи, захлопнув учебник, и Филипп на секунду поверил, что она знает грузинский. – Это значит: после школы я уеду на родину и найду себе джигита». Подружки рассмеялись. «Идите вы в жопу!»

Он больше не влюблялся. На первом курсе сошёлся с Мананой – однокурсницей родом из Тбилиси. В силу национальности девушка имела отдалённое сходство с Лейлой, но её короткие волосы не были похожи на волны, а ресницы, казалось, вот-вот сломаются под чёрной тяжестью туши. Филиппу не удавалось отыскать в ней Лейлу даже с закрытыми глазами – мешал неприятный, низкий с хрипотцой голос. Их роман не продлился и двух месяцев. Зато Манане не составило труда перевести слова, произнесённые её соперницей: «Тебя просто отшили, мой сладкий. Она сказала по-грузински, что ты ей не нравишься».

Сразу после отчисления Филипп забыл о Манане. А вот её прообраз, Лейла, так и сидел в воображении, несмотря на четыре года, минувшие с их единственного разговора. «За это время в моей жизни не появилось ни души, – записал Филипп в дневнике наблюдений, позволив себе минутное отступление. – Манана не в счёт. При звуке её голоса у меня пропадала эрекция, и вообще...»

Звонок в дверь мгновенно вышвырнул его из прошлого.

– Это к тебе! – заглянув, сообщила мать. И Филипп закрыл ноутбук.

– Совсем забыл, что ты собирался зайти, – признался он, когда в комнате появился Никита, складный мужчина с аккуратно зачёсанной назад чёлкой, радушным взглядом и округлым животом, слегка нависающим над пряжкой ремня.

– Я не удивлен, – улыбнувшись, гость протянул другу руку.

В одиннадцатый «В» Никита был зачислен единственным новичком. Мгновенно поладив, парни без конца состязались в умении играть не по правилам. На контрольной по геометрии, «слишком лёгкой для того, чтобы принимать её всерьёз», Филипп нарисовал внутри подобных треугольников двух уродливых стрекоз, а Никита решил задачи, опираясь на формулы собственного изобретения. В знак поддержки Марина и Софи весь урок выводили в тетрадах лозунги: «Евклид – это скучно», «Нет Пифагору», «Свободу параллельным прямым»... Сбежав на перемену, компания хохотала вовсю и немного посерьёзнела лишь после того, как родителей в очередной раз вызвали к завучу.

Теперь Никита был единственным другом, который являлся Филиппу не только в сновидениях.

– Как продвигается самообразование?

– Да так... – отмахнулся Филипп. – А в городе что нового?

– Сплошной криминал, – зевнул Никита. Он работал в газете. – Один повесился, потому что не мог обеспечить семью. Другой жену зарезал по той же причине...

– Нет семьи – нет проблемы, – вяло улыбнулся Филипп.

– А, вот ещё что! – журналист немного оживился. – У нас, говорят, появилась какая-то секта. Жаль, пока не знаю подробностей... Но эти психи, похоже, с большими амбициями. Хотят взорвать АЭС, если верить слухам.

– Да ладно? Это уже интересней.

Я принялся за создание мира со всей непосредственностью десятилетнего творца, не стеснённого ни законами природы, ни ограниченностью собственных сил. Но даже в моей голове не рождалось ничего нового. Я просто разбирал вещи на части, а потом мастерил из них всяческие нелепости.

– Хочу создать цветок из льда и муху с железными зубами.

– Чудесно, – кивнул папа с улыбкой. – Ты, главное, не торопись...

По его совету, я начал с малого. Казалось, нет ничего сложного в том, чтобы создать ледяной цветок. Достаточно мысленно соединить лёд со стенок морозилки с формой цветка, который распускался на кофейном дереве один раз в год.

Я достал из буфета пыльную вазу с узким горлышком и, отмыв её под краном, поставил на стол. Закрыв глаза, представил цветок из льда, но, как ни старался, не смог вытащить его наружу. Мысль оказалась бессильна: с её помощью было невозможно даже столкнуть со стола этот бесполезный сосуд! Разозлившись, я помог своей мысли рукой, и ваза превратилась в осколки. Я поранился, когда собирал их с пола, и папа перевязал мой порез бинтом.

– Ничего не выйдет, – сдерживая слёзы, я смотрел, как проступает сквозь марлю красное облако, а папа пытался меня утешить:

– Это только начало.

– Конец!

– Перестань. Насколько я знаю, мир не создать ни мыслью, ни руками.

Он был прав. Даже если в самом деле вырезать из льда цветок, он станет всего лишь новой вещью в мире, который уже существует. Но ведь не вещь была мне нужна, а целая бесконечность! К тому времени я уже знал, что есть бесконечности настоящие и ненастоящие. Если шагать, например, вдоль комнатной стены, путь никогда не закончится, но бесконечность будет ненастоящей. В настоящей можно идти куда угодно, ни разу не наступив на собственный след. Такую даже представить было трудно – не то что создать...

Всё изменилось в тот день, когда я перестал надеяться.

Разбудив меня, папа ушёл на работу. Мой завтрак – подсохшие бутерброды и стакан яблочного компота – остался на столе нетронутым. Есть не хотелось. Немного побродив по квартире, я вернулся туда, откуда пришёл – в расправленную постель.

Зажжённые лампы казались слишком яркими, но щёлкнуть выключателем я не мог. Только папа имел право менять день на ночь по своему усмотрению. Я сидел на кровати и, поглаживая складки одеяла, смотрел на стену. Сквозь обои проступал контур окна – не складка даже, едва заметная прямоугольная выпуклость. Когда-то я видел в этом окне небо, а потом оно исчезло под слоем кирпичей, шпатлёвкой и обоями. Папа говорил, мне тогда исполнилось два.

Я смотрел на стену, и в голове не было ни мыслей, ни воспоминаний. Только уверенность, что ничего не выйдет, и огромная, невыносимая пустота. Заполнить её помогло бы новое слово, но ждать было нечего. Только вчера папа подарил мне слово «ключ», маленькую вещицу, которая должна открывать замки, но в нашей квартире не справилась ни с одним.

Папа дарил мне слова примерно раз в месяц. В специальной тетради я вёл календарь, где каждая клеточка обозначала день. Дни, когда появлялись новые слова, я обводил красным, а остальные просто зачёркивал крест-накрест. Ждать было нечего, но всё-таки я ждал. Час за часом, сидя на кровати... Порой я воображал, как папа вернётся ни с чем, и от этого становилось почти физически больно, словно огромная железная рука сжимала мою голову.

– Появись, новое слово, – попросил я в отчаянии. Заклинания часто выручали героев сказок. Если колдовские чары – не выдумка, всё остальное тоже должно быть правдой. – Появись, появись, я прошу тебя, появись...

Раскачиваясь из стороны в сторону, я повторял своё заклинание, и в какой-то момент мне показалось, что оно сработало. По телу пробежали мурашки. Железные пальцы разжались, и вся боль ушла. Пустота наполнилась какой-то странной радостью, для которой не было повода.

Я даже разогрел в микроволновке вчерашний суп, но съесть его не успел. В замке повернулся ключ, шаркнули о коврик папины подошвы и какие-то другие, незнакомые звуки послышались из прихожей.

Когда я подошёл, папа попросил меня зажмуриться и положил в мои протянутые руки что-то тёплое и пушистое, как воротник пуховика.

– Это щенок, – объяснил он, присев на корточки. – Кто-то бросил его на улице. Если бы не я, мёрз бы сейчас на мокрой картонке...

Щенок лизнул моё запястье. Я был бы рад даже камушку или гвоздю, но появился он! Такой же живой, как я. Совсем маленький, с мягкой золотистой шерсткой, чёрными глазами и влажным носом.

– Пожалуйста, давай назовём его Львом.

– Твоим именем – собаку?

– А что такого?

Лев стал жить в моей комнате, на пёстром коврике возле этажерки. А я был так счастлив, что боялся сойти с ума. «Заклинание сработало!» – эта мысль не давала мне покоя. Воспоминания подкрепляли мою уверенность: внезапные мурашки и радость, возникшая ниоткуда.

Я принялся за создание мира с новыми силами. Знать, каким именно будет этот мир, как оказалось, совсем не обязательно. Я только хотел, чтобы в нём жили люди – кто-то же должен помочь мне выбраться отсюда и показать настоящую бесконечность, где ни одно окно не превратилось в складку на обоях.

– Появись, новый мир, не похожий на мою комнату, мир, в котором стены исчезнут, и всё будет иначе, где люди будут помнить всё, что захотят, и создавать другие миры... – я сочинял заклинания, расхаживая по квартире, а Лев, потягивая, бегал за мной вприпрыжку. – Появитесь, люди, деревья, рыбы и птицы...

Я постоянно повторял про себя какие-нибудь слова, которые считал магическими. Теперь новый мир представлялся мне гигантским живым существом, похожим на огромного человека, внутри которого всё существует. У него тоже есть пульс, дыхание и голос, настолько громкий, что его не слышно. Мир уже начал расти вокруг серого параллелепипеда нашей квартиры, только сквозь стены его не разглядеть.

– Ну, что? – то и дело допытывался я, дождавшись папиного возвращения. – Снаружи что-нибудь изменилось?

– Вроде ничего...

– Уверен?

Я придумал кучу заклинаний, но больше они не работали.

5

Света не знала, что делать. Отправившись «взять на дорожку винца», отец превзошёл все её опасения и не вернулся ни через час, ни через три с половиной. Его разрядившийся мобильник валялся на тумбочке в прихожей.

Обращаться в полицию было рано, а плутать в одиночку по городу, виденному лишь из окна такси, означало по меньшей мере заблудиться самой. Марина принесла ей

чашку чая и посоветовала не волноваться. Но последовать этому совету было не так-то просто.

Света сидела в кресле и машинально расчёсывала волосы. Она помнила отца счастливым – или он только казался таким? В пору её детства, когда они жили неподалёку от леса и, бывало, даже не позавтракав, отправлялись туда на весь день. Выбрав местечко для костра, Станислав торжественно снимал с плеч рюкзак. Спустя пару часов, пачкая пальцы тёплой золой, они уже уплетали приготовленную на углях картошку. Яблоки с розовыми боками, лиловые луковицы и кусочки ржаного хлеба запекали на прутьях, очищенных раскладным ножиком. Перекусив, болтали, лёжа в траве, играли в слова, учились различать голоса птиц. Папа доставал фотоаппарат, и Света со знанием дела позировала, усевшись в древесных корнях. «Чуть выше подбородок, дочка...» – просил Станислав, медленно подкручивая кольцо фокусировки...

Квартира казалась пустой. По крайней мере, её обитатели не выдавали себя ни звуком. Только около полуночи снова появилась Марина. Застелив диван, она посоветовала госте немного поспать – Свете и самой очень этого хотелось. Но с каждой минутой ждать становилось всё труднее, а часы на подоконнике не тикали – грохотали.

В пятом часу утра она тихо проскользнула в соседнюю комнату и тронула Марину за плечо.

– Что такое? – пробормотала та, перевернувшись на спину. Ваня сопел на другой половине кровати.

– Не спится. Пойду пройдуся – мало ли. Как думаешь, где он может быть? Какие-нибудь магазины, парки...

– Куда ты одна? – зевнув, Марина села на кровати. – погоди, сейчас оденусь.

Шли быстро, макая шаги в слякоть. В густом тумане стояли тёмные силуэты: вкопанные в землю покрышки, деревья, ржавые качели... Тщательно, но безрезультатно девушки обследовали несколько соседних дворов. Промозглые лавочки пустовали и даже возле круглосуточного ларька не было ни души. Света жалобно шмыгнула носом.

– Так и знала, что он не вернётся.

– Всё будет в порядке, – не в меру смело пообещала ей Марина и надолго замолчала, увязнув в прошлом.

Воспоминания, казалось, сеялись сквозь туман. В памяти проявилось лицо Софи, строгое, с острым подбородком и тонкими бледными губами. В день, когда они познакомились, погода была такой же. Школьный двор расходился в пустоту – даже футбольных ворот было не разглядеть. На площадке у входа будущие первоклассники сгруппировались вокруг учителя беспокойной толпой, пестреющей цветами, бантами и ранцами. Софи была среди них. Хмурая девочка с тонкими косичками, заплетёнными на скорую руку. Она держала перед собой букет георгинов и, по одному отрывая красные лепестки, бросала их под ноги. «Что ты делаешь?» – тихо спросила Марина и застегнула ветровку, надетую поверх белой блузки. «Ничего», – ответила Софи. Она мёрзла без куртки: голые предплечья покрылись гусиной кожей. К концу линейки от георгинов остались только стебли и жёлтые сердцевинки. По пути в класс Софи швырнула их в урну.

Потом, десять лет спустя, плотный туман снова застал их вместе. Уставшие после бессонной ночи, подруги возвращались с какой-то гулянки и переговаривались шёпотом, словно всюду, на лавочках, газонах и тротуарах чутко спали люди-невидимки...

Марине с трудом удалось остановить мельтешение образов. Пытаясь отыскать Станислава, они больше не выбирали направления – бродили наугад, надеясь на счастливую случайность. Дорожка из серой плитки вела сквозь парк, вдоль намокших кустов, покрытых изморосью скамеек, погасших фонарей и переполненных урн. Из мерклой пелены то и дело выныривали сомнамбулы-пешеходы, собаки на длинных поводках и сизые голуби.

– Папа хочет вернуть прошлое, – вдруг заговорила Света, словно продолжая вслух некий внутренний диалог. – Знает, что невозможно, но продолжает бороться.

– Хорошо, что продолжает, – задумчиво кивнула её спутница. – Мы давно это дело бросили.

Разговор оборвался, едва начавшись. Миновав парк, они вышли к автотрассе.

– Смотри, это не он? – Марина замерла, пытаясь разглядеть мужскую фигуру посреди проезжей части. У Светы сомнений не было.

Немного виляя, Станислав шагал по истёршейся дорожной разметке, словно по канату. На нём не было ничего, кроме шорт в серую полоску и громоздких ботинок с мехом не по сезону. Над впалым животом угрожающе нависли рёбра – того гляди захлопнутся на сердце, как ловушка на землеройке. Швырнув за спину какую-то бутылку, Станислав чудом не попал в лобовое стекло ближайшей машины. Водитель оглушительно просигналил и пронёсся мимо.

Дождавшись просвета в череде автомобилей, девушки выскочили на дорогу и увлекли мужчину к обочине. Света сняла куртку и накинула отцу на плечи.

– Где твоя одежда?

– Какая?

– Джинсы, жилет, рубашка...

– Она меня не узнала.

– Да, но дело не в тебе...

– Галина! – воскликнул он и посмотрел куда-то ввысь. На месте неба была белёсая пустота.

– Ну и ну, – Марина повела бровями. – Поедем в наркологичку?

– Куда-а? – пошатнувшись, запротестовал Станислав.

– Папа не согласится... Есть один врач, который помогает ему... в таких ситуациях. Но до него ещё доехать надо.

– Тогда побудьте пока у нас. Не на вокзал же в таком состоянии.

– А с Галиной как быть? – шепнула Света. – Им лучше не...

– Да, точно... – Марина с минуту помолчала. – Я знаю, где вас разместить. У нас на третьем этаже как раз квартира пустует. Свекровь хотела переехать, но потом забыла... Ремонт мы забросили, так что сейчас там бардак. Но, в принципе, переночевать можно. Одежду у Вани одолжим.

– Это вариант. Пусть выпится, а там – посмотрим.

Крепко схватив Станислава под руки, девушки двинулись в сторону дома.

Квартира оказалась хуже, чем представляла себе Света. Голые, кое-как побелённые стены, груды мусора тут и там, засохшая штукатурка в пластиковых ведёрках, кисти со слипшейся щетиной, невымытые валики и почти никакой мебели. Только на кухне – стол и пара табуретов, а в единственной комнате – скрипучий шифоньер и диван, накрытый полиэтиленом.

– Всё будет как раньше, – повторяла Света, пытаясь надеть на отца свитер. – Ты не останешься один. Вот поспишь немного – и домой поедем...

Станислав посмотрел на дочь так, словно она была прозрачна, и тихо позвал:

– Галина!

6

По выходным Никита часто являлся без приглашения.

– А помнишь, как ты прикончил бабушку? – улыбнулся Филипп, поставив на стол два низких бокала.

– Ещё бы! – откликнулся друг, открывая вермут. – Бабуля потом неделю со мной не разговаривала.

Погожим майским днём Никита, без пяти минут выпускник, отпросился с последнего урока к бабушке на похороны. По его словам, три дня назад старушка скончалась от инсульта. Понурившись, скорбящий внук стоял возле учительского стола, уставившись на ободранные носы сменных ботинок, а на следующий день покойница заглянула в класс, чтобы передать ему ключи. Все затихли, предвкушая скандал. Но Никита не растерялся. «Прошу прощения, – сказал он, поднявшись из-за парты. – Шутка должна была быть смешной...»

– Как она кстати, жива-здорова?

– На удивление, для своих восьмидесяти... Читает мои статьи – но хоть бы слову поверила! Врёшь, говорит, как сивый мерин. Я уже не спорю...

Издание, в котором он работал, когда-то называлась «Голос правды». Однако со временем и «правда», и «голос» из названия пропали. Большую часть материалов газета «В другую сторону» посвящала историям «особенных» людей, которых в редакции называли по-простому – всякие психи. Бездомный, посвятивший жизнь разукрашиванию зубочисток, успешный бизнесмен, переехавший в заброшенный дом, основательница благотворительного фонда, выжившая после прыжка с крыши и убежденная в том, что её спас ангел о трёх головах, имели все шансы очутиться на первой полосе.

Если за день до дедлайна герой не появлялся, Никита шёл искать его в подземных переходах, под тёмными деревьями на берегу водохранилища, на скамейках в обезлюдивших парках. Его потенциальные персонажи хрипло пели, собирая мелочь в чехлы из-под гитар, спали с приспущенными штанами, вытянувшись на холодных досках, тряслись в последних автобусах, вцепившись в скользкие поручни, одиноко кричали в ночь, что живут между небом и землей, просили Никиту подсказать им дорогу, просили у него денег, просили одолжить проездной, предлагали выпить и хлопали по плечу, называя своим парнем. Принимаясь писать, он позволял себе долю домысла, но всё-таки редко сдавал в печать чистую выдумку.

Образ жизни Филиппа – его погружённость в сны и рассеянное бездействие наяву – вызывал у Никиты недоумение. Друг тщетно объяснял ему, что сон – не просто воображение, пущенное на самотёк, а подлинная жизнь, альтернативная привычному пространству-времени.

– Эскапизм, вот как это называется! – стоял на своём Никита. Вермут уже заканчивался. – Ты вообще выходишь из дома? У тебя в комнате...

– Я прекрасно знаю, как это выглядит со стороны, – перебил Филипп. – Но поверь, моя работа ничуть не хуже офисной рутины. Занять себя чем-то вроде этого я всегда успею. А пока мне нравится изучать жизнь с другого ракурса.

– Ладно, во всяком случае индукция – наш общий метод. В последние три года я только и делаю, что коллекционирую частности. Почти двести интервью... Удивительные, смелые поступки вперемешку с пьяным вздором и самовлюблённой болтовнёй...

– Я, может быть, скоро пополню твою коллекцию собственной персоной. Но сейчас я уверен, что открыл нечто более глубокое, чем психика, бессознательное и всё тому подобное. Когда-нибудь я объясню. Нужно во всём разобраться, прежде чем...

– Прежде чем у тебя окончательно поедет крыша! – рассмеялся Никита.

– Нет, – сквозь смех возразил Филипп. – Прежде чем я смогу сделать выводы. Я хочу соединить две жизни воедино и посмотреть, что из этого выйдет. А пока – накапливаю опыт...

– Да какой опыт, Фил? Твоя «вторая» жизнь уничтожает первую и, я бы сказал, основную. Ты записываешь свои сны, меряешь температуру и что там ещё, пытаешься убедить себя, что проснулся, ищешь способ не запутаться... Так?

– Ну, допустим.

– На нормальную жизнь просто не остаётся времени.

- Я собираюсь найти работу и готовиться к экзаменам.
- Но ты не сделал ни того, ни другого, – Никита потушил окурок в стеклянной пепельнице. – Наверняка даже не начал, а?
- К чему ты клонишь? Предлагаешь пойти к врачу?
- Нет, потому что ты всё равно не пойдёшь. Предлагаю для начала придерживаться определённого режима дня. Допустим, ночью ты спишь и делаешь в своих снах всё, что захочешь. Утром тратишь пару часов на самоанализ, а затем начинаешь жить как все нормальные люди. Иначе придётся признать, что наяву ты просто неудачник.
- Как раз это я и пытаюсь сделать – пока без особых успехов. Сплю на ходу, а из прочитанного ничего не помню.
- Учебники – скука. Нужно что-нибудь поинтересней. У меня есть ещё одно предложение. Помнишь ту секту, о которой я говорил?
- Предлагаешь в неё вступить? – улыбнулся Филипп.
- В точку! – Никита хлопнул его по плечу. – Не обращай внимания на слово «секта». Наверняка религия тут не причём. Я пока ничего толком не знаю, но зато кто-то из них знает нашего главреда. На той неделе какой-то мужик подсел к нему в трамвае и давай разглагольствовать о будущем человечества. Главред слушал вполуха... А тот возьми и пригласи его на сходку. Вы, говорит, должны стать одним из нас. Оставил адрес. Наверняка хотят, чтоб о них написали...
- И что главред, пошёл?
- Нет, конечно. Меня посылает – на то он и главред. Может, там действительно что-то интересное... Или, на худой конец – просто забавная история.
- В тот раз ты сказал, что эта ваша «секта» собирается устроить взрыв...
- Да, как я понял, мужик из трамвая намекал на что-то такое... Говорил, мол, из-за АЭС горожане становятся безликими рабами системы.
- Тяжёлый случай.
- А то! Вот я и предлагаю – пошли со мной. Взаимовыгодное, между прочим, предложение. Мне не придётся тащиться одному, а ты развеешься...
- Уговорил.

Два дня спустя они отправились по адресу, который оставил незнакомец.

Филипп наскоро привел себя в порядок: побрился, прошёлся по вещам утюгом, взглянул в зеркало перед выходом. Тёмные волосы слегка топорщились после мытья.

– Как будто на свидание собрался! – оценил Никита. Было непривычно видеть Филиппа в брюках и драповом пальто вместо растянутого домашнего свитера. Сам Никита выглядел просто и посредственно: серая болоньевая куртка с глубокими карманами, потёртые джинсы, чёрные ботинки.

Уже стемнело, когда они вышли на конечной после двадцатиминутной тряски в полупустом автобусе. Пахло землёй и гнилью листвы, которую дворник лениво сгребал в кучу, беззвучно переступая по слежавшейся траве.

Боясь опоздать, шли быстрым шагом. Вереница пятиэтажек сменилась крохотным, единственным в городе частным сектором. В чередё небольших домиков из кирпича отыскать нужный удалось не сразу.

С трудом разглядев табличку с номером, Никита с Филиппом вошли во двор и закурили у крыльца. Внутри горел свет, но было тихо. Человеческие тени бродили за жёлтыми шторами. Прямо со двора, если перемахнуть взглядом через забор и кустарник, можно было разглядеть чешуйчатую рябь водохранилища. Электрический свет плыл по воде, как жидкое золото. Над горизонтом возвышалась станция, удваивая свои мощности в дрожащем отражении.

– Ну что, поехали? – Никита потянулся к звонку.

– Подожди, – Филипп отшвырнул окурок. – У нас есть какой-нибудь план?..

– Разберёмся по ходу дела. Тебе как раз пора научиться импровизировать не только во сне.

Им открыл мужчина средних лет с редкой козлиной бородкой, начинавшей седесть, худым лицом и глубоко посаженными карими глазами. Он появился так внезапно, словно всё это время тихо стоял за дверью, поджидая гостей.

– Чем могу помочь? – осведомился он и минуту спустя пригласил их войти. Никита назвался корреспондентом, а Филипп молчал рядом, старательно изображая заинтересованность.

Первым, что увидели друзья, оказавшись в прихожей, был книжный шкаф, упирившийся в потолок. Возле одной из секций стояла самодельная стремянка.

Филипп пробежался глазами по переплёткам. Руководство по моделированию самолетов соседствовало с зарубежной классикой, а та, в свою очередь – с макулатурой о подвигах советского народа. Хотелось скорее уйти или, сейчас же открыв глаза, обнаружить себя в постели и повернуться на другой бок. Но о том, что это не сон, он знал наверняка.

Машинально прихватив какую-то книжку, Филипп шагнул в гостиную следом за Никитой. От прихожей её отделяла пурпурная шторка, отороченная потрёпанной бахромой. Внутри было уютно: приглушённый свет, бежевые стены и пушистый персиковый ковёр, скрадывающий звук шагов. На столике в углу закипал электрический чайник с голубой подсветкой. Там же стояли белые кружки с золотистой каймой, сахарница и широкое блюдо с печеньем курабье.

Участники встречи расположились на диванах, креслах и старых стульях с жёсткими сиденьями. Всего семь человек, которые тут же устали на вновь пришедших пронизывающим взглядом, обволакивающим с трёх сторон – как будто одним на всех. Филипп почувствовал себя неловко. Во сне он всегда был хозяином ситуации, а здесь – лишь случайным гостем, которому на один вечер надлежит втереться в доверие к незнакомцам.

– Можно нам кофейку? – по-свойски осведомился Никита и направился к столику. – Фил, тебе с сахаром?

– Это не столовая, – грубовато возразил некто, напоминавший уголовника: бугристый, гладко выбритый череп, массивный подбородок, синие татуировки виднеются из-под рукавов футболки. Оседлав стул посередине комнаты, мужчина вертел в руках пачку сигарет. – Вы вообще понимаете, где находитесь?

– Не до конца, – сменив тактику, осторожно признался Никита. – Мой друг и коллега, Фёдор Борисович...

– Да, да, это я столкнулся с ним в трамвае. Мы когда-то учились вместе, но Федька меня не признал. А я как увидел его кислую рожу – чуть не расплакался спяну. Подумал – надо помочь мужику...

– Не знал, что ему нужна помощь.

– Чё ты вообще знаешь?

Никита взглянул на мужчину с добродушным любопытством:

– Он заведует редакцией. Разве не поэтому вы...

– Он – редакцией? Да в жизни не поверю!

– Конечно, не поэтому, – подал голос мужчина с козлиной бородкой. – Мы никому не навязываем своих взглядов, и если наши ряды пополняются, то вовсе не благодаря пиар-кампании. Но я до сих пор не представился. Меня зовут Вениамин. Большинство встреч проходит под моим, с позволения сказать, руководством. А это Серёжа. Иногда он бывает не в меру резок...

– Чё ты распинаешься? – Серёжа хлопнул ладонью по спинке стула. – Это всего лишь газетчики. Припёрлись, бля, – кофе попить на халяву. Им подавай сенсацию! А станут писать – всё переврут к чертям собачьим...

– Брось, – мягко возразил Вениамин. – Разве имеет значение, с какими намерениями они пришли? Важно, Серёжа, то, что они здесь. Преступление – пренебрегать возможностью. Вспомни: ты влез в этот дом, чтобы украсть телевизор. А молодые люди выглядят вполне интеллигентно...

– Поверьте, ваше имущество не пострадает, – смеясь, заверил его Никита.

– В таком случае начнём.

7

Строение человека я изучил по трём рисункам, которые показал мне папа. На одном из них тело состояло из разноцветных органов, на втором – из переплетения сосудов, на третьем – из белых костей.

– Вот это – долговечней всего, – папа постучал по скелету указательным пальцем.

– Ужас, – поёживаясь, я переводил взгляд с одной картинки на другую. – Жить вообще без тел, наверное, было бы лучше...

– Раньше я тоже так думал. Мне казалось, тело – главная причина одиночества.

Когда папа устроился на работу, я понял, что значит это слово. Прежде он оставлял меня изредка и ненадолго – мы, вроде как, жили на средства, вырученные с продажи дачи и квартиры его родителей. Но потом деньги закончились. С тех пор папа уходил в восемь, а возвращался – в шесть тридцать.

Накануне своего первого рабочего дня он дал мне чистую тетрадь и попросил записать туда всё, что найдётся в квартире. Он объяснил, что моя коллекция называется словарь, и велел пополнять её, как только найдётся что-нибудь новое.

Перечислив предметы, очевидные в своей весомости, я перешёл к деталям – сгибам, складкам, отслоениям, углублениям и полостям... Когда закончились и они, папа рассказал мне об отвлечённых понятиях.

В его отсутствие я только и делал, что искал слова. Составив определения для своих находок (поначалу их было немало), я ждал папу, чтобы он дал им названия – так в словаре появились воодушевление, апатия, бессонница, энтузиазм, тревога, отвращение, предрассудок, убежденность, рефлексия... Количество тетрадей росло. Я складывал их стопками на краю стола. Но в конце концов невидимое тоже было исчерпано.

Дни без новых слов казались мне бесконечными. Я начал было выдумывать слова сам, но папа быстро заставил меня бросить эту затею. Он купил мне толстенную тетрадь в твёрдой обложке, не похожую на остальные, и предложил писать в ней всё, что придёт в голову, «хотя бы воспоминания».

Ещё не зная о существовании «всеобщей» памяти, я посвящал целые страницы повседневным мелочам. Рассказывал о том, как нашёл в папином шкафу маленькую зелёную расчёску, как научился готовить салат оливье и запускать стиральную машину, как починил стул, из которого вывалился шуруп... Скоро папе пришлось признать, что со своим предложением он поторопился. Я не мог поставить на своё место даже точку.

На моём столе появились две большие книги: учебник по русскому языку и справочник по орфографии и пунктуации. Я учил по одному параграфу в день, а после ужина, пересказав его папе, писал под диктовку текст, который он сочинял на ходу.

Новых слов в учебнике было немерено. В первый же вечер я нашёл там небо, тучи, облака, ветер, щуку, острог, холмы, пригорки, крейсер, канарейку, гвоздики, соловья и алгоритм. Мне не терпелось выяснить, что всё это значит.

– Что такое небо? – начал я за ужином. – В учебнике сказано...

– Почему ты не можешь просто выполнять упражнения? – папин голос был строже обыкновенного.

– Мне легче, когда...

– Ты всё ещё хочешь, чтобы было легче?

Я ушёл к себе, но, уставившись в учебник, видел лишь чёрную рябь. В голове продолжал звучать папин вопрос, и, отвечая на него утвердительно, я чувствовал себя виноватым. Вдобавок ко всему на кухне шумела вода. Звонко стукались друг о друга тарелки, хлопала дверца шкафа...

Помыв посуду, папа появился в комнате. Его серая футболка потемнела от брызг.

– Прости, сынок, – внезапно сказал он, присев на кровать. Я ожидал чего угодно, только не этого. – В последнее время я много думал о том, стоит ли рассказывать тебе о мире. Каждый раз говорил себе: да! Конечно же, стоит. Но сегодня засомневался – сам не знаю, почему. Короче говоря, забудь... Что тебя интересует, небо?

– Небо, тучи, облака, ветер, щука... – схватив тетрадь, затараторил я.

Полгода спустя грамотность давалась мне без усилий. Все знаки вставали на свои места сами собой, даже если я был рассеян и писал не задумываясь. В последнем тексте, написанном под диктовку, папа не нашёл ни одной ошибки. Но его похвала меня не обрадовала. Новые слова закончились вместе с учебниками. Где теперь их возьмёшь?

– Что здесь случилось? – крикнул папа из ванной, заметив под раковиной испорченную керамическую плитку. Я разбил её молотком, но не смог приклеить осколки обратно. Изъян бросался в глаза.

– Я хотел найти какое-нибудь слово.

– Под плиткой!? – папа присел, пошевелил пальцами осколки. Я молча стоял рядом. – Ладно, давай так. Если не будешь больше крушить квартиру, я обещаю время от времени дарить тебе новые слова.

– Правда? Я-то думал, снаружи они закончились...

– Слов полно – на тысячу жизней хватит. Только не преувеличивай их значения. Просто коллекция, хорошо?

8

Уныло ожидая транспорта, на остановке столпились люди. Марина наблюдала за ними сквозь прозрачную стену небольшого магазинчика, расположенного поодаль от торговых рядов. В чёрных и белых вазах по периметру помещения медленно увядали розы, хризантемы, лилии, тюльпаны, альстромерии, анемоны... «Цветы в кубе» – было написано над входом в здание, чья форма была и вправду близка к кубической. В тёмное время суток синие буквы мигали изумрудными всполохами.

Положив ногу на ногу, Марина сидела в обшарпанном кресле неподвижно, как бледный манекен. Песчаной россыпью проступали на лице веснушки. Она работала в цветочном магазине, потому что не любила цветы.

– Отчим говорит, будущее принадлежит роботам и программистам, – заявила Софи за год до выпускного. Начавшееся лето обещало быть жарким. Они бродили по городу, то и дело заглядывая в какой-нибудь бутик – выбирали себе купальники. – Роботом я быть не хочу. Так что вот, изучаю C#.

– Что за сишарп? – осмотрев своё отражение в витрине, Марина осталась недовольна: несколько прыщей на лбу, чересчур пухлые розовые щеки, жирный блеск на переносице...

– Это такой язык программирования, – объяснила Софи. – А ты чем думаешь заняться?

– Не знаю, – Марина поправила причёску, и подруги зашли в магазин, на витрину которого только что смотрели. – Мама хочет сделать из меня бухгалтера, а папа – инженера. Я думаю обломать обоих. Поступлю на филфак или сразу на работу устраюсь.

Вот моя бабушка всю жизнь продавала букеты. Целую оранжерею содержала. В этом что-то есть! Какая-то лёгкость...

– А по-моему – ужас. Видела вывеску на той стороне улицы? «Живые цветы»! Идиотизм... Растения, отрезанные от корневища, совершенно точно мёртвые. Ну ладно, умирающие. Им самое место на могилах – не на празднике.

– Почему нет?

– Представь, что тебе на день рождения дарят пучок человеческих голов, надетых на палки, как чупа-чупсы.

– Фу!

– Вот именно. Мы едим мясо и овощи, потому что это необходимость. Но убивать цветы – всё равно что убивать детей.

– Вечно ты утрируешь...

– Ну и что? Короче. Если пойдёшь по стопам бабули, не вздумай себя обманывать. Ты будешь продавать цветы, потому что не любишь их, а не наоборот... О, смотри. Как тебе? – Софи сняла с вешалки-стойки закрытый чёрный купальник.

Воспоминания развёртывались бесконтрольно, словно хотели быть прожитыми заново. Пытаясь выбраться из их потока, Марина глотнула кофе и открыла учебник по флористике.

Магазин на площади Юности принадлежал её тёте, которая, получив в наследство бабушкину оранжерею, вложила в неё всю свою энергию и предпринимательские способности. Теперь ни одна цветочная лавка города не могла соперничать с «Цветами в кубе» в разнообразии ассортимента.

Марина обратилась к родственнице через пару месяцев после отчисления с филфака. Родители уже три года как переехали в Москву. Владелица оранжереи обещала им присматривать за племянницей и потому, недолго думая, отказала от места одной из продавщиц. «Будешь флористом!» – объявила она Марине с такой интонацией, словно решила её судьбу раз и навсегда. Та согласилась: «Не вопрос». Но изучать предмет не торопилась и, составляя букеты, полагалась только на интуицию. Учебник, выуженный из ящика стола, тётя принесла ещё в прошлом году: «Займись делом – хватит продавцом сидеть. Сама понимаешь, не солидно!» – «Да, да...»

Утро всё не заканчивалось, бледное, как утонувший в озерце воска фитиль – напрочь лишённое будущего.

Марина обвела взглядом магазин. Повсюду умирали прекрасные цветы. Белые, лиловые, алые... Покупателей не было. Подперев голову рукой, девушка начала читать. Она знала: стоит на секунду ослабить внимание – и воспоминания снова проползут между строк. Но вместо академических букетов ей всё же виделся пряный летний луг. Оранжевые герберы и синие ирисы, прорастающий папоротник и нежно-розовый тысячелистник, мелкая ромашка и солнечный звербой...

– Не вини себя, – над лугом пронёсся голос, приятный, как прикосновение к бархату. – Удача тебе скоро будет, удача...

Фантазия стёрлась, и Марина подняла глаза. У прилавка стояла женщина, почему-то напомнившая ей постаревшую русалку: смуглая кожа, собранные в тугую пучок курчавые волосы с редкой сединой, серёжки и кольцо с крупными бусинами цвета спелой черноплодки, узкое бирюзовое платье под распахнутым пальто. Она вошла неслышно, хотя над входом висели колокольчики, мелодичным перезвоном оповещавшие о каждом посетителе.

– Наконец-то! – незнакомка хитро улыбнулась, заглянув Марине в глаза. – Я уж думала, возьму розочку и уйду. Ты ничего и не заметишь.

– Что значит «возьму розочку и уйду»?

– ...Но не ушла, – поплевав на пальцы, гостя пригладила волосы на висках и осторожно выдернула из вазы белую розу. – На тебя засмотрелась. Красавица – глаз не оторвать – а душа дрожит... И прошлое, и будущее – всё ей страшно. Нет счастья, нет удачи, всё чёрное-чёрное... Ты кормишь страх своим сердцем. Но ведь сердце, милая, – это тебе не кусок говядины. Чудища только в воображении страшны. Встреть их наяву – пройдёшь насквозь и не заметишь. Вот какая ты стала сильная...

– Я не верю гадалкам, – она хотела подняться и выпроводить посетительницу, но, вопреки своему намерению, продолжала сидеть в кресле, положив ладонь на закрытый учебник.

– А я и не гадалка! – весело откликнулась женщина и теперь с каждой фразой доставала из вазы новый цветок. – Но знаю, что говорю. Твои чудовища – тайны, которые ты хранишь. Два человека без будущего – стало быть мёртвые... Они всегда с тобой, но помочь не могут...

– Откуда вы знаете? – Марина удивилась своему голосу, который, ей показалось, прозвучал чересчур доверчиво и тихо.

– Кто знает – откуда? – она прижала к груди охапку роз. – Поменьше говори с мертвецами. Тайны забирают твои силы – так открой их, пора. Не думай, милая, что я хочу тебя обокрасть. Просто у меня нет денег. Я не жалею... Живу неплохо, но денег всё-таки нет. А у дочки свадьба. Она обожает розы и очень красиво танцует. Ну, пойду... Не злись, ладно? Я помолюсь, и будет тебе удача...

Через пару минут гостя скрылась в ближайшем дворе, завернув за угол многоэтажки.

Оцепенение отступало, оголяя факты: женщина, подозрительно похожая на цыганку, запросто обокрала магазин и скрылась безнаказанной. Но Марина не находила в себе желания позвонить в полицию. Ни досады, ни гнева. Если женщина сказала правду, украденные розы достанутся счастливой невесте – что ж, пускай...

У входа прозвенели колокольчики, и в магазин вошла новая покупательница, дама с двумя шпицами на длинных поводках. Её меховая шапка была чересчур тёплой для осени – точь-в-точь ещё один пёс, нахлобученный на затылок.

– Чем могу помочь? – вежливо поинтересовалась Марина.

– Нужно что-нибудь необычное, но без излишеств... – чтобы собаки не разбежались, женщина намотала поводки на запястье.

– Гляньте каталог, – Марина выложила на стол несколько объёмистых папок и принялась рассказывать об их содержимом. А в голове продолжал звучать мягкий, утешающий голос воровки – приятное, но малоэффективное лекарство. Вот какая ты стала сильная...

Три года назад, лёжа на кушетке в кабинете УЗИ, Марина разглядела на экране крошечного человечка, который каким-то образом очутился в её теле и барахтался там, дрыгая конечностями, словно в банке с водой. «Поздравляю!» – воскликнула врач, вытащив датчик из влагиалища пациентки. «Этого не может быть», – прошептала Марина, и в глазах защищало от слёз.

Следующий день она начала как обычно. Приготовила завтрак, проследила, чтобы муж не забыл ключи, на прощание бесшумно поцеловала в щёку: «До вечера, любимый». Но в университет не пошла – выкроила время на раздумья. Как назло, в тот же день позвонила тётя. Марина соврала, что приболела – выговорить «всё нормально» не смогла. «Что-то серьёзное?» – насторожилась родственница. «Пустяки», – заверила её девушка, для убедительности кашлянув в трубку.

Время потекло быстро, словно сквозь горловину песочных часов, которые никто никогда не перевернёт. Не выбирая маршрута, Марина бродила по городу, в ужасе впиваясь взглядом в набухшие почки и прорастающую траву. Под ногами, поблёскивая на солнце, плыла оттаявшая земля.

Впервые после выпускного Марина набрала номер Филиппа: «Нужно встретиться! В три возле ивы, сможешь?»

Слегка опешив от звонка, он пришёл на пять минут раньше и в нетерпении выкурил три сигареты подряд. Прислонившись к дереву, Филипп наблюдал, как девушка торопливо семенит через двор, огибая лужи: зелёное пальто застегнуто на одну пуговицу, чёрный шарф болтается нелепо и траурно, свисая ниже талии. «Что случилось? – он старался поймать её взгляд, но Марина смотрела вниз, на древесные корни. – Кто-нибудь умер?» Никакого ответа. «Так и будешь молчать?» «Прости, – наконец выговорила она. – Некому было позвонить». «Некому? – удивился Филипп, вспомнив о Софи. – Ну, ладно. Могу я помочь?» «Не знаю... – она сомневалась всего несколько секунд. – Нет, не можешь. В такой ситуации ответственность неделима». Он начал злиться: «Что, чёрт возьми, за ситуация?» «Неважно. Иди домой, Фил», – не попрощавшись, Марина зашагала прочь.

Филипп хотел было пойти следом, затем – побежать, но в конечном счёте не сделал ни шага. Он чувствовал, что не имеет к происходящему ни малейшего отношения. Под деревом развёртывалась личная драма Марины, в которую она по какой-то причине захотела его вовлечь – и он погружался в драму. Но, не зная роли, решил поступить как обычно – руководствуясь принципом недеяния, который в его интерпретации мог бы звучать так: «Не нужно решать проблемы; они тоже имеют право на существование». Последовав совету девушки, Филипп пошёл домой – а Марина обратилась в клинику, чтобы прервать беременность.

В квартире, где прошло её детство, была хорошая слышимость. Но жалобы матери Марина знала наизусть ещё и потому, что повторялись они ежедневно и, несмотря на обилие вариаций, сводились к одному и тому же. У мамы нет одежды, нет времени, денег, жизни – словом, вообще ничего нет, – потому что все эти ценные ресурсы из года в год достаются «ребёнку». Марине приходилось узнавать в этом «ребёнке» себя: других детей в семье не водилось. Не кого-нибудь – её нужно кормить по три раза на дню. Её нужно водить в школу и дважды в неделю – на танцы. Нужно всё время что-нибудь ей покупать, потому что из вещей девочка стремительно вырастает. «Смотри-ка, пиджак уже мал, – в очередной раз удивилась мать, поправляя “своему ангелочку” воротник. – Так мы никогда не накопим на отпуск...» И Марина чувствовала себя виноватой по меньшей мере в том, что растёт. Ей было неловко существовать, создавая родителям столько неудобств. Не существовать вовсе – вот был бы выход. Но мысль о смерти её не посещала. Девочка мечтала найти клад и купить маме много красивых платьев.

В четырнадцать Марина была уверена, что дети – наказание, которое вменяется взрослым несправедливо и жестоко. Поэтому, узнав о беременности в восемнадцать, не почувствовала ничего, кроме паники.

Полагая, что муж не оставит ей выбора, Марина ничего ему не сказала. Ваня заставил бы её сдаться, раз и навсегда отдать своё будущее тому таинственному человеку, который проник в её тело – важно ли, как? – по нелепой случайности или великой закономерности. Не было никаких причин так яростно оборонять туманные перспективы, но стоило Марине представить себя матерью, как сознание наводняла темнота, руки начинали дрожать, а тело покрывалось испариной.

После наркоза в голове стояла густая муть, как в гнилом пруду, где вымерло всё живое. Ошибка! Слово упало тяжёлой каплей, и по воде разошлись круги. Ошибка, ошибка... Тот таинственный человек, подумалось, мог вырасти счастливым. Он многое мог, но был рассечён на части и до последней возможности выскоблен из её тела медицинскими инструментами.

Темнота не расступилась, и постепенно Марина научилась в ней жить. Помимо родного, привычного «Я» она ощущала внутри себя ещё одно, чужое – тёмное тело без ясных очертаний. То и дело оно втягивало в себя её сознание, теснило со всех сторон и выплёскивалось в мир, вкрадывалось в предметы подспудной тенью. *Что оно такое?*

Марина не понимала. Размышления не приводили ни к чему, кроме растущей тревоги, – вскоре их пришлось оставить.

Учёба на филфаке вдруг оказалась на редкость бессмысленным занятием. Не дотянув до летней сессии, Марина бросила университет. Порой она чувствовала свою вину не только в смерти ребёнка – во всем происходящем, вплоть до самоубийства соседа-слесаря, который повесился на лестничной площадке, приладив верёвку к торчащему из потолка крюку...

– Ничего, что я с собаками? – запоздало спросила покупательница, листая каталог праздничных букетов. Шпицы потягивали, усевшись на пол у ног хозяйки. – Боюсь оставлять их на улице.

– Порядок, – заверила её Марина. – Выбрали что-нибудь?

– Вот этот – загляденьте! – женщина продавila ногтем страницу каталога. – Сделаете к завтрашнему дню?

Вечером зашла Света. Водрузив на прилавок завернутую в фольгу курицу гриль, по-свойски уселась в кресло. В магазине запахло как возле вагончика с фаст-фудом.

– Устала страшно, – жаловалась она. – В обед была у папы – спал как убитый. Оставила ему фруктов, а сама гулять пошла. Целый час просидела на пляже. Замёрзла, но вид – потрясный! Особенно этот пар над водой... Я читала про водохранилище-охладитель, но что оно охлаждает – хоть убей не помню...

– Конденсаторы турбин, – равнодушно пояснила Марина. – Вода там круглый год тёплая.

– Понятно. Ты поужинаешь с нами? Я вот, видишь, курицу купила. А то папа весь день не ел...

– Ладно, загляну ненадолго, – она взглянула на часы. – Пять минут – и уходим.

Почти всю дорогу молчали. Марина всё ещё раздумывала о словах гадалки, а Света уныло смотрела по сторонам, мечтая об отъезде. В этом городе она не понимала никого, включая собственного отца. Глаза слипались – бессонная ночь давала о себе знать. От одиночества и усталости хотелось плакать. Но Света держалась, напоминая себе, что сочувствия ждать не от кого.

Все её усилия пропали даром, когда, поднявшись на третий этаж, девушки вошли в квартиру. Зажегши свет, увидели: она пуста. Только нетронутые фрукты валяются возле дивана, как цветные мячи. Два красных яблока, зелёная груша, апельсин.

– Я разве оставляла вам запасные ключи?

– Нет, – с трудом выговорила Света, глядя на приоткрытое окно. По щекам потекли слёзы.

Распахнув одну из секций, Марина перегнулась через подоконник. На газоне одиноко росла тонкая берёзка, неподалёку горел фонарь. Во дворе – ни души.

– Попробуй успокоиться, – взяв под локоть, она повела девушку к выходу. – Сейчас пойдём наверх и что-нибудь придумаем...

Света молча последовала за ней. Видимые сквозь слёзы, ступени превратились в дрожащее серое месиво.

Все сидели в полутьме. Массивная люстра, похожая на продырявленную планету, почти не освещала комнату. Прямо под ней, оседлав деревянный стул, молча курил бритоголовый Серёжа. Никита безмятежно жевал печенье, засунув в карман диктофон. Притулившись рядом с ним на двухместном диване, Филипп осторожно рассматривал присутствующих.

В гостиной было шесть человек, не считая его самого, Никиты и Вениамина, который куда-то вышел, едва начав встречу. У противоположной стены сгорбился на стуле старичок с белоснежным пушком на макушке: рука, обвитая сосудами, как немигающей гирляндой, слегка дрожала, опираясь на клюку. Слева от него откинулся на спинку кресла худощавый шатен лет тридцати пяти, одетый в спортивный костюм. В углу комнаты, прислонившись к стене, замер колоритный тип с рыжими бакенбардами и массивной, столь же огненной бородой. Он выглядел на пятьдесят, как и Вениамин. Маленькие глазки посверкивали, как стальные блесны.

Ещё двое показались Филиппу сверстниками.

– Матвей, – представился один из них. Поймав взгляд Филиппа, молодой человек пересёк комнату и присел на пустующий рядом стул. Сквозь облегающую водолазку проступала мускулатура. – Рад знакомству.

– Ты здесь частый гость? – осведомился Никита.

– Мы с Ольгой ходим раз в неделю, – с готовностью поделился Матвей, и все трое взглянули на девушку, сидевшую у окна: прилизанные русые волосы, тонкие руки, невыразительное овальное лицо. – Это моя жена.

Ольга кивнула, в знак приветствия подняв раскрытую ладонь.

– И как, нравится?

– Не то слово. Я с детства мучился от мигрени. Ну, просто ничего не помогало! А тут – вы не поверите – пару раз поговорил с Вениамином, и как рукой сняло...

– Серьёзно? – журналист постарался не улыбнуться. – Чудеса, однако!

Вениамин, наконец, вернулся. Поставив на стол ещё одну тарелку печенья, уселся в невзрачное кресло, накрытое байковым одеялом. Присутствующие выжидательно замолчали.

– На самом деле нас гораздо больше, – объяснил он, повернувшись к новичкам. – Далеко не все появляются регулярно...

– Это ваш дом? – поинтересовался журналист, воспользовавшись краткой паузой.

– Нет, дом принадлежит Леониду, – Вениамин указал взглядом на рыжебородого мужчину. – Мы с ним старые товарищи, когда-то работали вместе. Сейчас он профессор, учит студентов философии. Три года назад мы решили создать своего рода объединение... Но это не секта, как считают некоторые. Скорее, союз единомышленников, которые понимают друг друга и учатся сообща менять реальность, чтобы...

– В каком смысле «менять реальность»? – снова вмешался Никита. – Я слышал, вы...

– Бля, заколебал перебивать! – скрипнув стулом, проворчал Серёжа. – Интервью решил взять по ходу дела?

– Профессиональная привычка, – с простодушной улыбкой объяснил Никита и обратился к Вениамину: – Может быть, ответите на вопрос? Не для записи...

– Конечно, – Вениамин продолжил тоном преподавателя: – Можете записывать – дело ваше. Для начала хочу сказать, что мы сторонимся любой системы, которая может дать полную картину мира. Религия, наука, философия... Любая теория – это, прежде всего, претензия на власть. Попытка поймать мир в сети концепта – как правило, безуспешная. В этом доме вы не услышите псевдоинтеллектуальных споров о теории. Значение имеют только Реальность и образы, которые в ней рождаются. Мы принимаем за аксиому лишь тот факт, что в основе мира материи, доступного нашему восприятию, лежит некий сверхчувственный фундамент – иначе говоря, Подлинная Реальность. Подобно океану, она имеет нестабильную структуру и, выражаясь образно, состоит из света, который льётся в мир сквозь множество подвижных преград. В результате – я нарочно упрощаю и обобщаю – возникают области света и области темноты. В темноту попадают люди, потерявшие опору, какой бы она ни была: семья, здоровье, Бог или что-то ещё. Темнота подвижна, но выбраться из неё непросто. Не имея сил бороться, человек проваливается всё глубже и увлекает за собой других. Один маленький импульс, одно

слово, мысль – и тень стала шире, тень остановилась – как будто облако замерло в небе. В ней можно прожить всю жизнь. Незаметно для себя человек становится безразличен ко всему, что с ним происходит. С этого момента его как будто нет... Так живут многие. Разве это не трагедия? Вот мы и стараемся приводить энергию в движение. Выбаться и помогать остальным...

– Но как? – не удержался Филипп.

Он собирался тактично выждать полчаса и уйти под предлогом неотложных дел, но постепенно перестал следить за временем. Обычно время скользило, текло, шумело внутри него, словно в больших песочных часах, напоминая о том, что его единственная жизнь летит в небытие без конца и начала. Только теперь, впервые за несколько лет время как будто перестало существовать. Филипп не успел спросить себя, почему.

– В основном мы практикуем молитву и медитацию, – охотно ответил ему Вениамин. – И то и другое помогает соединиться с Реальностью за пределами форм и понятий. Почувствовать себя в единстве с человечеством и всем тем, чего нам не дано познать. Так рассасываются гематомы. Рассеивается темнота, и у людей появляется шанс из неё выйти. Наш совместный духовный труд помогает высвободить скрытые ресурсы человеческих душ. Мы плавим застывшие формы и возвращаем океану его истинный характер. Подвижность, непредсказуемость, невесомость. Я понятно выражаюсь?

– Вроде бы, – с сомнением кивнул Никита. – Но, если верить слухам, ваше объединение собирается взорвать АЭС.

Серёжа оглушительно расхохотался, ударив ладонью по спинке стула.

– Кто вам это сказал? – удивился Вениамин, погладив пальцами редкую бородку. Он явно был озадачен.

– Во-первых, мой начальник...

– Нелепые слухи, – мужчина окончательно разочаровал журналиста. – Вам ли не знать, как работает «испорченный телефон»? Объединение возникло по нашей инициативе, но сколько человек считают себя его последователями – никому не известно. Это же не какое-нибудь «тайное общество»! Конечно, АЭС нас несколько тревожит. Но устраивать теракты – нет уж, увольте. Разрушение есть разрушение...

– Какие поводы для тревоги?

– Станция – лишь символ... – продолжил Вениамин, отрешённо глядя в прикрытый пурпурной шторкой дверной проём, словно там притаился его главный слушатель. – Символ отсутствия свободы. Одно из следствий, но никак не причина. Вот, смотрите. Есть ядерные реакции, обузданные комплексом оборудования, и есть город, поставленный в зависимость от атомного реактора. Люди верят в систему на уровне экономики – хотя бы на уровне источника заработка! Работа на АЭС – казалось бы, стабильно и безопасно. Но это только начало... Система неизбежно прорастает в быт, прорастает в души, и с той поры свет льётся в мир как бы сквозь её стальной каркас. Свобода исчезает: человек просто-напросто перестаёт её искать, запертый в своей выхолощенной определённости...

– Но ведь не только АЭС, любая организация содержит в себе элементы иерархии, – уточнил Никита. – Любой труд предполагает принуждение, если становится товаром. График работы – уже система. Существует трудовое законодательство...

– Вы правы, – Вениамин слегка склонил голову. – Поэтому я и говорю, что АЭС – только наглядный пример, локальная ситуация. Вспомним Чернобыльскую катастрофу. Вот что бывает, когда система даёт сбой. Но люди разучились восходить от конкретного к всеобщему, от примера – к закономерности. Они говорят о какой-то стабильности и безопасности в то время как цивилизация выживает лишь чудом, ежесекундно находясь под угрозой. Если хотите, рассмотрим ещё один пример...

Вениамин мог бы рассматривать примеры бесконечно. Он говорил широко, многословно. Слова выныривали из его рта, как стая рыб, серебристой россыпью плывущих по течению. Смысл дробился, выскальзывал, утекал.

Филипп был захвачен речью Вениамина, но смутно чувствовал в ней некую угрожающую недосказанность. Взгляд говорящего стремительно менялся, становясь то ясным и жгучим, то тусклым, матово-серым. Радужная оболочка мерцала, как диск пилы, бешено вращающийся вокруг зрачка. Голос оставался ровным, но даже в сдержанной интонации сквозила увлечённость фанатика, отнюдь не педагога.

Никита откровенно скучал, несмотря на то что старательно поддерживал беседу. Он был рад, что взял с собой друга, на чьём лице по крайней мере был замечен хоть какой-то интерес. Интуиция, натренированная годами журналистской практики, подсказывала ему, что у Вениамина не все дома.

– ...Всякий раз, когда группа пополняется, мы знакомимся друг с другом заново, – тем временем вещал оратор. – Давайте начнём прямо сейчас и, чтобы сэкономить время, будем считать, что я высказался достаточно. Процедура такая: каждый называет своё имя и профессию, а затем рассказывает первое, что придёт в голову. Это может быть какое-то воспоминание, сон или мысль, или произвольный факт биографии. Словом, всё что угодно. Порой одна-единственная деталь лучше подробного рассказа... Итак, кто начнёт?

– Матвей, специалист по автострахованию, – тут же откликнулся общительный парень в водолазке. – В том году я наступил на осиное гнездо. Был июль, отпуск. Мы пошли в лес по малину... С тех пор почему-то чувствую себя другим, как будто жизнь началась сначала.

– Ольга, бухгалтер, – представилась его жена. – В августе я водила свою пятилетнюю племянницу в парк развлечений. Колесо обозрения остановилось, когда мы были на самом верху, и девочка от страха завопила на весь парк. Я не знала, куда деваться от её крика. Но буквально через секунду колесо завертелось снова.

– Как вы помните, моё имя Леонид, – профессор философии улыбнулся в рыжую бороду. – Сегодня утром история человечества представлялась танцем стеклянных марионеток, подхваченных с неба невидимыми лесками. Когда кто-то умирает, тело предают земле, но подлинный человек, то бишь стеклянная марионетка, поднимается вверх – словно рыба, которую поймал на крючок вечно бодрствующий рыбак. Уже к обеду я стал представлять мир иначе. Внутренние метаморфозы – то, ради чего стоит жить... Ну-с, кто следующий?

– Михаил, частный предприниматель, – подал голос шатен в спортивном костюме. – Даже не знаю, что рассказать... Мне тридцать три, моей жене двадцать пять. У нас двое детей, оба – мужского пола. Раз в неделю я хожу к психотерапевту, но улучшений нет.

– Дай вам Бог здоровья! – заговорил самый пожилой из присутствующих, и Филипп заметил, что ручка его клюки имеет облик спаниеля. – А меня зовут Николай. Сейчас я на пенсии. Раньше работал учителем физкультуры. Несколько лет назад у меня нашли злокачественную опухоль. Я думал, помру. Но женушка всё время держала меня за руку. Каждый день, понимаете, она приходила в больницу и сидела со мной до отбоя. Я уверен, это она спасла меня. В таком возрасте одними лекарствами жив не будешь.

– Хоть бы раз сменил тему, дед! – воскликнул Серёжа и, цокнув языком, заговорил о себе: – Я работаю слесарем. Дважды судим за квартирные кражи. Стать вором мечтал с детства. И нечего лыбиться! Это была моя любимая игра: стырить что-нибудь и остаться безнаказанным.

– А я любил собирать фигурки из конструктора, – улыбнулся Никита, радуясь возможности быстро отделаться. – Такой вот был посредственный паренёк, в отличие от вас. Из деталей для техники собирал всяких львов, жирафов и носорогов. Сейчас я журналист и всегда ношу с собой диктофон.

– Меня зовут Филипп, и с работой пока что туго, – он не хотел вдаваться в детали. – Почему-то вспомнилось, как на днях вышел вынести мусор. Из одного контейнера доносился какой-то скребущий шорох. Я постоял немного – хотел понять, что за звук. Рядом вдруг появился мужчина, наверняка бомж... Он сказал, хотя я не спрашивал: «Это шумят крысы». До сих пор не знаю, было это во сне или наяву.

Они пробыли в доме Леонида ещё тридцать минут. Ни молитвой, ни медитацией в тот вечер не занимались. Вениамин не спеша объяснял молодым людям суть совместной работы участников объединения. Филипп тонул в образах и не мог выловить суть. Внимание то и дело переключилось на обдумывание вышесказанного. Никита кивал, стараясь выглядеть заинтересованным.

Неожиданно для всех Вениамин завершил встречу:

– Сегодня придётся закончить пораньше. Дома меня ждут дела, приятные и неотложные. У сына день рождения. Поэтому – разойдёмся. Молодые люди, вы поняли, что делать? Это ваше первое домашнее задание. Уверен, что выполнить его будет нетрудно. Ничего не выдумывайте. Просто сотрите все мысли и ждите. Вещь сама выберет вас.

Вениамин несколько не сомневался, что Филипп и Никита придут к нему снова. К следующей встрече он попросил обоих найти свою «вещь» в темноте.

Для этого следовало закрыть глаза и одну за другой стереть из сознания мысли. Сиюминутные, навязчивые, малозначительные, по плану они должны были послушно исчезнуть, оставив на своём месте обширную темноту. Её надлежало беречь и терпеливо наблюдать до тех пор, пока не появится та самая загадочная «вещь». Она может оказаться ивовым листом, священным скарабеем, цветком шиповника, свинцовой пулей, каменной маской, столовой ложкой или любым другим предметом. В этой «вещи», пытался втолковать им Вениамин, сгущается Подлинная Реальность, поэтому ни в коем случае нельзя воспринимать её как фантазию. «Вещь», безусловно, где-то существует, даже если это неочевидно для органов чувств. Насколько понял Филипп, она требовалась для совместной медитации членов сообщества, на которую всякий раз отводилось около получаса.

– Зуб даю, что-то здесь не то, – по пути на остановку делился впечатлениями Никита. – Мужик, конечно, держится отлично. Старается выглядеть нормальным, но...

– Согласен, – задумчиво откликнулся Филипп. – Как насчёт следующего раза?

– Придётся идти. Такие персонажи на дороге на валяются. Мастер чесать языком, каких поискать.

– Да. Но мне показалось, Вениамин чего-то не договаривает. Да и роль учителя ему не подходит.

– А какая подходит, по-твоему? Маньяка в розыске?

– Слушай, я бы не удивился...

– Ха! Я тоже. Но даже если это криминальная сенсация, тащиться туда снова лично у меня – ни малейшего желания. А вот тебе, должно быть, интересно. Вы с Вениамином чем-то похожи...

– Ты имеешь в виду, одинаково далеки от действительности?

– Не знаю. Так, впечатление.

Филипп вернулся домой в приподнятом настроении. В последнее время он часто замечал разрыв, который образовался между ним и окружающими людьми – во времени, пространстве, понимании жизни. За вычетом различий между ним и всеми остальными, по его ощущениям, оставались только мясо и кости. Вениамин стал первым исключением за три года. Попросту говоря, Филиппу было приятно познакомиться с человеком, ещё более ненормальным, чем он сам.

На кухне он застал отца. Вернувшись с корпоратива, тот был слегка под хмельком. Не чокаясь, они выпили по паре рюмок ликера и вскипятили чайник. Завязался путанный разговор, во время которого Филипп заметил, что, задавая вопросы, впервые не чувствует себя неловко.

Эта тягостная неловкость с детства была краеугольным камнем его общения с родителями. Всё, что Филипп знал о своей семье, было почерпнуто из разговоров, участником которых он не был. Казалось, нет ничего сложного в том, чтобы

поинтересоваться, к примеру, как родители познакомились, или узнать, что произошло в их жизни до рождения сына – но Филипп не мог. Все вопросы он старался забыть, не задавая. Только в тот вечер неловкость ненадолго исчезла.

– Забавный у них ритуал знакомства, – протянул отец, когда Филипп вкратце рассказал ему о минувшей встрече. – Напоминает игру в ассоциации. Только ассоциировать нужно не слова, а целые жизни.

– А что бы рассказал ты? – к своему удивлению, спросил Филипп, и под пыльным куполом кухонной люстры мигнула лампа.

– Ну, не знаю... – отец задумался, обняв ладонями кружку чая. – О, вот что! Я бы рассказал воспоминание. Мне было лет пятнадцать или, может, чуть побольше... Какие-то малолетки здорово побили меня на улице, просто за то, что я из другого района. После этого я решил подкачаться, чтобы постоять за себя в случае чего... И вот, значит, купил себе гирию... Но нести её в открытую почему-то стеснялся. Засунул в бабкину сумку в цветочек – новенькую тяжёлую гирию! Можешь себе представить?

– Да, – Филипп мог представить. Его гириями были вопросы, которых он не задавал.

Добравшись до постели, он против обыкновения не уснул сразу же, как только опустил затылок в уютную впадину подушки. А спустя четверть часа, по-прежнему чувствуя себя бодрым, решительно сел на кровати. Ему пришло в голову сейчас же, не откладывая, отыскать ту «вещь», о которой столько говорил Вениамин.

Филипп попытался изобразить позу лотоса, припоминая, что она, чёрт знает почему, считается наиболее подходящей для медитации. Тело сопротивлялось, явно считая иначе. Он продержался с минуту, после чего с радостью вытянул перед собой ноги и прислонился к стене, подложив под спину подушку.

Это положение оказалось куда удобнее. Веки сомкнулись, и он окунулся в тёмную тишь, где, постепенно набирая жизненную силу, бесшумными периодами колыхалось дыхание.

Мало-помалу Филиппу стало казаться, что каждый вдох немного приподнимает тело над кроватью. Он сосредоточился на этом ощущении и поднимался всё выше, стараясь неосторожным выдохом не допустить падения. Подъём скоро превратился в полёт. Комната исчезла, раскрывшись, как бутон. Из ниоткуда потянуло прохладой. Тело слетело, словно с зерна – мякина, и Филипп вдруг понял, что на самом деле всегда состоял из воздуха и темноты. «Вещь» начала проявляться.

Сначала возникли два симметричных блика. Некоторое время они висели в темноте наподобие звёзд, но вскоре, облекшись плотной материей, оказались глазами, похожими на две чёрные фасолы. Немного погодя между ними сформировалась небольшая жёлтая мордочка. На лбу, как цветки подорожника, проклюнулись тонкие усы. Вслед за ними открылось остальное: две пары крыльев, продолговатое тельце с коротким пушком, припорошенные пылью лапки. Словно двигаясь по невидимой орбите, пчела подползала ближе и вместе с тем росла, заполняя поле зрения. Из каждой её ворсинки сочилась кровь, похожая на человеческую. Алые капли замирали в темноте, образуя вокруг монстрообразного насекомого дрожащий ореол. Едва слышное жужжание переросло в невообразимый шум.

Испугавшись, Филипп заметался, забарахтался в воздухе и начал судорожно сползать по раскачивающейся лестнице вдохов и выдохов. Ничего не получалось – он падал. Сумбурно зарождаясь в плодородной тьме, перед глазами замелькали золотые ангелы, белые скорпионы, амурские тигры, плоды инжира, чёрные пирамиды, незнакомые буквы, женские руки, собачьи головы, горящие ветки...

Хлопнула входная дверь, и Лев с лаем рванул в прихожую. Это могло означать только одно: вместе с папой в квартиру вошёл кто-то ещё.

Отложив ручку, я прислушался: да, действительно... Незнакомый голос звучал вперемешку с шорохом и лаем. Человек! Я страшно обрадовался, но выйти из комнаты не успел. Папа опередил меня.

Заслонив собой дверной проём, он заставил меня сесть и шёпотом предупредил, что у нас гость. Я энергично закивал – да, да, вот здорово – гость! – и нетерпеливо вскочил со стула.

– Успокойся, – строго осадил меня папа. – И води себя прилично. Ни слова о том, что не выходишь наружу. Проговоришься – останешься один. Ясно?

Я был согласен на любые условия. Прежде к нам приходил только молчаливый врач по имени Мустафа. Папа приглашал его изредка, когда я серьёзно болел. А женщин я никогда не видел, если не считать мамы на фотографии.

Людмила – так звали нашу гостью – была такой же красивой, как она. Её кожа – розовое золото – казалось, слегка мерцала, подсвеченная изнутри. Каштановые волосы выбивались из-под шапки изящными локонами, а глаза блестели, словно от радости – голубовато-серые, с тёмной каймой по краю радужных оболочек.

– Давно хотела с тобой познакомиться! – воскликнула она, поздоровавшись. Я смутился и ничего не ответил. – Ну, что такое? Так смотришь, будто впервые человека увидел.

– Нет, нет! – запаниковал я. – Каждый день вижу разных людей. Просто вы очень красивая...

– Умеешь делать комплименты, – улыбнулась она.

– Вот и познакомились, – папа вышел из-за моей спины и направился в сторону кухни. – А теперь иди, сынок, займись делом...

– Что у него за дела? – спросила Людмила, и, поскольку папа не торопился с ответом, я не удержался. Решил похвастаться:

– Мне нужно создать новый мир.

Папа обернулся, взглянул с упрёком.

– Вот оно что! – Людмила, не заметив его взгляда, поманила меня рукой: – Да ладно, идём, отвлечёшься ненадолго.

Чуть помедлив, я поплёлся следом.

– Так, значит, создаёшь мир... – продолжила гостья, усевшись на табурет. – А как, не поделишься?

Судя по папиному взгляду, рассказывать об этом было нельзя. Не зная, что делать, я разглядывал руки Людмилы. На безымянном пальце посверкивало тонкое кольцо с маленьким прозрачным камушком.

– Угадайте, – наконец нашёлся я.

– Ладно, попробую... Ты читал мифы Древнего Египта?

Вопрос не поддавался расшифровке из-за двух знакомых слов: «мифы» и «Египет».

– Я преподаю мифологию в университете, – объяснила Людмила, запутав меня окончательно. – Демиурги – моя любимая тема. Может быть, ты создаёшь мир так же, как это делал Птах?

– А как он это делал? – простодушно спросил я, пытаясь хоть что-нибудь запомнить: «демиурги», «мифы», «университет», «Птах».

– О, ничего сложного! Он сам назвал себя творцом. Никто не возражал, разумеется – вокруг был только хаос. Чтобы создать из него мир, Птах называл вещи по именам, и они тут же начинали существовать.

– Это правда?

– Это миф, Лёва. История о том, как древние люди представляли себе мир. Таких историй множество, и все разные.

– Расскажите что-нибудь ещё.

– Не стоит, – вмешался папа. – Я тебе, Лёва, лучше книжку принесу. А сейчас иди... Перепиши что-нибудь из учебника.

Я не стал напоминать ему, что учебник закончился, и послушно ушёл. Но в комнате, наскоро записав слова, запрыгнул на кровать и прижался к стене ухом.

Разговор был слышен хорошо. Я ждал, что Людмила расскажет что-нибудь о создании мира, но этого не случилось. Зато из их беседы я узнал ещё немного новых слов, которые записывал тут же, положив на колени толстую тетрадь.

– Ты не думал вернуться в университет? – спросила Людмила. – На встрече выпускников какая-то женщина спрашивала о тебе. На вид – лет тридцать с небольшим...

– Приятно, что кто-то помнит. Но не возвращаться же из-за этого! Понимаешь, Люд, чтобы преподавать, тем более – философию, нужно верить в то, о чём говоришь. По крайней мере, я не могу иначе. Любая система кажется мне нагромождением бессмыслиц. Каждая знакомит со своим создателем, а не с устройством мира.

– Вижу, ты не изменился. А с работой что? Устаёшь, наверное?

– Не! Только поначалу – с непривычки. Сейчас мне нравится. График удобный, да и зарплата ничего – в университете столько не получал.

– Всё-таки странно. Ты – и вдруг рабочий на стройке.

– Вдруг? Скоро десять лет будет.

– Всё равно что-то не так. У тебя на лице написано...

Ещё как минимум четверть часа они продолжали в том же духе.

Я устал слушать и перебрался за стол. Начисто переписав новые слова, положил тетрадь на верхушку стопки – и та не устояла, поползла вбок. Тетради с шелестом свалились на пол.

Одну из них я поднял и зачем-то открыл. Голубые контуры клеток, отчёркнутые красным поля выглядели так, словно чего-то от меня ждали. Вот только чего? Не моргая, я смотрел на чистые страницы, пока не понял. Они ждали, чтобы я вылепил из хаоса новый мир. Миллиарды лет этот мир ждал меня, чтобы начать существовать – и вот, дождался...

Пару месяцев назад в квартиру залетела пчела. Тогда я спросил папу, есть ли у неё кровь – но теперь понял, что не должен был спрашивать. Я должен был сам решить, каким будет ответ. «У пчёл есть кровь», – вывел я на первой странице и, повторив фразу шёпотом, почувствовал, как по спине пробежали мурашки.

Я стал записывать в тетрадь всё, что придёт на ум, и даже перед сном, лёжа в кровати, продолжал называть вещи по именам.

11

– Ладно уж, поищу чего-нибудь на кухне... – Галина нехотя посторонилась, пропуская гостя в тёмную прихожую.

Пару минут назад его настырный стук заставил её подняться с кресла. Галина подумала – должно быть, вернулся сын – и открыла, не заглянув в глазок. Но вместо Ванюши на пороге стоял этот чёртов Станислав, которого, она была уверена, на сей раз никто не приглашал.

Едва шагнув в направлении кухни, мужчина споткнулся о табурет, но оставшуюся часть пути преодолел успешно.

– Так, попробуем... – пробормотала Галина, прежде чем щёлкнуть выключателем – и единственная лампа лопнула, осыпав осколками пол. – Вот зараза!

– Не волнуйся, милая! Посидим в темноте. Ты знаешь, я бы и сам купил выпить, но всё пропало – и деньги, и карманы. Ничего не понимаю...

– Пили бы больше, – отозвалась женщина, сожалея о своём гостеприимстве.

– Ну что ты! Алкоголь, наоборот, помогает мыслям проясниться.

Ничего не ответив, она достала из кармана халата парафиновую свечу и коробок спичек. В тёмные дни, как называла их Галина, ей случалось привести в негодность все лампы, кроме торшера возле кровати.

Затебив фитиль, женщина открыла буфет и взглянула на верхнюю полку. Стоя за её плечом, гость смотрел туда же: полбутылки коньяка, шампанское, немного виски... В зрачках Станислава раскачивался отражённый свет.

– Давай-ка я сам, – он взял с полки виски и, виртуозно удержавшись на ногах, схватился за край плиты. – Где у вас бокалы? Впрочем, сойдёт и так... Присядем прямо здесь? Посвети, пожалуйста, на табурет. Да-да, теперь вижу. Сажусь. Твоё лицо при свече... Моя любовь. Дышать тяжело. Так много хочется сказать. Но сначала выпить бы, Галочка...

– Галина, – поправила его женщина. – Я побуду с вами немного. Ваня с Маринкой куда-то запропастились. Вот вернутся – и... Батюшки! Что это у вас, кровь?

Она поднесла свечу к его лицу.

– Пустяки! – отмахнулся Станислав и потёр щеку, разделённую надвое запёкшейся кровяной просекой. – Подумаешь, кровь... У тебя тоже кровь, если хочешь знать, только снаружи её не видно.

Проснувшись под вечер, Станислав с безмерным изумлением обнаружил себя непонятно где. Голые стены, накрытый полиэтиленом диван, тусклая серость, оживлённая скоплением каких-то ярких пятен... Ага, теперь он разглядел – фрукты! Кто-то, постлав пакет, аккуратно разложил их на полу. Похоже на дочь: она всегда уходит, не выключив свет. Но куда?

Недавнее прошлое не оставило в памяти никаких следов. Вместо воспоминаний в пространстве между ушей летали туда-сюда сверкающие ножи, точно в цирке, на том представлении, куда он ходил со Светой лет пятнадцать назад. Метатели ножей... Их он помнил! И лицо Галины вспыхивало в сознании, как маяк – то родное, прекрасное, то изменившееся до неузнаваемости... Да ведь он затем и приехал, чтобы с ней повидаться! Значит, нужно найти её, как бы то ни было. Но для начала – выбраться из квартиры и выпить.

Опираясь на стену, он дотасился до прихожей, но вскоре был вынужден вернуться. Замки не поддавались без ключей. В мучительном раздумье Станислав поднял с пола яблоко, грушу и апельсин. Попытался жонглировать, припоминая всё то же представление, но своевольные фрукты ускользнули из пальцев.

Вслед за ними вновь пришёл в движение и сам жонглёр. Оттолкнувшись от дивана, он поднялся и старательными шагами направился к окну. Пытаясь сохранить равновесие, вцепился в край подоконника. В глазах потемнело, но Станислав подался вперёд и, нащупав рукоятку, открыл одну из створок окна. Вслепую закинул на подоконник левую ногу и оторвал от пола правую.

Стоя на коленях в оконном проёме, вдыхая дивный, головокружительный воздух, он ощущал себя на пороге. Перешагни его – увидишь всё как есть. Вернёшь упущенное, постигнешь непостижимое... Станислав заметил внизу ворону. Птица перебирала лапками по низкой ограде возле пожухлого газона, а затем, отчаянно каркнув, взлетела... Он не мог понять, куда она подевалась, но вскоре расслышал, как ворона кричит в его голове, отхаркивая своё хриплое, истощённое «кар-р!», кричит и хлопает крыльями, словно угодила в ловушку. «Да уймись ты, – пожурил её Станислав. – Скажи лучше, как мне отсюда выбраться». И, прежде чем замолчать, ворона сказала: «Выходи так, словноходишь. В тёплое море, в дом своего детства, в приятный сон...»

«А ведь верно!» – подивился Станислав пернатому мудрецу. Минуту спустя он продвинулся ещё немного вперёд и, потеряв опору, тихо полетел сквозь прозрачную прохладу.

Очнувшись на влажной земле, мужчина с трудом разлепил веки и увидел – правда, с другого ракурса – всё тот же низкий забор, серую полосу тротуара и пасмурное небо, лишённое полутонов. «Тупорылая птица!» – выругался он и попробовал встать. В голову чуть выше правого виска кто-то упорно забивал гвоздь. Обхватив тонкую берёзку, Станислав дождался, пока боль станет терпимой. Шагнул – и ноги послушались.

Вскоре он опознал дом, в котором, вне всяких сомнений, ждала его Галина, и протоптанную через двор дорожку, ведущую в магазин. Чтобы прийти в себя, магазин следовало посетить в первую очередь.

Станислав полез было в карман за деньгами, но, похлопав себя по бокам, никаких карманов не обнаружил. Он был одет в колючий свитер из овечьей шерсти, спортивные штаны с растянутыми коленями и тёплые носки в фиолетовую полоску. Поход в магазин пришлось отложить.

Мужчина обогнул дом и вошёл в подъезд, дверь которого показалась ему знакомой. Хватаясь за перила, взобрался по крутым ступеням. Дважды ошибся квартирой: громко щёлкали замки, незнакомые лица встречали недоумением. Галину там не знали. Остальные двери выглядели чужими, но – некуда отступать! – наобум выбрав одну из них, Станислав заколотил в металл обеими руками, словно это усердие могло сделать первую попавшуюся дверь искомой. И Галина открыла ему.

– Вызову скорую, – решила она, разглядев кровь на лице гостя.

– Думаешь, я умираю? – Станислав улыбнулся и глотнул виски. Силы прибывали, разливаясь по телу теплом. – Брось, это невозможно. Тем более теперь, когда я счастлив. Веришь, нет... Ты зажгла свечу, и я прозрел. Прошло уже минут десять. Разве мало?

– Вам нужен врач.

– Нет, ты мне скажи! Десять минут счастья – много это или мало?

– Вполне достаточно, – нехотя признала Галина.

Гость испортил ей вечер. Но была в нём какая-то беспомощность, пробуждающая чувства, родственные материнским. «Принимает меня за кого-то другого, – досадовала женщина, но тут же смягчалась: – Алкоголик, что с него возьмёшь?» Наклонив свечу, она пролила несколько капель воска на сплюснутый коробок и поставила на него столбик парафина. Огонёк дрожал в центре стола, освещая бок белой сахарницы и кружку с остывшим чаем.

– Уже больше, чем десять. Одиннадцать, двенадцать минут! – с воодушевлением продолжал Станислав. – Теперь уж я не уйду. Всегда буду рядом... Как случилось, что мы расстались? Не понимаю... Столько лет! Вспомни хотя бы наши прогулки по лесу. Сосновый шум, солнечные прогаины... У меня сохранился снимок – божья коровка на твоей шее...

– Может, хватит? – Галина хотела забрать у него бутылку, но мужчина увернулся на удивление ловко.

– Вечно ты так! – его радость была близка к эйфории. – Запрещала мне пить даже в день нашего знакомства. Тебе тогда исполнилось тридцать...

– Я отлично помню своё тридцатилетие, – раздраженно оборвала его собеседница.

Всему есть предел, особенно – терпению и сочувствию. У неё давно не осталось ничего, кроме воспоминаний. И, вот поди ж ты, именно на них посягают теперь все, кому не лень. Ваня с невесткой вечно пытаются уличить во лжи, переспрашивают, выискивают нестыковки, перекраивают её же воспоминания так и сяк. Мало было их – теперь ещё этот...

– Денёк был чудный! – Станислав достал из буфета коньяк. – Ты тогда...

– Исполняла свою любимую роль... – перебила Галина, чтобы не дать ему солгать. – Офелию! А Стёпка, помнится – Лаэрта. На сцене он был мне братом, а за кулисами – женихом. Молодой ещё, только из института...

– Неправда, – упрямо возразил он. – В твой день рождения мы и познакомились...

– ...А на следующий день началось – одно за другим. Сначала подвернула ногу на репетиции, потом – со Стёпкой размолвки... На мою роль взяли дублёршу. Ничего не поделаешь – нога болела зверски. Смотрела премьеру из зрительного зала...

– Я как увидел тебя – сразу влюбился. Был пьян, конечно, но не так, чтобы очень...

– Два года прошли как во сне. В роли я вживалась хорошо, но в свою жизнь – не могла, хоть убей... Оно и понятно – никакой драмы. Бездарный сценарий, актёры-дилетанты, художник по свету работает из рук вон плохо. Из декораций – только пыль и паутина, плесень в немых сковородках...

– Никогда о тебе не забывал. Пару лет прожил с Татьяной. Но женщина она была простая, приземлённая... Хотела квартиру побольше, машину, то да сё... – что тут будешь делать? Ушла, и слава богу. Помню, потом находил в квартире её вещи. То шпильку для волос, то помаду, то чулок... Прикасался с какой-то брезгливостью, как если бы мне подкинули дохлую кошку.

– Потом стало полегче. Семья, сын. Похоже на жизнь, но всё-таки – не то. Не хватало трагизма. Какой-нибудь страсти, что ли, – Достоевского, Шекспира...

– Пожалуйста, перестань, – попросил Станислав. – Верю, ты прекрасная актриса... То есть могла бы ей стать. Но я-то... Я чувствовал себя живым так редко. И всё-таки пытался верить, что жив! По крайней мере, в твоей памяти. А выходит – нет, и тут не существую...

– Пришлось смириться. Как говорится, не дано. У трагических людей всегда особенные глаза. Только взгляни на них – сразу всё поймешь. Уже в этом есть своего рода трагедия. А я могла только изображать её. Не в жизни – на сцене...

– Перестань... – Станислав зажал ладонями уши, но всё равно слышал каждое слово.

– Вы тоже человек не трагический, – вздохнула Галина.

Станислав опустил тяжёлую голову на руки. Не уснул – упал во мрак, где звучало эхо только что услышанного. Очнуться бы, стряхнуть с себя всю эту ахию – но он не мог.

Галина беззвучно выдохнула, и свеча погасла.

– Мам? – окликнул её Ваня, вхолостую щёлкнув выключателем. – Опять оставила нас без света?

– И правильно сделала! – проворчала Галина, не вставая. – Нечего было пропадать весь вечер. Наприглашают гостей, а сами...

– Каких гостей? – Ваня мельком заглянул в кухню. – Извини. Я думал, они уехали... Пойду заменю лампы.

Когда в квартиру вошли Марина и Света, он как раз слезал с табурета, чтобы зажечь в прихожей свет. У сестры было взволнованное лицо, немного покрасневшее от слёз. Но Ваня этого не заметил – лампа вспыхнула слишком ярко – и, пробормотав что-то в качестве приветствия, направился в ванную.

– Он здесь! – воскликнула Света, услышав знакомое сопение. Не раздеваясь, помчалась в кухню. – Папочка, ты живой...

– Не преувеличивайте, – скептически отозвалась Галина.

12

В дневнике наблюдений Филипп сформулировал новую гипотезу: «Проблемы с концентрацией внимания возникли из-за чрезмерной продолжительности сна. В последнее время объект наблюдений часто отключался днём и в целом спал больше, чем бодрствовал».

Собираясь втиснуть сны в положенные восемь часов, на следующий день он моментально отреагировал на будильник. Поднявшись в пять тридцать, Филипп сварил себе кофе и потратил ровно час на записи в дневнике, после чего впервые в жизни приготовил родителям завтрак.

Когда на кухню, кутаясь в халат, заглянула мать, начинающий повар угрюмо размешивал пшеничную кашу с комками.

– Ты что, сошёл с ума?

– Надеюсь, что нет.

Едва ли не каждый час он варил себе кофе и быстро пил, обжигая язык и верхнее нёбо. Пробовал сесть за учебники, но внимание всё ещё подводило. От нечего делать навёл порядок в шкафу с одеждой. Съездил в «Мир техники» за новыми наушниками, прогулялся по парку, на обратном пути – купил сигарет и банку кофе. Посидел у подъезда, наблюдая двор под фортепианный концерт Рахманинова: метания сухих листьев, воробьиные перескоки с ветки на ветку, радость отпущенных с поводков собак, неторопливую самодостаточность женщин с детскими колясками. Чем дольше он наблюдал, тем острее чувствовал некую неразрушимую гармонию, непостижимый порядок – во всём, кроме себя самого...

Поднявшись с лавочки, он добрёл до засохшей ивы и закурил. Вспомнил о Марине, уставившись в серые окна. Вспомнил, как Софи донимала его взглядом. Порой он хотел повидать обеих, но как-нибудь невзначай, мимоходом, чтобы не пришлось спрашивать «как дела?», тяготясь безучастностью своего вопроса.

Ему было не интересно, как у них дела, пока его собственный быт не заслуживал даже того, чтобы называться жизнью. Отшвырнув окурок, Филипп пошёл назад.

Дома он не придумал ничего лучше, чем сесть за стол и, погладив его глянецовую поверхность, собрать в ладони накопившуюся пыль. Отряхнув её на пол, Филипп положил руки на закрытый ноутбук. Некоторое время спустя голова опустилась на них как бы сама собой. Минуту-другую он смотрел, не моргая, на размытые очертания пальцев – и веки сомкнулись.

Пустошь расходилась во все стороны. Небо цвета золы рябило, как сломанный телевизор. Бурая почва потрескалась. Кое-где виднелись высохшие кусты, клочья желтоватой травы и серые камни, припорошенные песчаной пылью.

Неторопливыми шагами к Филиппу приближалась женская фигура, одетая в белый хитон. Её лицо было скрыто тканью, спадающей на грудь. Женщина держала перед собой шарообразный аквариум, который, вспомнилось Филиппу, когда-то стоял в спальне его родителей. Только вместо золотых рыбок на этот раз в нём плавал человеческий эмбрион.

Зародыш посасывал большой палец и мерно покачивался в такт шагам, окруженный подвижной бахромой из водорослей – красных, лиловых, амарантовых. «Ты должен помочь ему», – сказала женщина, остановившись, и Филипп посмотрел на ребёнка. Необъяснимая тошнота подступила к горлу. «Почему я?» – с трудом выговорил он. Женщина шагнула навстречу: «Нелепый вопрос! Ты должен...» «Уйди», – отшатнулся Филипп и попытался разрушить сон. От его усилий контуры предметов заволновались. Но женщина не исчезла, только побелели её тонкие пальцы. В аквариуме начала замерзать вода.

Шевеление водорослей прекратилось, и ребёнок застыл во льду. Громко растрескалось стекло. «А ведь ты мог узнать всё что угодно», – с сожалением сказала женщина и развела руки. Аквариум упал на грудь камней. Откинув с лица ткань, она оказалась Лейлой. Слёзы, как по желобкам, стекали к уголкам губ ровными вертикалями.

Осколки человека были разбросаны по земле. В одной льдинке – розовая ручка, в другой – ухо и кусок затылка...

Снаружи уже смеркалось, когда Филипп встал из-за стола. Затёкшая шея болела. Отпечатки складок рукава розовели на щеке, как свежие шрамы. Надеясь взбодриться, он поставил кофе, но, едва ощутив его осточертевший запах, опрокинул турку в раковину. День был безвозвратно потерян – всухую проигран сну. Но прежде чем лечь в постель и, обнулив счёт, начать сначала, оставалось прожить как минимум четыре часа. Почему нельзя отрезать их от жизни, как лишний лоскут?

Зашнуровав ботинки, все ещё мокрые после утренней прогулки, Филипп вышел на улицу. Этот нехитрый способ убивать время он называл «преодолением длительности с помощью протяженности».

Направление движения подсказал ветер. Повернувшись к нему спиной, Филипп поплёлся в сторону центра города и полчаса спустя, неожиданно оживившись, ощутил, как органы чувств заработали в полную силу. Мир, только что загадочный, как «вещь в себе», наводнил сознание хаосом впечатлений. И Филипп нащупал своё сиюминутное предназначение – упорядочить этот хаос. Мохнатый пёс возле канализационного люка, улыбка незнакомой девушки в чёрной кожанке, плюшевый заяц в оранжевой витрине, дотлевающий на тротуаре окурок, синие вспышки букв над входом в цветочную лавку... Время, недавно обременительное и ненужное, понеслось сквозь сердце, как новая кровь. С удивлением и радостью Филипп наблюдал, как под его взглядом все вещи и люди вбирают в себя непостижимый, необъятный для ума смысл. Многоголосый шум звучал теперь как симфония, гениальная импровизация прохожих, даже не подозревающих о том, что они – сегодня, сейчас – вместе создают музыку...

Он мог бы слушать ещё долго, но вышел на дорогу, в очередной раз проигнорировав сигнал светофора. Взвизгнули шины, и серебристый «Мерседес» замер в нескольких сантиметрах от пешехода.

– Куда прёшь, мудила? – опустив стекло, возмутился водитель.

И недолговечная радость рассыпалась, как отпущенный из горсти песок. Глубина стремительно съеживалась в плоскость. Звуки резали слух – нелепая какофония! Люди просто куда-то шли, толстокожие, как динозавры, всегда собранные, одержимые властью, не замечающие пропасти, в которую он, Филипп, уже соскользнул. Больные рыбы на мелководье. Они не покинут яви, не провалятся, не утонут – будут бодро плавать кверху животами...

Начался дождь. Филипп понял это, увидев на поверхности лужи дрожащие окружности. Проворная капля тут же затекла за шиворот. Он по-прежнему двигался в одном направлении с ветром, не заботясь об обратной дороге. Зная, что не сделал бы ни шагу, если бы воздух не подгонял его настойчивыми толчками в спину. Он чувствовал себя предметом, которым движет ветер – смятым клочком бумаги или сухим листом.

Два часа из положенных четырех было добросовестно уничтожено, когда он оказался в частном секторе, неподалёку от того места, где несколько дней назад пил кофе с печеньем под замысловатые монологи Вениамина. Он был уверен, что придёт на встречу ещё раз, хоть и не за тем, чтобы привести в движение космическую энергию.

В самом существовании Вениамина было какое-то утешение. Он представлялся Филиппу удачливым чудачком, который умудрился стать самим собой, не съехав с катушек и не покрывшись кожей динозавра. Остался верен своим убеждениям и жил так, словно их истинность несомненна – в этом Филипп мог ему только позавидовать. Сам он никогда не доверял себе до конца. Даже мысль о том, что его болезнь – дар, явившийся во спасение, – мысль, на которой чудом держался весь его шаткий быт, – Филиппу нередко приходилось отстаивать перед самим собой.

Едва подойдя к забору, он узнал дом, в котором проходили встречи adeптов Подлинной Реальности. Он хотел пройти мимо, но зажжённый над крыльцом фонарь внезапно заставил его остановиться в замешательстве.

Филипп не помнил этого фонаря. Досадная мелочь, в сущности – ерунда. Но эта ерунда могла в секунду перевернуть всё с ног на голову. Вечер, прожитый с таким трудом, мог оказаться тщетным барахтаньем во сне. Филипп сосредоточился, присмотрелся внимательней – напрасно. Лампа, обрамлённая сеткой из металла, не разрешила его сомнений... Да ну её к чёрту! Уже собираясь уйти, он услышал чавканье близких шагов.

Чёрный силуэт шлёпал вдоль участка прямо по грязному месиву, не просохшему в глубоких колеях. Он нёс под мышкой нечто похожее на лыжи, спрятанные в чехол. Филипп замер, просунув пальцы в металлическую сетку забора. Он смутно надеялся на какую-нибудь подсказку, которая поможет отличить сон от яви. Ствол яблони и густые ветви вишни позволяли ему оставаться незамеченным. В темноте Филипп чувствовал себя защищенным, крепко спаянным с землёй и воздухом.

Немного помедлив у калитки, силуэт вошёл во двор. Медленно добрёл до крыльца и, поднявшись на одну ступень, снова остановился. Не прикоснувшись к звонку, постучал – так осторожно, что звука не расслышал даже Филипп – и тут же пошёл обратно, волоча за собой предмет, который в свете фонаря оказался огромным зонтом. Наконечник шеста в человеческий рост тянулся по земле, оставляя неглубокую борозду.

С лёгким скрипом отворилась дверь. На дорожку упала тёплая трапеция света с растушеванным основанием.

– Ты, что ли, Вень? – выглянув наружу, окликнул гостя Леонид.

Сквозь ветви Филипп видел его в профиль. Идеально прямой, словно прочерченный по линейке нос, крутой отвес лба, густая борода, подсвеченная фонарём.

– Я, я, – отозвался чёрный силуэт, и Филипп заподозрил, что видит сон. Вениамина было не узнать: слишком неуверенными были жесты и походка, слишком безжизненным – голос.

– Так и будешь стоять? Заходи, выпьем по рюмочке.

– Не сегодня, Лёнь, – Вениамин едва заметно качнулся, словно хотел шагнуть навстречу, но передумал. – Я хотел заглянуть, но вспомнил – есть одно дело...

– Не слишком убедительная отговорка, – Леонид вышел под мелкий дождь. В просевших досках крыльца скопилась вода.

– Верно, – грустно усмехнулся гость.

– Что-то случилось?

– Случилось... Трудно объяснить, как теряется связь с невидимым. Всюду, куда ни ткнись, – стена. Граница, которую не перешагнуть. Реальность ускользает. Я не могу даже молиться. Слова бултыхаются в мозгу, как горсть камней. Какой теперь из меня учитель?

– Это пройдёт. Пойми, люди приходят сюда не за знаниями. Я мог бы и сам прочитать лекцию об этапах духовной жизни или устроить мастер-класс по медитации... Но ты каким-то образом придаёшь им сил, даже когда несёшь ахинею – одним своим присутствием. И, поскольку в этом плане всё по-прежнему, навряд ли ты потерял какую-либо «связь». А трудности, они ведь и раньше были...

– Не знаю, – Вениамин махнул рукой и замолчал, с силой вкручивая в землю зонт.

– Под такой машиной не то что от дождя спрятаться – жить можно, – улыбнулся Леонид. – Где ты его нашёл?

– На руинах летнего кафе... Пойду я, Лёнь. Рад был повидаться.

Вениамин вышел за калитку.

– Эй, а зонт?

– Да ну его. Потом...

Он двинулся вдоль забора и, свернув за угол, быстрым шагом приближался к Филиппу, который неподвижно попрекал себя в том, что подслушал чужой разговор из-за какого-то фонаря. Он напрасно надеялся, что Вениамин пройдёт мимо.

– Я тебя вижу, – остановившись рядом, спокойно сообщил мужчина.

– Блин... – выдохнул Филипп и повернулся к тропинке.

– Знакомый голос! Выходи, чего уж теперь.

- Вы не думайте, я...
- Ага, теперь узнаю!
- Я здесь случайно. Шёл в одном направлении с ветром.
- Правда? – задумчиво откликнулся Вениамин. – Это чудесно.

Слушая тихий шум дождя, Филипп чувствовал, как исчезает неловкость, и вместе с ней пустые сомнения растворяются в очевидности. К тому моменту, как мужчина заговорил снова, опасения по поводу фонаря казались ему чистейшим абсурдом.

– Это чудесно, – убеждённо повторил Вениамин, и Филипп увидел его прежним. Жесты стали мягкими, взгляд – уверенным. Сложив руки ладонь к ладони, Вениамин открыл горсть дождю. – Раз уж так вышло, предлагаю перейти на ты и немного прогуляться в том же направлении.

– Ветер ведёт к водохранилищу, – возразил Филипп, хотя пройтись был не против: как минимум полтора часа оставались неуничтоженными. – Дальше – только по воде...

– Идём. Себе я сегодня не доверяю, а вот ветру – пожалуй.

13

Лев научился умирать всего за семь дней.

– Умри! – радостно приказывал я, и пёс замирал на полу, как настоящий труп.

«Мёртвый, – объяснял мне папа, – поначалу похож на спящего. Но сходство теряется, когда тело начинает гнить». Лев, конечно, не умел умирать до такой степени. Однако его застывшая поза порой выглядела жутковато. В такие моменты я просил:

– Вставай, вставай же...

Он вскакивал, вилял хвостом и по-доброму скалил зубы – а я, в свою очередь, падал на пол, изображая мертвеца. Только трехкратное «гав!» могло заставить меня подняться.

Эта игра долго была нашей любимой, но однажды вечером, в самом её разгаре папа схватил Льва за шкуру и унёс к себе в кабинет.

– Ты чего, пап? – спросил я, когда он вернулся, щёлкнув замком.

– Зря тратишь время, вот чего...

– Но я ведь сделал математику!

– Математику – и только.

Лев скулил и скрёбся когтями в дверь.

Папа стал другим – пришлось принять это как факт. Теперь он почти не улыбался, возвращался позже обычного и часто злился из-за пустяков.

В этом была и моя вина. Я научился решать сложные уравнения и разбирать предложения по составу, но стены стояли как прежде. Я многое узнал, но ничего не создал. Мне нравилось умирать понарошку и валяться на полу в обнимку со Львом. Глядя на нас, папа понял, что я – самый обыкновенный ребёнок, а вовсе не единственный заколдованный. Он понял, что я не создам мир.

Несколько дней спустя на кухне впервые не нашлось завтрака. В холодильнике было пусто, только банка кетчупа одиноко стояла на верхней полке. Я сварил овсянку на воде, но получилось невкусно. Завтрак достался Льву, а мне пришлось ждать до вечера.

Папа принёс из магазина хлеб, варёную картошку и запечённую курицу. Подгоревшая, блестящая от жира птица выглядела неаппетитно, но мы разогрели её в духовке. Покушав, я спросил:

– Проверишь математику? – хотя и не понимал, для чего мне все эти числа, формулы и фигуры. В учебнике встречались слова, которые звучали красиво – парабола, гипотенуза, синус. Но найти им применение я не мог.

– Уверен, ты всё сделал правильно, – бросил папа, смахнув со стола крошки.

- Значит, завтра?
- Посмотрим.

Скоро папа перестал заглядывать в мои тетради. Он больше не спрашивал, чем я занимался в его отсутствие, и уходил в кабинет сразу после ужина. Иногда оттуда доносились его шаги, иногда – ни звука.

Хуже всего была тишина. Я боролся с ней как мог. Читал словарь вслух, повторял заклинания, громко топал, гладил ладонью стол, шуршал фантиками, листал тетради – бесполезно. Тишину мог уничтожить только папа.

Он не делал этого, но продолжал дарить мне новые слова: разноцветную гирлянду, перо чёрной птицы, коробок спичек, восковую свечу...

Свеча продержалась ровно месяц. Я выбросил всё, что от неё осталось, накануне следующего слова, а на другой день – ждал папу с особенным нетерпением. Он обещал принести что-то интересное.

– Наконец-то! – я встретил его в прихожей. Но в ответ на моё приветствие папа только кивнул. Отряхнув куртку от капель, повесил её на дверцу шкафа и пошёл мыть руки. Влажные следы тянулись позади него.

– А как же слово? – спросил я, глядя в его спину.

Папа растерянно обернулся.

– Прости, я как-то забыл. Принесу завтра, хорошо?

– Ты нарочно забыл! И слово, и меня, потому что...

– Прости, – тихо повторил он, и всё моё возмущение разом схлынуло. – В последнее время что-то со мной не так. Всё кажется то ли безумием, то ли игрой... В общем, не настоящей жизнью.

– А как это – настоящая жизнь?

– Кто бы знал, Лёва... Кто бы знал.

Вернувшись в комнату ни с чем, я записал: «Настоящая жизнь». И долго искал для неё определение. Слова «жизнь» и «настоящий» в сумме не давали нужного результата. Я пытался найти его, припоминая папины интонации, намёки, обрывки фраз...

«Настоящая жизнь, – в конце концов, решил я, – это когда чувствуешь себя живым в квадрате. Такие минуты, которых ждёшь всё остальное время». Я был живым в квадрате, когда появлялись мурашки радости, или когда замечал, как меняются вещи, прямо на глазах становясь ярче и значительнее, словно внутри каждой зажигается лампочка.

– Папа! – проткнув бумагу точкой, я помчался на кухню. Лев – за мной, путаясь под ногами. – Я понял, что такое настоящая жизнь...

На столе ещё остался влажный круг от его кружки, толстовка висела на спинке стула. Но папы не было. От тишины звенело в ушах. Я включил воду и долго слушал, как капли разбиваются о раковину, а потом вернулся в комнату, чтобы ещё раз назвать вещи по именам.

Несколько часов подряд я читал словарь, чётко проговаривая каждое слово – и ничего, ничегошеньки не происходило! В нетерпении я толкнул стену обеими руками. Она не исчезла.

Нечто необычное произошло только следующим вечером, между семью и девятью часами. Я никак не ожидал, что Людмила появится снова, но, услышав звонок, сразу понял – это она.

– Что ты здесь делаешь? – удивился папа, приоткрыв дверь.

– Может, разрешишь мне войти? – дружелюбно попросила гостя, и он не смог ей отказать. – Я в ваших краях вообще редко бываю. Но сегодня пришлось, подруга в больнице неподалёку. Решила – заодно и к вам заеду... Эй, Лёва, у меня для тебя сюрприз!

Я мигом переместился в прихожую с другого конца коридора. Из мешковатой сумки Людмила вытащила книгу:

– Держи. Почитаешь на досуге.

Это была очень красивая книга – потёртые буквы, золотые на алом – но я не успел даже разобрать заголовок.

– Что это? – спросил папа, нахмурившись, и забрал у неё книгу.

– Собрание мифов. Я подумала, Лёве будет интересно...

– Ты подумала... – он положил книгу на тумбочку и повернулся ко мне. – Я прочту первым, ладно? А пока – дуй к себе!

Не двигаясь с места, я смотрел, как Людмила снимает пальто. Под ним были голубая водолазка, узкая юбка по колению, стройные ноги в полупрозрачных колготках.

– Лёва, ты меня слышишь?

Пришлось уйти. Обнюхав сапоги Людмилы, Лев понуро поплёлся следом.

Я записал в тетрадь слово «собрание» и некоторое время сидел за столом, раздумывая напрасно. Почему папа не разрешил мне остаться? Почему не позволил взять книгу? Минуты тянулись так медленно, что в конце концов я не выдержал и, запрыгнув на кровать, снова прижался к стене ухом.

Говорила Людмила:

– Сдаётся мне, ты снова сходишь с ума. Один-в-один как раньше... Вспомни хотя бы третий курс. Я тогда впервые увидела, какой ты на самом деле. Помню, явился в общагу пьяный... Вахтёрша – за устав горой: не пущу и всё тут. А тебе хоть бы что – влез в комнату по пожарной лестнице...

– Не понимаю, к чему ты...

– Уселся на столе, как Будда, и давай разглагольствовать. Подождите, мол... Дайте мне лет пять... или нет, десять! Я найду способ изменить систему образования. Студенты будут искать знания у себя в головах, а не в учебниках и методичках. Платон был прав! Всякое знание – это припоминание... Все вокруг смеялись. Но я-то понимала, что ты говоришь серьёзно.

– Ну, допустим. И?..

Я отвлёкся, чтобы взять со стола тетрадь и записать несколько новых слов, а когда снова прислушался, речь шла уже о другом:

– Ты меня пугал. Всё, что ты делал, было непредсказуемо, не поддавалось никакому анализу...

– Повезло тебе. Вовремя одумалась и нашла себе аспиранта.

– Да я не о том! Волнуюсь просто... Что-то идёт не так – с тех пор, как ты ушёл с кафедры. Мне кажется, ты запутался. Снова вбил себе в голову какую-нибудь несбыточную мысль?

– Снова хочешь доказать мне, что я не прав?

– Почему ты не разрешил Лёве взять книгу? – было приятно чувствовать, что Людмила на моей стороне. – Он какой-то бледный. Не болен?

– Он в порядке.

– А ты?

– Тебе пора, Люд.

– Пойми, твои идеи хороши, пока не начнёшь воплощать их в жизнь.

14

– Приехали! – расплатившись с таксистом, Марина разбудила Свету, дремавшую на заднем сиденье.

Вместе они выволокли Станислава из машины и, подхватив под руки, повели к дому. Белая повязка плотно облегла его голову. Над правым виском кровоточила

небольшая ранка, но кости черепа были целы. В травмпункте диагностировали сотрясение мозга и посоветовали показаться наутро. Пациент ещё не протрезвел – это мешало определить тяжесть травмы.

– Что теперь делать? – укрыв отца одеялом, Света смотрела на Марину с беспомощной надеждой. Она ждала какого-то совета. Слова, которое поставит всё на свои места.

– Подумаем утром.

В квартире стояла тишина. Ваня и его мать безмятежно спали, словно ничего не произошло. Спустя четверть часа Марина тоже легла в постель. Муж дышал так тихо, что казалось – не дышит вовсе.

Когда он проснулся, было ещё темно. Тихо накрапывал дождь, разбивая капли об оконный отлив. Сквозь открытую форточку сочился холод. На другой половине кровати, словно на краю света, посапывала Марина.

Всматриваясь в тёмный рельеф её спины, Ваня почувствовал мерзкий, пронизывающий ужас – и затаился, стараясь не шевелиться. Он понял, что не помнит лица жены. Ни цвета глаз, ни линии бровей... В любой момент она может повернуться на другой бок, и кто, кто тогда уставится на него своими закрытыми, закатившимися глазами?

Ваня отвернулся к окну, сжал в кулаке тёплый уголок одеяла. На внешней стороне стекла блестели мелкие капли. Тикал будильник на тумбочке у кровати. Скоро он прозвенит – и придётся встать, повторить алгоритм по новой.

Еле передвигая ноги, тащиться на станцию, которая заглотит его целиком, а вечером – выплюнет только тело. Недолговечную конструкцию, призванную заботиться о подлинных, незабываемых механизмах. Дни напролёт отслеживать их работу, созерцая пестреющие мониторы. Оставаться бдительным и спокойным. Служить системе, по сравнению с которой один человек – всего лишь мясо на кости. Стоит энергии выйти из-под контроля – и смерть разольётся вокруг... Если бы! Всё продумано до мелочей, и нет никакой возможности...

Уничтожить. Как приятно впустить в себя это слово, ощутить его жгучее верчение в мозгу. Волнующее, почти физическое удовольствие. Истребить, задушить, извести... Как остановиться? Уснуть, не давать волю гневу. Или, разлепив веки, наблюдать скольжение капель по стеклу. Сосредоточиться на движении тучи. Желания могут быть опасны. Нужно научиться осторожности. Приструнить разум, унять воображение и...

Чёрное облако взорвалось с громким треском.

– Что такое? – встрепелась Марина, когда Ваня закричал, продираясь голосом сквозь искры и горячую пыль.

Муж отстранил её от себя, зажмурившись до боли в глазах. И, несмотря на это усилие, видел, по-прежнему видел, что лицо жены стёрто, смазано – розовое пятно, вздувшееся пузырями...

– Проснись! Ты кричал...

– Так это был сон?

Вот оно, её настоящее лицо. Сонное, встревоженное, родное. Ваня сел на кровати, подложив под спину подушку. Не сводя глаз с жены, пытался найти в себе покой. Минуту спустя Марина снова заснула. Но чёрное облако было слишком близко... Взгляд Вани утратил резкость. Он моргнул и – щёлк! – отозвалось что-то внутри черепа, и понеслось, закрутилось...

Где-то под кадыком заклокотала ярость. Пытаясь не обращать на неё внимания, Ваня встал и умылся. Но, склонившись над раковиной, испугался искрящейся черноты, ожившей под закрытыми веками. В коридоре – чуть не столкнулся с сестрой, одетой в Маринину пижаму. Из соседней комнаты доносился незнакомый раздражающий звук – храп Станислава.

– Доброе утро, – улыбнулась Света.

Ваня не ответил.

Он решил заварить чай. Вскипятил воду, аккуратно отмерил четыре ложки заварки, но стеклянный чайник треснул, едва наполнившись кипятком. Бледная лужица начала растекаться по скатерти. Ваня наблюдал за ней, ссутулившись на жёстком табурете. Помимо своей воли он представлял, как чайник разбивается вдребезги. Опрокидывается стол, падают со стен подвесные шкафы. На пол сыплются чугунные сковородки, катятся кастрюли, лопаются склянки с уксусом и маслом, разбиваются фаянсовые блюда, стеклянные тарелки, салатницы, кружки, бокалы. Столовые приборы превращаются в бессмысленный ком металла. Шторы с треском отрываются от карниза, рвутся петли, отлетают крючки. Карниз падает, разломившись надвое. Но этого мало, мало... Стены, только что прочные, податливо крошатся под его взглядом. Трещины кромсают пол, обломки бетона повисают на хлипкой арматуре. Люстра раскачивается всё сильнее, пока, наконец, не падает, громяхая сквозь этажи. Пыль ложится на Ваню, как вторая кожа. Он похож на статую, ожившую лишь затем, чтобы изуродовать всё вокруг себя.

Фантазия растаяла, достигнув кульминации. Ваня осторожно осмотрелся: идеальный порядок, тряпка на краю раковины имеет вид равнобедренного треугольника. Ни пылинки на циферблате часов. Кроме того – это открытие очень обрадовало Ваню – как раз с минуты на минуту его должен был разбудить будильник. Значит, ничто не упущено. Он не отступил от графика.

Старательно уместив все утренние процедуры в сорок пять минут, он пошёл на работу. Но привычка не спасла. По пути всё началось сначала: под ногами то и дело раскалывался асфальт, трещины зияли, ясное небо затягивалось дымом. Стоило моргнуть – и всё становилось на свои места: вот фонарный столб, вот голубь на козырьке подъезда, вот плывёт над улицей облако... Но вслед за очередным движением век мир распадался вновь. Опора освещения рушилась в основании, падал замертво голубь, облако разрывалось в огненные клочья. Зрение становилось как бы двунаправленным. Ване казалось, что одной полусферой глазного яблока он наблюдает привычный мир, а другой – всё, что осталось после того, как он его увидел. Обе картины мигали и гасли, порой – накладывались друг на друга, и тогда птица взмахивала крыльями, одновременно коченея. Берёза качала ветвями и в то же время рассыпалась пеплом. Люди спокойно шли мимо, но сквозь разрывы лиц виднелись кости, и одежда липла к телам, пропитанная кровью.

На подходе к АЭС Ваню нагнал его коллега по отделению, широкоплечий мужчина в прямоугольных очках с тонкими серебристыми оправами. Линзы треснули, и осколки вонзились в глаза. Но улыбался он как ни в чём не бывало.

– Привет, – через силу произнес Ваня и пожал его ледяную руку, которая при этом отошла от тела, как сгнивший кусок мяса.

Долю секунды спустя, нарочно моргнув, он увидел перед собой здорового мужчину приятной наружности, ничуть не подверженного разложению.

– Выглядишь неважно, – заметил тот. – Приболел?

– Не спал две ночи, – зачем-то соврал Ваня, стараясь придать своему голосу хоть какую-нибудь интонацию. – А в общем-то всё в порядке.

– Может, в отпуск пора? – настаивал собеседник.

– Я в отпуске с завтрашнего дня. Да толку-то? Неизвестно, что хуже...

– Ну, не скажи. Я в сентябре сгонял на Кипр – зарядился на год вперёд.

– Да?

Ваня потерял нить разговора. Ещё на прошлой неделе, написав заявление на отпуск, он почувствовал, что само это слово – «отпуск» – ему неприятно. Целый месяц наедине с собой. На что потратить такую уйму времени? Как запустить новые алгоритмы? Последние три года он отдыхал только в выходные и новогодние каникулы. Но растущая рассеянность заставила его изменить устоявшемуся режиму. Да и жена с матерью талдычили изо дня в день: «Отдохни, отдохни как следует!»

Марина сняла с плиты турку и разлила кофе по чашкам.

– Как спалось? – спросила она, когда, умывшись, на кухне появилась Света. Девушки уселись за стол.

– Дома было бы лучше. Надеюсь, уедем, когда папа проснётся, – мысленно она уже отпирала дверь квартиры, принимала душ, переодевалась в чистый халат и махровые тапочки, садилась в кресло... – С Ваней только, выходит, не попрощаемся. Но он и здоровается-то через раз. Так что беда невелика.

– Раньше он был другим.

– Но почему тогда?..

– Не знаю. Наверное, дело в работе. Он думает, это единственное, что имеет смысл. Быть частью чего-то большего, чем он сам.

– Но почему непременно частью атомной станции?

– Хороший вопрос! – Марина встала, взглянув на часы. – Ну, мне пора. Удачно вам добаться. Кинь весточку, как приедете, ладно?

Станислав мирно спал, свесив с постели левую руку. На его красноватом лице покоился свет. В нескольких сантиметрах от расслабленных пальцев стоял граненый стакан с водой. На стеклянных стенках замерли крошечные пузырьки.

Света сварила себе ещё кофе и пила помаленьку, любуясь облаками, плывущими в солнечной голубизне. Всё прояснилось, казалось бы, и торопиться некуда. Как только проснётся отец, они перекусят бутербродами и сядут в такси, которое отвезёт их на вокзал.

– Галина... – промычал Станислав сквозь сон.

В этот момент всё было уже готово к отъезду. Светина сумочка лежала на тумбочке в прихожей, а бутерброды – аккуратной стопкой на блюде. Закипал чайник.

– Наконец-то проснулся! – обрадовалась девушка. – Как себя чувствуешь?

– А, это ты, дочка, – несколько разочарованно откликнулся Станислав и медленно сел, зажмурившись от головокружения, ощупал забинтованную голову, словно чужеродный предмет. – Что это?

– Повезло тебе, если не помнишь.

– Припоминаю... – пару минут помолчав, протянул отец и резко открыл глаза. Из-за лопнувших капилляров белки казались розовыми. – А где Галина?

– Спит, наверное. Если не встанет, разбудим перед отъездом.

– Перед каким ещё отъездом? – его мутило, но тошнота была терпимой. Он и не думал никуда уезжать. Света молчала, ошарашенная и возмущенная. – Я спрашиваю...

– Папа, у меня отпуск, – она решила доказать необходимость уехать, как теореме. – У тебя, если ты не в курсе, сотрясение мозга, не говоря уже об алкогольной интоксикации... В общем, нужны лекарства и покой. Мы в гостях, и нам здесь не рады. Следовательно, пора возвращаться – это очевидно.

– Очевидность меня не интересует, – Станислав попытался встать, но головокружение оставило его попытку безуспешной.

– Ладно, пап, тогда отдохни ещё... – нехотя уступила Света. – Позже всё обсудим...

– Ты... – он запнулся, закашлялся, поморщился от боли. – Ты ничего не поняла! Такие моменты решают всё. Есть выбор – пройти мимо или приложить усилие, чтобы произошла некая перемена. В жизни много таких моментов. Я упустил их, упустил... Хватит. Тут нужно остановиться...

– Нет, нельзя. Это не гостиница!

– Тут нужно остаться... Я должен... Галина должна меня вспомнить. Пойми, пока меня нет в её памяти, меня нет нигде.

– Вот же, ты здесь.

– Это – я? – Станислав взглянул на дочь, полагая, что она над ним смеётся. Но лицо Светы было печальным и уставшим. – Нет... Это неудачи и сожаления! Жизнь, прожитая как попало. Боль такая... Как будто гвозди – молотком наотмашь... Ты видишь не меня – заколоченный гроб, в котором, может быть, ещё дышит тот, настоящий... Галина знала меня таким. Только она видела...

– А я?

– Ты тоже. Но это – другое дело... – его голос стал тише и мягче. – Хорошо было покупать тебе канареек... И, когда они умирали, врать, что улетают на небо... Но ты выросла... И вот, я один...

– Здесь ты никого не найдёшь!

– Скажешь тоже... – отец поднялся-таки с дивана и продолжил, слегка покачиваясь: – Я, короче говоря, всё решил. Останусь тут, пока Галина меня не вспомнит. А ты, если хочешь, поезжай к жениху. Зачем тебе здесь торчать?

15

Шагая вслед за Вениамином по узкой тропке между садовых участков, Филипп чувствовал себя значительно лучше, чем несколько часов назад. Лишний лоскут времени был успешно отрезан от жизни. Осталось чуть-чуть – последний шагоч ножничных лезвий... Он вернётся домой и уснёт, а завтра – начнёт сначала. И когда-нибудь явь будет отвоёвана у сновидений. Он научится ощущать жизнь всеми органами чувств, как там, на перекрёстке у цветочного ларька, когда он слышал музыку...

Изморось казалась тёплой. Пахло сгнившей листвой, влажной почвой, намокшей древесиной. Мокрые ветви то и дело касались лица. Ещё несколько шагов – и нет ни деревьев, ни оград. Частный сектор остался позади.

Всё так же молча они миновали небольшой пустырь, поросший кустарником. Вениамин остановился, ища глазами тропинку. Чавканье шагов смолкло. Послышался мерный плеск воды. Филипп закурил. Его губы были по-рыбьи влажными и холодными.

– Так-так... Направо! – скомандовал Вениамин. – Придётся ненадолго повернуться к ветру боком.

– Куда мы?

– Тебе правда интересно?

Шли по бездорожью, то и дело огибая поникшие кусты. Филипп ступал след-в-след. Колючие ветви оцетинились, сделав путь почти непроходимым.

– Пришли, – вдруг сообщил мужчина.

Филипп кое-как протащил себя сквозь немилосердный к телу куст. К лицу пристали клейкие тенета паутины.

Небольшая площадка около трёх метров в длину вплотную примыкала к воде, окаймленная плотными зарослями. Крупные булыжники защищали берег от волн. Далеко впереди чёрная вода оживала яркими дрожащими полосами, красными и жёлтыми – отраженным светом АЭС.

Ботинки промокли насквозь. Филипп осмотрелся, переступая с ноги на ногу. Ничего примечательного. В сущности, вообще ничего.

Вениамин копошился в зарослях, пока не извлёк оттуда два тяжёлых стула с металлическими ножками, какие бывают в школьных кабинетах, и длинную, раздвоенную на конце палку. Воткнув её между стульев, он достал из кармана небольшой фонарь и повесил его на сук.

– Прошу!

Филипп послушно сел. Тихий щелчок – и они оказались в невесомой полусфере бледно-голубого света.

– Я облюбовал это местечко в прошлом году, – рассказал Вениамин, глядя, как волнуется вода в узком просвете между двумя булыжниками. – Кроме меня, сюда никто не приходит.

– Неудивительно, – усмехнулся Филипп. – Кому охота продираться сквозь заросли?

– Тебе, например.

– Я хотел убить время.

– Вот как? Постарайся не делать этого впредь, – строго попросил Вениамин, поучительно, но без раздражения. – Неужели ты думаешь, что существуют какие-то моменты, которые ценнее остальных? Одной этой мыслью ты уничтожаешь всё свое время.

– Зачем вы привели меня сюда?

– Сам не знаю, – Вениамин внимательно посмотрел на своего собеседника, и Филипп невольно отвёл взгляд. В голубом свете мужчина был похож на исхудавшее привидение. Радужные оболочки слились со зрачками в две блестящие синие бусины. – Обычно я здесь один. Но...

– Подождите, здесь же два стула...

– Ну, это на всякий случай. Обычно я здесь медитирую. Только в последнее время стало совсем трудно. Мысли кишат, и каждая хочет жить. Воспоминания скребутся, как мыши. Сомнения разрастаются.

– У меня всегда так. Разве что во сне...

– Ты молод. Тебе ещё предстоит измениться. Помнишь, я говорил про свет, который льётся в мир сквозь множество подвижных преград?

Филипп кивнул. Он понял, что пришёл для того, чтобы слушать, но его не покидало смутное чувство, что Вениамин обращается к кому-то другому – тому, кто должен быть на его месте. Интересно, чью роль он должен сыграть? Старательно вслушиваясь, Филипп думал о том, что слишком часто не знает своей роли. Почему ему вечно достаются уравнения с множеством неизвестных? Он припоминал то одно, то другое... Что там говорит этот мужчина?

– Темнота сгущается. Я чувствую её всей душой, но ничего не могу поделать. Знаешь, в юности я думал, что дети умирают во благо... Чтобы избежать судьбы, которая была бы большим злом. Теперь мне кажется, что их затягивает случайная темнота. Реальность подвижна и амбивалентна. Она не заботится о человеке. Для небольших перемен иногда достаточно одного усилия, напряжённого внимания... Но как поспеть вовремя? Как угадать, куда ляжет тень от облака? Вот пьяный водитель, который несётся по трассе. Вот мяч, который катится на дорогу. Мать, которая заболталась с подругой. И девочка, которая идёт за мячом, не глядя по сторонам. Где ангел, который убережет её? Может быть, её отвлечет радуга или птица. А может быть и нет. Но мы должны молиться, мы должны...

Филипп перестал слушать. Одно за другим слова ускользали в никуда. Он думал о том, как несчастен, должно быть, этот невозможный человек. Он верит в то, что, подняв руки, однажды дотянется до неба и, осторожно пошевеливая пальцами, сможет бесшумно передвигать облака. Они расступятся, покорные его движениям, и унесутся прочь, а солнечные лучи хлынут вниз, в каждые беспомощные глаза...

Безобидный психопат, каких, наверное, немало. И рядом он сам – Филипп. Сновидец поневоле, который будто бы хочет жить, но при этом жизни всячески избегает. Чем он разумней Вениамина? Если пчела, которая привиделась ему в ночь на среду, кажется более реальной, чем вся прожитая неделя.

Голос Вениамина перестал быть речью. Филипп воспринимал его как чуждый слову звук – так можно слушать птичий щебет или шум осиновой рощи. Он очнулся, когда мужчина случайным жестом задел фонарь, и голубая полусфера света начала раскачиваться из стороны в сторону.

– ...Учись пользоваться своей свободой. Не нужно твердить «Отче наш», если чувствуешь, что эти слова в тебе не оживают... Вера не должна становиться ни религией, ни наукой. Никакое знание не приблизит к Богу, пока не пройдет сквозь тебя, как электрический разряд. А до тех пор – ничего не отрицай. Ни говори ни «да», ни «нет». Мир может быть устроен и так, и эдак. Истинная опора лежит глубже любого суждения – в тишине сердца, полного любви. Ты умеешь молиться?

– Не знаю, не пробовал.

– Тогда вот тебе ещё задание. Придумай молитву – можно совсем короткую. Но такую, чтобы она выражала все твои чаяния, всю волю к жизни...

– И что, она изменит мир?

– Главное, чтобы изменился ты сам. Остальное произойдёт без твоего участия. Ты можешь даже не заметить, – Вениамин достал из кармана часы и поднёс их к фонарю. – Уже поздно, пора возвращаться. Но сначала – вот что...

Он поднялся и начал расстёгивать пальто:

– Я окунаюсь в воду каждый раз, когда прихожу сюда.

– Даже зимой?

– Заботиться о душе нужно в любое время года. Здесь я смываю с неё всё лишнее. Пара минут – и душа становится чище. Я как бы рождаюсь заново. Верующие переживают что-то подобное после крещения или евхаристии. Но лично я предпочитаю воду. Хочешь попробовать?

– Нет, спасибо, – Филипп не хотел выглядеть глупо в собственных глазах.

– Но ты ведь не простудиться боишься, верно? – Вениамин повесил пальто на спинку стула. Полы распластались по мокрой земле. – Быть самим собой – вот что действительно страшно.

– С чего вы взяли?

– У тебя на лице написано. Вышло так, что большинство людей тебя не понимает. Не потому что ты хуже или лучше. Ты пережил какой-то особый опыт, который чужд большинству. Что это за опыт, я не знаю. Но зато вижу: ты хочешь стать частью общества, в которое не вписываешься по определению. Культ разума, опора на науку, бешеное вращение в повседневности. Поглощение информации всех сортов сродни чревоугодию. Образование, недвижимость, хорошая работа... Каждый сам за себя. Кофеин, никотин, бодрость любой ценой... Тот человек, которым ты хочешь стать, сейчас не сидел бы на этом стуле. Ты смотришь на ситуацию с его точки зрения... Но ведь он – чистая фикция!

Филипп молчал. В эту минуту он увидел, наконец, настоящего Вениамина. Того человека, к которому, едва познакомившись, захотел прийти снова. Ещё тогда, в воскресенье, сам не зная почему, рядом с ним он чувствовал себя живым. Теперь ему казалось, что причиной тому было глубокое родство, понимание, которое Вениамин дарил каждому, не ничего требуя взамен.

– Ну, ладно, – Филипп встал и, расстегнув верхнюю пуговицу пальто, стянул с шеи шарф.

Вениамин остался в одних в плавках, всё ещё похожий на привидение: широкая грудная клетка, голубые ребра, впалый живот и выпуклые кости таза. Свет фонаря доставал до основания шеи. Черты лица были похожи на небрежный эскиз – тёмно-синие тени, проложенные широкими мазками.

– Заходи здесь, – стоя по колено в воде, Вениамин указал на брешь между двух булыжников. – Дно мягкое, но немного скользкое.

Он сделал несколько шагов вперёд и растворился в темноте с коротким всплеском.

Филипп быстро окунулся и поплыл в направлении дощатого рыбацкого помоста, который возвышался метрах в двадцати правее. Вода ласково проходила сквозь пальцы, щекотала шею и расступалась послушно.

Схватившись за узкое бревно, служившее опорой для помоста, Филипп некоторое время смотрел вдаль, слегка перебирая ногами. Пейзаж казался незнакомым. В то время,

когда Марина и Софи ещё были его постоянными спутницами, Филипп видел АЭС с другого ракурса. Бывало, они просиживали на городском пляже ночи напролёт. Никита приносил гитару. Устроившись под одним из железных зонтов, круглый год торчащих из песка, они пили вино и с лёгкой руки отвечали на все вопросы метафизики. Мир был создан, думалось, Неважно Кем специально для того, чтобы они могли вместе смотреть на звёзды. Смысл состоит в том, чтобы использовать по максимуму право свободного выбора: делай всё, что захочешь, и получай от этого удовольствие. Когда надоест, всегда успеешь умереть. Разговоры о смерти отличались особой беспечностью. В то время само это слово было словно не про них – про всех остальных, безнадёжных, смертных людей. Потом встречи стали реже и, наконец, прекратились вовсе. Иногда Филипп приходил на пляж один и, усевшись под зонтом, пересыпал песок из одной ладони в другую...

Что-то быстро скользнуло по голени – то ли рыба, то ли водоросль – и он очнулся. Воспоминания унесло прочь. Торчащая над водой шея замёрзла. Чтобы согреться, он опустил чуть глубже и минуту спустя направился к берегу быстрыми гребками.

Вениамин уже оделся и ждал его на стуле.

– Ну как?

– Я кристально чист, – засмеялся Филипп, пытаясь натянуть джинсы на мокрые ноги. – По крайней мере, ничего не чувствую, кроме холода.

Время, оставшееся до отхода ко сну, уже не казалось ему таким уж лишним. По пути назад он чувствовал себя бодрым и чистым, несмотря на то что вся одежда промокла, а на пальто налипли листья и клочья паутины.

Вениамин остановился на пустыре:

– Ты вернешься той же дорогой? Я, пожалуй, берегом пойду... – мужчины пожали друг другу руки. – До воскресенья. И не забудь про молитву!

Придерживая рукой поднятый ворот пальто, Филипп добрался до остановки. Автобусы ехали мимо. Поймать попутную маршрутку удалось только на полпути к дому.

Вернувшись, он был счастлив встать под душ и, прикрыв глаза, ощущать, как разбегаются по телу тёплые струйки. Сегодня он справился с задачей и, благодаря Вениамину, прожил, действительно прожил время, которое собирался убить – насморк и приятная ломота в мышцах тому доказательство. Но теперь явь предстояло оставить до завтрашнего дня, который, как и всякий прочий, вызывал сомнение...

Уже лежа в постели, Филипп вспомнил о молитве – но мысли мелькали и неслись куда-то стремглав, как стайка мальков на солнечном мелководье. Как найти в этом мельтешении единственно верную мысль, как выловить её живой, не надорвав крючком тонкого рта? Филипп вспомнил, как в детстве, улегшись на жарком берегу, пытался поймать крохотную рыбёшку, отрезанную от большой воды узкой полосой влажного песка. Затаившись возле тёплой лужицы, он положил на дно ладонь и лежал до тех пор, пока малёк не ткнулся в самую её середину. Мгновенно сжав кулак, Филипп выдернул руку из воды и, стараясь не уронить рыбку, бережно отнёс на глубину.

Теперь он хотел поймать мысль, как рыбу. Пытаясь внутренне замереть, напряжённым усилием сконцентрировался на дыхании. И тишина росла. Вот-вот, казалось, шевельнутся и ткнутся в ладонь нужные слова. Филипп с томлением ждал и уже приготовился сжать кулак. Но сон поймал его первым.

Смастерив крылья из облепиховых ветвей, он летел над океаном, которому не было края. Ни островка, ни буйка, ни лодки. На поверхности воды сверкали солнечные зигзаги. Люди давно обосновались на дне. После потопа у них выросли плавники и жабры. Только Филипп остался таким, как был. Он летел, зная, что его где-то ждут. Немногие, похожие на него, тоже не ставшие рыбами. Вместе они должны помочь Земле преобразиться. От величия этой, пусть и неопределённой, задачи у него слегка кружилась голова. Откуда-то сверху в поле зрения влетела давешняя пчела – он ждал её – размером с человеческую голову. Кровь капала с её ворсинок каплями граната. С дружелюбным жужжанием пчела двигалась чуть впереди, как бы указывая дорогу. Следуя за ней, Филипп чувствовал

невесомость и свободу. Всё его напряжённое ожидание, всё сомнение и сопротивление бытию разрешилось в этом полёте.

Сигнал будильника превратил его крылья в труху. Шаря наугад, Филипп протянул руку на край кровати, но мобильник ускользнул из пальцев и шлёпнулся на пол. Пришлось разлепить веки. Невесомости и свободы сразу как ни бывало. Осталось лишь недоумение: «Для чего вставать?» Он выключил звук и снова откинулся на подушку.

Вскоре ему пришлось проснуться по второму звонку будильника. Накануне вечером он отлично знал, что пробуждение будет трудным. Но вместо того, чтобы обрадоваться своей предприимчивости, Филипп достал мобильник из-под подушки и вытащил из него аккумулятор.

Родители сновали туда-сюда, заставляя половицы скрипеть. Филипп отвернулся к стене и накрылся с головой одеялом. А в голове зазвучала, наконец, молитва, не пойманная накануне.

Господи, позволь мне спать и никогда не проснуться.

16

Тишина стояла почти всегда. Я не знал, куда от неё деваться, и взялся начисто переписать словари, чтобы навести порядок в своей коллекции. У меня появились отдельные тетради для слов на «А», «Б», «В» и так далее. Мне нравилось записывать буквы, соединяя их друг с другом в одну непрерывную линию слова. Всё написанное я прочитывал вслух, воображая, как с другой стороны стен рождается новый мир, в котором все эти слова значат не то, что прежде.

Закончив со словарями, я вернулся к математике, но ничего не мог как следует выучить. Занятия меня утомляли, а знания быстро улечивались. Будучи не в силах решить задачу, с которой легко справлялся неделей раньше, я испугался, что забуду всё, даже самого себя, и с особым рвением принялся за воспоминания. Для записей скоро не осталось места.

– У меня кончились тетради, – сообщил я с утра пораньше.

– Как, уже? Недавно же купил штук тридцать.

– Все кончились. Хочешь, покажу?

Я отвёл его в комнату. Исписанные тетради вперемешку с комками вырванных листов валялись на полу, на кровати, на полках этажерки. Только словарь из двадцати девяти частей возвышался на столе двумя ровными стопками. Пожурив меня за беспорядок, папа ушёл на работу.

Тем же вечером он подарил мне новое слово – «ноутбук» – и провёл со мной несколько часов, чтобы объяснить, как он работает. Я беспокойно поглядывал на часы, опасаясь, что папа уйдёт – не сейчас, так через минуту. А он не уходил, как будто стал прежним.

Научив меня печатать, папа объявил, что больше не будет покупать тетрадей – разве что для задач по математике. Я был против:

– Мне нравится соединять друг с другом буквы.

– Знаю. Но такими темпами тетради заполнят всю квартиру. Жить-то где будем?

Буквы, которые появлялись на экране, когда я нажимал на клавиши, стояли отдельно друг от друга, как в учебниках или на этикетках. Между ними не было никакой связи, которая появляется, когда пишешь чернилами, не отрывая ручку от листа бумаги. Из-за этого слова поначалу казались мне какими-то ненастоящими, хрупкими – того гляди совсем развалятся и исчезнут.

Папа убедил меня в том, что этого не случится. Всё записанное, объяснил он, будет храниться на жёстком диске, который находится в корпусе компьютера.

– Человек устроен сложнее, – добавил он перед тем, как выключить свет. – Но в нём тоже есть что-то вроде жёсткого диска, где хранится информация обо всём, что когда-либо существовало. Нужно только научиться подключаться к нему так же, как ты подключаешь лампу или часы к розетке.

– А бывает, что человек ломается, как компьютер, и ничего не может вспомнить?

– Бывает, – улыбнулся папа, словно разгадав мой страх. – Но тебе это не грозит.

Мне бы его уверенность! Я заснул только под утро, потому что боялся уподобиться сломанному компьютеру. Проспав от силы два-три часа, сел за ноутбук. Я твёрдо решил вспомнить всё заново, чтобы убедиться в том, что моя память в порядке. Никаких подсказок не было: вчера мы убрали в кладовку все тетради, кроме словаря.

В тот день я вставал из-за стола только для того, чтобы поесть или сходить в туалет. Оказалось, воспоминания никуда не делись – по крайней мере, те из них, которые я успел записать. Когда я остановился, до возвращения папы оставалось полчаса.

Я встретил его в прихожей. Лев радостно лаял, размахивая хвостом. Но папа нам не улыбнулся. За ужином я на всякий случай попросил его:

– Расскажи ещё что-нибудь про компьютер.

– Не сегодня, Лёва.

Он не рассказал ни завтра, ни послезавтра.

Я стал просиживать за своим столом с утра до вечера, намереваясь добраться до памяти Бога как можно скорее. Но чем обрадовать папу? Я не мог вспомнить ничего такого, что бы произошло не со мной. В голову лезли мелочи. Падежные вопросы, хрустальное блюдо с апельсинами, тубик зубной пасты, волосы Людмилы, звук разбивающейся вазы... Я нервничал, нагромождал воспоминания друг на друга, повторялся, удалял всё напечатанное и начинал заново, вспоминал ненужные подробности, тонул в сумбуре, но не делал передышки...

Только болезнь заставила меня остановиться. Как-то под вечер строчки начали двоиться и плавать по экрану из стороны в сторону. Смотреть на них было больно. Пришлось выключить ноутбук и лечь в постель. Когда пришёл папа, я дрожал, завернувшись в одеяло. Лев скулил мне в лицо, встав на край кровати передними лапами.

– Я умираю, – сообщил я папе. Мой лоб был похож на горячий камень.

– Не выдумывай, – папа дотронулся до него губами. – Просто вирус. Наверняка пробрался через вентиляцию. Ну-ка, открой рот.

Горло было воспалённым. Температура поднялась до сорока градусов. Я запил водой белые таблетки, хотел поспать, но не мог: в голове бурлило от жара. Лёжа с закрытыми глазами, я видел синий куб, повисший в темноте, который поворачивался по часовой стрелке. Когда папа включил лампы, я зажмурился от боли и попросил, чтобы наступила ночь. «Конечно, Лёва», – он тут же погасил свет.

В какой-то момент я снова открыл глаза и встретил чёрный взгляд Мустафы. Он держал большой палец на моём запястье, а потом приложил к моей груди блестящую ледяную окружность. Я не мог вспомнить, как называется эта штука. В голове образовалась какая-то болезненная пустота. Я пытался её не замечать и повторял про себя разные слова, которые помнил. Калькулятор, ноутбук, половицы. Это не помогло. В голове забурлило сильнее, и мне показалось, что вся она заполнена горячими пузырьками, которые непрерывно лопаются и надуваются снова, как в кипящем чайнике. Я изо всех сил замотал головой, чтобы их вытряхнуть.

– Так сильно болит? – спросил Мустафа, положив пальцы мне на виски.

– Это лопаются пузырьки. Вы можете мне?

– Конечно, – он пощупал что-то у меня на шее и за ушами. – Сейчас сделаю укол, и ты сможешь поспать.

– Нет, вы скажете, как называется ваш прибор?

– Какой прибор? – удивился Мустафа. – А, этот. Стетоскоп.

– Стетоскоп, – повторил я, и стало немного легче. – Стетоскоп, стетоскоп...

Мустафа помог мне перевернуться на живот и больно уколол шприцом. Мурашки были похожи на иголки, которые прорастают по всему телу.

Если верить календарю, моя болезнь продолжалась пять дней, но сам я потерял им счёт. Когда я просыпался, всегда была ночь. Папа приносил бульон и клюквенный морс, таблетки и воду, но утро не наступало. Он только включал настольную лампу. Лев лизал мне щеки. Его язык был холодным и шершавым. Я отворачивался, но другой край подушки был ещё холоднее. Комната превратилась в огромную морозилку.

Сны пугали. В одном из них Лев «умер», но не поднимался по моей команде. Его ледяная шерсть крошилась и таяла у меня в руках. Папа принёс мне другую собаку. Он сказал: «Это Лев». Но я не поверил. Из словаря исчезли все слова. Смотреть на чистые страницы было страшно – я зачёркивал их крест-накрест. Пришла Людмила. Она рассказала, что слова теперь записаны у меня под кожей. Чтобы прочесть их, я усердно тёр руки мылом, но вместо слов на ладонях начали проявляться буквы, которых я никогда не видел – непонятные чёрные загогулины. Я хотел, чтобы они исчезли, но буквы продолжали проступать и скоро покрыли предплечья, живот и ноги. Они слипались друг с другом в широкие кляксы, и вещи, к которым я прикасался, тоже становилось чёрными. Мне пришлось закричать, чтобы проснуться.

Всё было мокрым и липким. Подушка, простыня, одеяло, мои волосы и кожа. Папа включил настольную лампу и подошёл ближе.

– Ты в порядке?

– Не знаю, – я с опаской взглянул на свои руки, но букв на них не было.

– Весь мокрый, – заметил папа и потрогал мой лоб. – Поспи ещё...

– Я боюсь, – ответил я и заснул.

Наутро в голове было тихо и пусто. Я сразу понял, что выздоравливаю. По моей просьбе папа включил свет.

– Вот видишь, – он поставил на кровать серебристый поднос с завтраком. – Ты вовсе не умирал. Просто заболел, потому что подхватил вирус.

– Нет, – возразил я. – Я заболел, потому что ты перестал меня любить.

– Что за выдумки?

– Ты хотел, чтобы я создал мир, но я не смог.

– Я лишь говорил, что ты способен создать мир, – осторожно, чтобы не опрокинуть посуду на подносе, папа присел на кровать. – Создашь или нет – решать не нам. Я слишком хочу, чтобы это случилось – в этом моя слабость. Но я буду любить тебя, даже если...

– Тогда пусть всё станет как раньше!

– Конечно, Лёва.

Я снова ему поверил. Оказалось, когда я заболел, папа взял недельный отпуск. Два дня, которые оставались до его окончания, мы делали большое белое дерево. Из медной проволоки папа скрутил ствол и густые ветви, а потом мы вместе наклеивали на них кусочки мокрой бумаги.

– У нас получается ива, – заметил он, когда голой проволоки не осталось.

– Я запишу, – чтобы не забыть, я сразу вытащил из стопки тетрадь со словами на «И». – А листья на ней будут?

– Непременно.

– Ну-ка выметайтесь, – подбоченившись, Галина остановилась на пороге гостиной.

Света, глядевшая в окно, обернулась на голос, но, ничего не понимая, молчала. Станислав через силу открыл глаза. Всё утро он просидел неподвижно, откинувшись на спинку дивана – не ел и не пил. Сомкнутые на коленях руки слегка дрожали.

– Галочка...

– Я те ща такую Галочку покажу! Давайте на выход – или звоню ментам.

– Подождите... – Света была знакома с Галиной всего два дня, но всё-таки знала её другой. Манера говорить, выражение лица и весь облик женщины неувлочно переменились. – Подождите, мы ведь у вас в гостях. Приехали позавчера...

– Ага, рассказывай!

– Вы у сына спросите, – бросила девушка наобум.

И слова неожиданно возымели действие. Галина достала из кармана мобильник и вышла, прикрыв за собой дверь. В течение нескольких минут ворчание доносилось из коридора: «Алё, Ванюша? Мозги у меня уже не те... Вот и номер твой забыла... Да, как всегда... Я вообще-то по делу. Тут у нас мужик с забинтованной головой – прямо мумия какая-то! И с ним – девица. Расселись, как у себя дома... Что?! Так предупреждать надо! Гости... Какие у нас могут быть гости?»

– Бог с вами, оставайтесь! – вернувшись, нехотя разрешила Галина. – Только чтоб без шума. Я тишину люблю.

– Правда? – удивился Станислав. – Я вот её ненавижу.

– А ты поработай с моё на центральном рынке – не так заговоришь!

– На рынке? – переспросил мужчина, впрочем, уже без удивления. – Ну, Галя...

Он по-прежнему отказывался уезжать и в качестве компромисса разрешил дочери ещё раз отвезти себя в больницу. Врачи подтвердили давешний диагноз и рекомендовали амбулаторное лечение.

Позвонив Марине, Света рассказала об утреннем инциденте обреченным полупшепотом. Та предложила перебраться на третий этаж. Не имея сил возражать, Света отыскала ключи и повела отца вниз по лестнице.

Станислав чувствовал себя хуже некуда. В ушах звенело, тупая боль бултыхалась в голове, мешая думать. Он мечтал воскреснуть в памяти Галины – но как? – мысль еле ползла, спотыкаясь на ровном месте. Он не мог решить, что сказать, и потому не настаивал на том, чтобы начать разговор тотчас же. Отдых был необходим – с этим не поспоришь.

Света сдернула с дивана полиэтилен и отряхнула от пыли жёсткую подушку.

– Вот, приляг. Я буду рядом.

– Скажи Галине, что я...

– Потом, потом.

Она вышла на балкон, пытаясь собраться с мыслями. Старые бельевые верёвки беззвучно подрагивали на ветру.

На улице прояснилось, но погожий день не вызывал доверия. То и дело отхлёбывая из кружки чай, Марина читала газету. Ранним утром её принесла одетая в чёрное заплаканная старушка. Девушка вручила покупательнице две красных гвоздики, а та ей – кулёк мелочи, свёрнутый из газетного листа.

Надежда, подаренная вчерашней цыганкой, не дожидая до утра. Марина прикрыла глаза, нимало им не веря – и увидела бескрайнюю темень – своё истинное местонахождение. Сквозь неё можно часами, не щурясь, разглядывать настоящее солнце – чёрный шар без единого блика, брызжащий темнотой. Его горячие струи вытягиваются в траурные ленты, чтобы тугими петлями обвиться вокруг шей, выжечь глаза всем тем, кто устал смотреть...

Пытаясь найти себе занятие в отсутствие покупателей, Марина машинально схватилась за кулёк из-под монет, оставленный старушкой. В развёрнутом виде он

оказался свежим номером газеты «В другую сторону» – той самой, которую отец просматривал каждый понедельник, пока мать хлопотала над ужином!

Некоторые отрывки он обычно зачитывал вслух. Мать отпускала какой-нибудь ироничный комментарий, и между ними завязывался долгий бескомпромиссный спор, в котором никто никогда не выигрывал. В детстве Марину раздражали эти бесплодные словесные поединки, но теперь она вспоминала их с ностальгией. За ужином родители расспрашивали о школе, над столом мирно горела тёплая кувшинка люстры – и не было тогда никакой темноты...

Не было. Марина улыбнулась и провела ладонью по газетному листу, бережно расправляя перегибы. С первой полосы чёрно-белый старец в вязаной шапке, чуть прищурившись, смотрел ей в глаза. Материал под названием «Вокруг света в восемьдесят лет» рассказывал о решении местного пенсионера воплотить свою юношескую мечту. На восьмидесятый день рождения Фёдор Иванович объявил родственникам, что отправляется в кругосветное путешествие и начал собирать походный рюкзак...

История была, что называется, душевной. Девушка и не думала сомневаться в существовании Фёдора Ивановича, пока не увидела имя, жирным курсивом пропечатанное внизу страницы. Статья оказалась делом рук Никиты, знакомого Марине не понаслышке, – чего угодно можно было ожидать от этого шутника. В одиннадцатом классе он подделал классный журнал и сообщил в полицию о бомбе, чтобы сорвать контрольную...

Ещё один материал под авторством Никиты обнаружился в рубрике «Здоровье».

ЦЕЛИТЕЛЬ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Вениамин помогает всем, кто умеет доверять

Всегда ли лечение бьёт по карману? Сегодня этот вопрос приобрёл особую актуальность. Цены продолжают расти, а статистика заболеваемости, обнародованная департаментом здравоохранения, оставляет желать лучшего. В этом году специалисты отмечают резкое увеличение числа больных раком и распространение патологий сердечно-сосудистой системы (подробнее об этом – читайте на стр.10).

Но есть и хорошая новость. От любого недуга, телесного или душевного, теперь можно избавиться, не прибегая к услугам традиционной медицины. Человек, который знает, как это сделать, живёт не где-нибудь, а в нашем городе.

Целитель Вениамин работает безвозмездно: никакого мошенничества или рекламы дорогих препаратов. «От пациентов, – подчёркивает он, – требуется только одно – доверие». По мнению Вениамина, наш мир, если рассматривать его на энергетическом уровне, являет собой спонтанное смешение положительных и отрицательных энергий. Выражаясь условно, целитель называет их «светом» и «темнотой».

Люди, стечением обстоятельств оказавшиеся в темноте, постепенно теряют связь с мирозданием. Их здоровье слабеет, одиночество ощущается остро и болезненно. Ни общение, ни повседневный труд не приносят им удовлетворения. В какой-то момент сопротивление начинает казаться бесполезным. Отрицательная энергия концентрируется, сгущаясь. Область темноты растёт. Выйти за её пределы без посторонней помощи порой бывает невозможно.

Вениамин владеет методиками восстановления энергетического баланса на высшем уровне. Судя по отзывам пациентов, его работа приносит только положительные результаты. Многие отмечают заметные улучшения.

– Я с детства мучился от мигрени, – делится впечатлениями Матвей, специалист по автострахованию и частый гость Вениамина. – Ну, просто ничего не помогало! А тут – вы не поверите – пару раз поговорил с Вениамином, и как рукой сняло...

Встречи с целителем проходят каждое воскресенье в 19:00 по адресу: улица Космонавтов, 22.

Очередной Никитин розыгрыш? Даже если так, он слишком похож на правду. Марина перечитала записку несколько раз. То, что она наблюдала внутри себя ежедневно и непосредственно, Вениамин признавал реально существующим явлением. И не просто существующим, а повсеместным, как распространенное заболевание. Для пущей убедительности не хватало только статистики. «По данным всемирной организации здравоохранения, в настоящее время 55% населения планеты живёт в темноте».

Девушка снова улыбнулась и, подняв глаза, увидела голубя, который клевал горбушку хлеба посреди солнечной улицы. Спасибо! – хотелось прошептать на весь мир. За то, что нет в нём никакого одиночества, никакой разделённости. В этот момент человечество казалось Марине единым существом, в которое могучим сорняком вросла темнота, но её можно выполоть, уничтожить, искоренить...

Едва она вернулась домой – в дверь постучала Света. За день девушка позвонила трижды: то спрашивала, где достать половую тряпку, то жаловалась на отца...

– Ну, как он? – спросила Марина.

– Отдыхает. Попил водички и дальше спать. А я, как видишь, прибираюсь, – поверх одежды Света наподобие фартука повязала кусок полиэтилена.

– Останешься на ужин?

– Нет. Боюсь оставлять папу. Вот проснётся – тогда... – Света замолчала. На самом деле она не знала, что делать, когда проснётся Станислав.

– Ты не беспокойся, – Марина угадала её опасения. – Пусть он поговорит с Галиной. В конце концов, поймёт, что ничего не выйдет. Вот тогда и уедете...

Ваня пришёл чуть позже, когда на кухне уже пахло курицей и варёным рисом, кориандром и кумином – Марина готовила плов. Над плитой поднимался тёплый пар.

Взглянув на мужа, девушка выронила ложку. Она никогда не видела его таким: бледное, как будто бескровное лицо, смутной синевой проступающая щетина, плотно сжатые губы едва заметно подергиваются, будто сводимые судорогой. Казалось, он хочет закричать, но удерживает крик во рту.

Ещё вчера она бы ни о чём не спросила. Но чувство причастности к человечеству всё ещё грело её изнутри.

– Что с тобой, Ваня?

– Со мной – ничего.

18

Мельком взглянув в окно, Филипп почувствовал себя неуютно. Темнота, разноцветные окна, чёрный силуэт дерева – всё выглядело слишком абстрактно и нуждалось в уточнении, по крайней мере на уровне даты и времени.

– Какой сегодня день?

– Четверг, двадцать ноль-семь, – сообщил Никита. – Снова запутался?

– Похоже на то. А держался неплохо... Вот, зацени, – он кивнул в сторону письменного стола. Между лампой и стопкой книг стояла электрическая кофеварка. – Подарок матери. Пью кофе литрами, да толку-то...

– Но в воскресенье я могу на тебя рассчитывать?

– В каком смысле?

– Сейчас поймёшь. Я ещё во вторник хотел к тебе заглянуть, но не смог – работа. Пришлось повозиться с героями статьи... На этот раз – многодетные родители. Построили дом посреди леса и живут, как отшельники. Добираться на тракторе пришлось... Шестеро детей – ни в школу, ни в садик ни ногой. Ну, да ладно. Смотри...

Никита достал из рюкзака газету и, развернув, протянул её другу. Заметка была очерчена чёрной рамкой. **ЦЕЛИТЕЛЬ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ. Вениамин помогает всем, кто умеет доверять.**

– Что это? – пробежав глазами текст, возмутился Филипп.

Никита разочарованно цокнул:

– Не нравится? По-моему, идея отличная.

– Отличная?!

– Фил, я пишу о людях, которые не похожи на остальных... Чаще всего это психи, хотя по виду, бывает, и не скажешь. Вот как наш Вениамин. Превосходный оратор, но, ты понимаешь, это всё не то. Его слова – как ширма. Что-то он за ней прячет, как ни крути.

– Даже если так – тебе-то что?

– Это моя работа. Если подумать, в заметке я ни разу не соврал. Разве что преувеличил малость... Вениамин сам говорил, что заботится о здоровье своих подопечных. Пойми, мне нужны поступки. Я хочу выяснить, что за ширмой. Как это сделать? Просто взять интервью? Проверено – не работает. Его ответы не дадут ничего, кроме новой порции красивых слов. Тут нужен импульс, раздражитель... Нужно посмотреть, как он поведёт себя в критической ситуации. Вот я и решил такую ситуацию спровоцировать... События, Фил, надо создавать! Иначе без работы останешься. Будешь иметь дело с видимостью. А кому нужна видимость, Фил?

– В голове не укладывается... Ты же наверняка представляешь, что будет в воскресенье. Просто выставишь его дураком. Допустим, Вениамин и вправду псих... Но ведь как раз поэтому с ним нужно быть осторожней!

– С такими, как он, я работаю два года. Поверь, мои методы ещё никому не навредили. Вот увидишь, он ещё обрадуется новеньким! А если нет – мы уж как-нибудь разберемся...

– Сам будешь разбираться.

– Ладно-ладно. Как скажешь.

Глядя на его добродушную улыбку, Филипп понемногу успокоился и даже упрекнул себя за то, что отнёсся к затее друга так сурово. Ну, придут, может быть, два-три человека, самые доверчивые и недалёкие из читателей – что это изменит? Их можно будет быстро спровадить, объяснив, что произошла ошибка. Он сам не понимал, почему ожидает конца недели с таким нетерпеливым беспокойством...

Воскресенье выдалось пасмурным. Из пустоты неба редкими хлопьями сыпался мокрый снег. Улицы превратились в слякоть. На остановке Филиппа дважды обрызгало грязью из-под колёс. Увидев Никиту, который шёл вразвалку, засунув руки в карманы широкой куртки, он спешно придавил сигарету носком ботинка:

– Скорей!

– Куда торопишься? Уехали бы на следующем, – запыхавшийся Никита плюхнулся на сиденье автобуса.

– Сам не знаю, – признался Филипп. – С непривычки, наверное. Последние три дня – какое-то просветление... Ни разу днём не ложился. Знаю, это ненадолго... Пока есть время, хочется успеть побольше. Компенсация упущенных возможностей. И тех, которые предстоит упустить...

– Кто ж тебя заставляет их упускать?

– Выбор. Когда проживаешь две жизни одновременно, приходится чем-то жертвовать.

– Одной из жизней? Тогда в чём разница?

– Не жизнью, а её полнотой. Как тебе объяснить... Нужны особые способности, чтобы не смешивать сон и явь, переходить из одного в другое быстро и осознанно. Постоянная концентрация. Но как раз её отсутствие – моя главная проблема! Я стараюсь смотреть на вещи трезво. Что-то придётся упустить, и тут, и там...

– Трезвый взгляд на вещи – точно не твой конёк! – засмеялся Никита, и Филипп по обыкновению заразился его весельем. – Знаешь, что велит сделать по-настоящему трезвый взгляд? Сходить в больничку и слушаться доктора. Стать если уж не нормальным, то по крайней мере здоровым. Здравомыслящий, тоже мне...

Оба замолчали. Но про себя Филипп продолжал разговор, пытаясь втолковать другу свою позицию и так, и эдак.

На самом деле он объяснял её не другу (Никита не поймёт – это и так ясно), а самому себе. Разум требовал чёткой, продуманной аргументации, упрекал за безволие, нерешительность, неспособность следовать выбору. Ведь сделан же выбор, сделан! Тогда почему так трудно даются дни, почему в голове по-прежнему кишат сомнения, а мысли мечутся бесконтрольно, своевременные и неуместные, объективные и пристрастные – всё вперемешку. Свобода, простор для духа – несбыточная фантазия. Ясность ума мимолётна, её не удержишь силой. Сознание больше не подобно океану. Оно напоминает консервную банку, где вжатые друг в друга, замурованные, толкаются живые шпроты. Можно ли вскрыть эту жестянку, не прибегая к лоботомии?

Филипп был рад обнаружить над крыльцом Леонида зажжённый фонарь – лишнее подтверждение тому, что во вторник встреча с Вениамином произошла наяву.

День ото дня он становился всё более зависимым от предметов. Их форма, положение в пространстве, текстура, цвет и вес – всё имело значение. На прошлой неделе весь день был поставлен под сомнение чайной ложкой, которая показалась Филиппу слишком тяжелой. Но чаще случалось наоборот. Вещи не подводили, чудесные в своей неизменности. Просыпаясь, он тщательно изучал обстановку и, находя её прежней, убеждался в своём действительном пробуждении. Во сне вещи менялись. Складки на шторах напоминали бумажные сгибы, небьющиеся тарелки крошились, кружки плавилась, кровать парила над полом, а в оконное стекло, как в воду, можно было просунуть руку.

– Вот уж не ожидал! – открыв дверь, Леонид усмехнулся в рыжую бороду. – Думал, вы больше не придёте.

– Мы тоже так думали, – улыбнулся Никита. – Ничего, что раньше времени?

– Не переживайте, вы не первые.

Посередине комнаты, оседлав стул, вновь курил Серёжа – словно никуда и не уходил с прошлого воскресенья.

– Опять припёрлись... – протянул он, выпустив дым через нос.

Старичок с одуванчиковым пушком на лысой макушке уже примостился на диванчике с чашкой чая.

Вениамин вздрогнул от скрипа половиц.

– А, вот и вы! – его лицо поспешно приняло приветливое выражение. – Рад встрече... Устраивайтесь.

Филипп волновался, не отдавая себе отчёта в причинах. От запаха кофе его тошнило. Вениамин казался то ли уставшим, то ли встревоженным.

Пару минут спустя, раздвинув дверные шторы, в гостиную вошёл Матвей. Вслед за ним – Ольга. Её русые волосы, собранные в конский хвост, напоминали пучок засохшей травы. Ещё немного погодя прибыл худощавый шатен с рыбьими глазами, которые плавали, как в аквариуме, за толстыми линзами очков. Кивнув присутствующим, мужчина уселся в углу комнаты.

Первые новенькие пришли ровно в семь: мужчина и женщина лет шестидесяти. Оба осмотрелись с любопытством, явно удивляясь, что попали не в частную клинику.

Гостья шёпотом обратилась к Леониду:

– Скажите, который из них целитель?

Не удостоив её ответом, хозяин дома указал взглядом на свободные сиденья. Никита весело подмигнул другу и, откинувшись на спинку дивана, закинул ногу на ногу.

Вениамин как будто и не заметил вошедших. Подперев голову рукой, он смотрел в пространство с такой любовью и надеждой, что казалось, вовсе не упирается взглядом в стену, а видит чьи-то родные, проступающие в ней лица.

С подачи Никиты в гостиной завязалась вялая беседа вполголоса. Включив диктофон, журналист расспрашивал Матвея о чудесным образом исчезнувшей мигрени. Пожилая пара слушала с интересом и вскоре подключилась к интервью. Разговор стал всеобщим. Только отрешенный Вениамин и Филипп, привыкший к молчанию, не принимали в нём участия.

Ещё четверо вскоре вошли друг за другом: грузная женщина под пятьдесят с тяжёлым взглядом и лоснящейся кожей; её пожилая, менее полнотелая подруга в серой шапке, отороченной мехом. Затем – их мужья: один – худощавый, одетый в чёрное, с вытянутым лошадиным лицом и глазами без выражения; другой – стройный, но коренастый, форма головы напоминает лампу накаливания.

Леонид впустил их, нахмурившись. Он ничего не понимал. Обычно новенькие появлялись редко и не без приглашения. А тут – сразу шестеро. И все, как один, говорят, что пришли по объявлению...

Вениамин очнулся, всмотрелся в новые лица: пустые, обделённые глубиной, требовательные без доверия. «Почему сегодня?» – устало спросил Вениамин у Бога, и не получил ответа. «Дай мне какой-нибудь знак, – попросил он. – Дай понять, что я живу не зря. И, может быть, тогда темнота не утащит меня в свой ад».

– Начнём! – он поднялся с кресла и по обыкновению сложил руки в приоткрытую горсть. – Я рад видеть, что наш состав снова пополнился. О том, чем мы здесь занимаемся, на этот раз расскажу вкратце...

– Да уж, пожалуйста, – пробурчала себе под нос грузная женщина.

Вениамин не расслышал. Он думал, с чего начать. В обыденные слова ему хотелось вложить всю свою веру. Не запнуться, не растеряться, не упустить главного. Говорить так, словно создаёшь мир заново. Обрести голос – яркий, как свет.

– ...Но начнём всё-таки с молитвы, – решил он. – В прошлый раз много времени ушло на разговоры, слишком много. Помолиться мы не успели. Так что предлагаю исправить это прямо сейчас. У большинства присутствующих – поясняю для новичков – уже есть своя молитва. Каждый сам находит её в себе, чтобы наполниться Словом, смирением и силой. Молитва может быть просьбой из глубины отчаяния, криком о помощи или тихой благодарностью Всевышнему. Несколько дней назад я попросил Филиппа найти свою. Ты выполнил задание?

– Да, выполнил.

– Тогда, пожалуйста, произнеси свою молитву вслух. Это полезный опыт, – добавил он, заметив, что Филипп смутился. – Он научит тебя быть открытым. Рано или поздно каждому придётся выбраться из самого себя, как птенцу из скорлупы.

– Хорошо, – кивнул молодой человек и негромко продолжил: – Господи, позволь мне спать и никогда не проснуться.

Его голос был серьёзен, но...

– Даже моя бабушка, – слишком громко шепнул Никита, – попросила бы у Господа чего-нибудь повеселее.

Взглянув друг на друга, оба беззвучно рассмеялись, не предполагая последствий.

Спустя пару секунд шестеро новичков хохотали вместе с ними бесцеремонно и единодушно. Не над шуткой Никиты – над всем происходящим. Женщины покраснели от смеха. Вениамин выжидал, пытаясь оставаться спокойным.

– Все запомнили? – спросил он, когда в гостиной стало тихо. – Теперь давайте сосредоточимся на молитве Филиппа. Минутку помолчим. Я прошу каждого произнести эти слова про себя и попытаться их почувствовать. Впустите в себя молитву и переживите её, как свою.

Вениамин прикрыл глаза, приглашая собравшихся сделать то же самое.

Все сосредоточенно замолчали. Только новенькие без конца переглядывались, ища поддержки в своём негодовании, недоумении – и легко находили то, что искали. Мужчина с вытянутым лицом и тусклыми глазами, самый лояльный из гостей, оглянулся на дверь, словно проверяя, на месте ли выход. Его супруга с усмешкой рассматривала тех, кто пытался погрузиться в молитву. Её взгляд задержался на Вениамине с тяжеловесным презрением. Он чувствовал его даже с закрытыми глазами и знал, что не заслуживает большего.

Он просил знак. Каждое слово, которое он только что произнёс, вмещало в себя крик, неразличимый для человеческого уха. Он сказал: «Впустите в себя молитву». Но на языке его общения с миром любое слово означало «помоги». Не только слово – вдох и выдох, шаг на месте, движения рук, дрожание век – во всём она, просьба из глубины отчаяния. О зыбкой опоре, о силах, необходимых, чтобы продолжать свой крик, даже если он просто растворится в космосе. В ответ на его просьбу в мире прозвучал смех. «Вот же он, знак!» – догадался Вениамин, и внутри всё задребезжало, треснуло, надломилось.

Он смирился, и в своём смирении раскололся надвое. Один человек старательно доводил начатое до конца, а другой – тонул.

– Господи, позволь мне спать и никогда не проснуться, – он обвёл присутствующих невесомым взглядом, словно смотрел с неба. – Пусть эти слова сольются с вашей кровью и дойдут до сердца. Поймите, люди – все до единого – ближе друг другу, чем родные братья. Не существует одиночества, не существует границ, кроме тех, которые мы сами создали. Душа Филиппа хочет спать и не просыпаться. Давайте попробуем объединить наши усилия и...

– Ну, всё. С меня хватит! – оборвала его женщина в шапке. – Мы не за этим пришли.

– А зачем? – кротко спросил Вениамин.

– По объявлению. В газете писали, что вы – целитель, который лечит каким-то особым методом... У меня вот геморрой, и ноги к тому же еле ходят. Вокруг дома обойти – уже мучение.

– Понимаю. И вы поверили тому, что написано в газете?

– Представьте себе – да. И соседей привела на свою голову...

– Ну, так продолжайте.

– Что?

– Продолжайте верить.

– Только после того как вы продемонстрируете свой метод.

– Боюсь, сейчас я не смогу вам помочь.

– Вот тебе и раз! Хорош целитель...

– Не кипятись ты так! – оборвала её подруга. – Может, Вениамин просто специалист в другой области? Скажите, а ревматоидный артрит вы могли бы вылечить? Уж не знаем, что и делать. На вас вся надежда.

– Надежда? – рассеянно бросил Вениамин.

Страстно захотелось исчезнуть. Слиться с комнатой, обернувшись шторкой или цветком на обоях. Лишиться разума и тела – сейчас, скорее! Его вера легка в противовес их тяжести. В ней нет никакого догмата – только любовь и поиск. Она есть парение в пустоте. Но люди парить не хотят. Они не понимают, что это и есть свобода. А он так слаб, что не может передать другим даже ничтожную её крупицу.

Каких-нибудь пять-десять человек – его постоянные гости. Помог ли он им, и была ли эта помощь бескорыстной? Каждый раз он ждал, чтобы увидеть, как их души становятся свободнее и чище. Он ждал их, чтобы убедиться в своей правоте. В силе своих слов – а его ли это слова? – в истинности своих открытий. Он всегда зависел от человеческой благосклонности. Нуждался в людях, оберегая свои идеи. Как бы не оказалось так, что их свет – иллюзия, тёмный оборотень, лелеемый год за годом... Как настойчиво звучали их каждодневные нащёптывания: «Живи нами, живи. Тебе

потребуется лишь терпение, безжалостное терпение. И когда-нибудь ты увидишь: люди будут счастливы. А ты сам станешь чист и невесом, как луч. Может быть, тогда небо вытянет тебя наверх...»

– Я же говорил тебе, – громко обратился к жене коренастый мужчина с головой-лампочкой. – Очередная секта. Пойдём отсюда.

– Да уж, пойдём, – женщина поднялась с дивана, опершись рукой на мужнино колено.

– Никогда не проснуться... – мужчина зевнул и напоследок взглянул на присутствующих с укоризной. – Мы люди пожилые, знаете ли.

– Смерть – это пробуждение, а не сон, – напомнил Вениамин.

Пурпурные шторы раздвинулись и вновь сомкнулись, проглотив обоих. В комнате стало просторней.

– Послушай, целитель, – женщина в серой шапке подступила ближе. – У меня в самом деле болят ноги. Но что ты будешь делать? Битый час слушаю всякую ерунду, а толку никакого.

– Сходите в больницу, – посоветовал Вениамин. – Но прежде всего – отыщите смысл в том, что происходит...

– Уж поверь, в геморрое смысла немного, – не унималась женщина. – Говори как есть. Если ни черта не можешь – ну, что делать... Просто признайся в этом. Мне не привыкать! Уж кого-кого, а мужчин я знаю как облупленных. Только и умеют, что...

В этот момент в диалог вступил Серёжа. Он долго пребывал в неподвижном напряжении сжатой пружины, заставляя себя не вмешиваться. Но чувствовал: что-то идёт не так. Совсем недавно Вениамин предостерегал его от ложного смирения. «Смирение, оно не для всех, – говорил он. – Если знаешь, что должен бороться – что ж, вперёд. Только, пожалуйста, выбирай человеческие средства».

В этот раз Серёжа выбрал за долю секунды.

– Мотайте отсюда, все четверо! – рявкнул он. – Или я за себя не отвечаю!

– Что? – на лоснящемся лице проступили красные пятна.

– Чё слышала!

Он вскочил со стула и поднял его над головой, ухватив за спинку. Женщина отшатнулась. Новички удалились поспешно и без возражений. Только во дворе, вслед за вызывающим хлопком входной двери, послышались осмелевшие, возмущённые голоса.

Леонид подошёл к окну и, улыбаясь в бороду, проводил взглядом тёмные силуэты. Лысеющий старичок, побряхтывая, безмятежно направился к столу за новой порцией чая. Матвей сконфуженно сидел на диване. Ольга с сочувствием поглаживала бицепс супруга. Филипп наблюдал происходящее словно с другой планеты. Всё было ему отвратительно, даже друг, сидящий рядом. Особенно – друг.

Никита нервно постукивал пальцами по кружке из-под кофе. Он ждал от этой встречи совсем иного и, не дождавшись, чувствовал себя виноватым. Затея оказалась бесполезной. Вместо того чтобы раскрыться в «кризисной ситуации», Вениамин погрузился в себя и, чувствовалось, увяз там как в болоте. Теперь мужчина оцепенело сидел в кресле, упираясь локтями в колени и обхватив руками голову.

Недолго думая, Никита поднялся с дивана и сделал то, что привык делать всегда.

– Простите, – серьёзно сказал он. – Сегодняшний вечер – это моя вина.

Вениамин словно и не слышал. Зато Леонид взглянул на журналиста с интересом:

– Что ты имеешь в виду?

– Это я написал в газету. Хотел заинтересовать людей. Сейчас это трудно... Нужна сенсация, что-то из ряда вон. Вот я и назвал Вениамина целителем. Подмена понятий, в некотором смысле. Но...

– Так и знал! – воскликнул Серёжа.

– Не надо, Серёжа, – подняв голову, попросил Вениамин. – Сам видишь, ничего страшного. Моя подавленность – просто совпадение. Я...

– Ещё как надо! Со стариков, конечно, спросу никакого. Но с тебя, собака...

В несколько шагов очутившись рядом с Никитой, он размахнулся и ударил. Из разбитого носа брызнула кровь. На ладони, на махровый ковёр, на белую рубашку, отглаженную перед выходом...

19

У меня на столе долго пылилась прозрачная трёхлитровая банка, полная листьев ивы. Много дней подряд я рисовал их на бумаге, аккуратно вырезал по зубчатому контуру и чертил тонкие чёрные прожилки – напрасно. На нашем дереве не появилось ни листочка.

Папа снова не сдержал своего обещания. Отпуск кончился, и в первый же рабочий день он вернулся домой другим.

– Что-то случилось, пап? – спросил я, взглянув в его помрачневшее лицо.

– Нет. С чего ты взял? – он сделал вид, что удивился. – Расскажи-ка лучше, как твоё самочувствие.

Я рассказывал, но папа не слушал. Серебряной ложкой он без нужды помешивал свой несладкий чай и смотрел куда-то поверх моего плеча. Там ничего не было – только стена.

В тот вечер я понял, что как раньше никогда не станет, и решил не верить папе, чтобы всякий раз не расстраиваться заново. А он вёл себя так, словно ничего не случилось. Если я просил, проверял задачи или объяснял, что означает какое-нибудь слово. Но ива так и стояла без листьев. Папа забыл, что мы собирались приклеить их вместе. В ящике стола я нашёл тюбик ПВА и хотел заняться этим сам. Но сон заставил меня отвлечься.

Мне впервые приснился человек, не похожий на тех немногих, кого я знал наяву. Человек, сидящий за столом, одетый в красный свитер с высоким воротом. Засучив рукава, он что-то печатал, глядя на экран ноутбука. С кровати, которая стояла у него за спиной, я видел спину и затылок, тёмные, слегка вьющиеся волосы, подсвеченные настольной лампой. Стены комнаты были оклеены бледно-розовыми обоями с зелёным орнаментом. Стол стоял у окна, вплотную к подоконнику, но из-за штор ничего не было видно. Только свет, не холодный и не тёплый – какой-то бесцветный.

Я подошёл ближе и спросил:

– Ты кто?

– Ничего не понимаю... – пробормотал человек, продолжая стучать по клавишам быстро-быстро.

На всякий случай я сказал, что тоже ничего не понимаю, но ответа не дождался. Человек даже не взглянул в мою сторону. У него были длинные белые пальцы, нос с горбинкой, тревожные серые глаза на подвижном лице. Я хотел прочесть, что он печатает, но в этот момент комната как будто заполнилась паром. Поначалу полупрозрачный, он становился всё гуще и белее. Сон закончился, как только предметы лишились очертаний.

Было три часа ночи, но я встал, зажёл лампу и включил компьютер, чтобы записать увиденное. Казалось, сон мог означать одно из двух. Либо я наконец-то подключился к своему «жесткому диску» и что-то вспомнил, либо создал новый мир и теперь видел его во сне. Оба варианта мне нравились. Но наутро папа предложил третий.

– Воображение, только и всего, – сказал он. Сидя за столом я ждал, пока остынет чай, а папа помешивал в кастрюле кашу. – Ты ведь можешь представить себе человека?

– Могу, – нехотя согласился я. – Но...

– Или, к примеру, собаку.

– Если она такая же, как Лев. Но тот человек был ни на кого не похож.

– Ну и что? – папа выключил конфорку и достал из шкафчика тарелки.

Завтракали молча. Я хотел привести какой-нибудь аргумент, чтобы защитить свою едва зародившуюся надежду, но в голову не приходило ничего убедительного.

– Подожди, Лёва. Присядь, – попросил папа, хлопнув ладошкой по сиденью табурета, когда я поблагодарил его за завтрак и собирался уйти. – Хочешь, расскажу тебе один свой сон?

– Конечно! – я сел и приготовился слушать. Папа рассказывал о себе нечасто.

– Я видел его много лет назад. Моя тогдашняя жизнь – даже не жизнь по сути... Ни радости, ни веры, ни любящего лица. Я почти не бывал снаружи. Отражение в зеркальце для бритья казалось чужим. Но однажды ночью, посреди отчаяния, мне приснился чудесный сон. Я видел в нём тебя и твою маму, хотя со Златой мы были ещё не знакомы. Втроём мы жили на опушке леса, в деревянном домике с большими окнами. Память Бога открылась нам, и мы создали себе мир. Деревья, воздух и покой. Созерцание в уединении. Будущее, которое должно было стать нашим... Я проснулся счастливым. А потом, месяца через два, встретил твою маму наяву. Она была точно из сна, представляешь? Даже платье – то же. Тёмно-синее в мелкий горошек. И я поверил... Тогда я был готов верить во что угодно! Кроме разума, который только подбрасывал неразрешимые головоломки. Но всё пошло вкривь и вкось. Ты знаешь... Где теперь этот домик на опушке леса? Где Злата? Во что превратилась жизнь?

– Во что?

– Всё катится в темноту, всё под сомнением, истина субъективна и потому бессмысленна...

– Как ты сказал, субье...

– Неважно, Лёва, суть не в этом. Я хотел сказать только то, что снам доверять нельзя. Полагайся на память – это верный путь. Ещё никто не проходил его до конца. Ты будешь первым. И, может быть, тогда...

– Хочешь, чтобы я создал домик на опушке леса?

– Ты ничего не понял.

Я ушёл к себе. Да, я действительно не понял. Что под сомнением? В какую темноту всё катится? Почему истина бессмысленна? Чего хочет от меня папа? Ни в чём не было уверенности. Чем дольше я думал, тем меньше понимал.

Приказав Льву умереть, я лёг рядом, положил голову на его коврик и закрыл глаза. Мы оба уснули, не дождавшись команды «Встань!». Можно ли считать, что с восьми до одиннадцати мы были мёртвыми?

Папа разбудил нас, чтобы объявить наступление ночи. Я почистил зубы, надел пижаму и забрался под одеяло, а во сне снова встретил того человека в красном свитере.

Всё начиналось как в прошлый раз. Комната была той же, только компьютера на столе не было. Склонившись над листом бумаги, человек записывал что-то обычной шариковой ручкой.

*«Дорогой друг! – прочёл я, пододвинув к себе лист. – С радостью сообщаю Вам, что **члены “Союза”** (участники группы / люди, объединённые общей целью) единогласно приняли вас в свою команду (то же, что союз). В ближайшее время я вышлю Вам **устав** (правила работы союза) и первое задание.*

*“Союз живых вдвойне” объединяет людей, для которых сон подобен жизни, а не смерти. Тот факт, что островок нашего сознания окружен океаном бессознательного, давно не является ни тайной, ни **сенсацией** (необычное происшествие, о котором узнали все). Вероятно, и всё то, что способны воспринять наши органы чувств, неизмеримо меньше **сверхчувственного** (что-то важное, что существует, но никак не воздействует на наши зрение, слух, обоняние, осязание). Мы считаем, что провести всю жизни на своём крохотном островке – значит, **совершить гносеологическое самоубийство** (намеренно лишить себя возможности что-либо узнать, а в остальном остаться*

живым). Признать бодрствующий разум единственным инструментом познания недопустимо.

У каждого из членов “Союза” две судьбы: одна продолжается на острове, другая – в океане. Когда-нибудь мы найдём способ соединить их без путаницы и разлада. Может быть, именно Вы приблизите тот момент, когда жизнь человека станет единой.

С уважением, **ведущий** (главный) **сомнолог** (тот, кто изучает сны) “Союза живых вдвойне” Филипп Б.»

Когда я дочитал, время остановилось. Я понял это, заметив, что глаза Филиппа перестали моргать. В том, что письмо написано для меня, не было ни малейших сомнений. В тексте встречались незнакомые слова, но именно для них были даны пояснения в скобках. Я решил выучить послание и прочитал его вслух, наверное, раз сто.

Пока я читал, в комнате появились пчёлы. Они залетали в щёлку приоткрытой двери, с жужжанием кружились над столом и садились на Филиппа, постепенно покрывая его тело с ног до головы. Я хотел отогнать их, но проснулся, едва сдвинувшись с места.

Ночь прошла только наполовину, однако засыпать было нельзя. Я побежал к столу. Стараясь стучать по клавишам как можно быстрее, записал письмо и только потом расставил пробелы между словами, знаки препинания и заглавные буквы. От радости хотелось прыгать по комнате. Новые слова доказывали, что мой сон – не фантазия, как предполагал папа. А я ведь чуть было не поверил ему!

В папиных словах чувствовалось какое-то скрытое противоречие, но зато во сне всё было однозначно, без всякой неразберихи. Меня приняли в «Союз», члены которого занимались изучением сновидений и считали их второй жизнью, которая продолжается параллельно яви. В письме говорилось, что это не конец. Скоро я получу устав и первое задание...

Я решил ни о чём не говорить папе и лёг в постель незадолго до того, как он пришёл включить свет. Папа нашёл бы случившемуся какое-нибудь неприятное объяснение. Он мог бы сказать, что новые слова из сна (если их значения окажутся верными), подсказала мне врождённая память, а всего остального, что мне приснилось, наверняка не существует. Фантазия, иллюзия, ложь. Я боялся запутаться снова и задумал рассказать всё после, когда стены исчезнут. Уж тогда-то он мне поверит!

– Видел хороший сон? – предположил папа, заметив мою счастливую улыбку.

– Мне снилось слово «сенсация», – признался я, потягиваясь в кровати, но остальное утаил: – Только не помню, что оно значит.

– Ну и сны у тебя... – удивился он. – Сенсация – это какой-нибудь интересный случай, но не сам по себе, а в тот момент, когда о нём узнают многие.

– Так и думал! – воскликнул я и спрыгнул с кровати.

20

– Ждать больше нельзя, – Станислав захлопнул карманное зеркальце дочери и попытался встать. За два дня его лицо покрылось светлой щетиной, а кожа была розовой, неровной, совсем некстати расчерченной морщинами вдоль и поперёк.

Они снова проснулись в чужом городе, в чужом доме с неровно оштукатуренными стенами. Солнце уже взошло и походило на Луну, просвечивая белым диском сквозь муть пасмурного неба. Света отвернулась от окна:

– Двадцать лет было можно, а теперь вдруг нельзя? Подожди, хотя бы голову тебе перевяжу...

Отец отказался: он должен увидеть Галину сейчас же. Света решила не возражать. Сделать перевязку, в конце концов, можно и наверху. Она хотела, чтобы Станислав скорее

понял всю бессмысленность своей затеи – тогда и увезти его из города будет нетрудно. Наспех перекусив, они поднялись на восьмой этаж.

Дверь открыл Ваня. В левой руке он держал старую зубную щётку, белёсый ворс которой топорщился в разные стороны.

Когда он проснулся, жена сидела в изголовье кровати и, чуть приоткрыв рот, красила ресницы.

– Выспался? – спросила Марина.

Промычав в ответ что-то нечленораздельное, Ваня притворился спящим и встал лишь тогда, когда в прихожей щёлкнул замок.

С тех пор прошло полчаса. Всё это время он бестолково бродил по квартире, не зная, что делать. Привычная процедура чистки зубов показалась ему вдруг до нелепости абсурдной. Снова и снова Ваня представлял, как входит в ванную и включает воду, слегка поворачивая кран с холодной водой. Затем – смачивает щётку, свинчивает с тюбика колпачок, выдавливает белую пасту, засовывает щётку в рот и начинает тереть ею зубы, желтоватые, бугристые, покрытые налётом – щетина шевелится, подстраиваясь к их рельефу, паста въедается в язык ментоловой прохладой... Прodelать всё это казалось невысмысленно трудным делом. Начался отпуск. Это означало, что идти на АЭС не нужно – ни сегодня, ни завтра. Алгоритм разрушен. Тяжкая последовательность действий больше не имеет цели. Время рыхло и бескостно, вольной рекой оно течёт в никуда. Как зачерпнуть жизни из этой реки?

В присутствии гостей бродить по квартире с зубной щёткой было нельзя. Ване казалось, что его затруднения очевидны. Что отец и сестра всё поняли, едва перешагнув порог. Разозлившись, он вошёл в ванную и закрыл дверь на хлипкий шпингалет.

Станислав заглянул в кухню, затем в гостиную, и, никого там не обнаружив, прошёл дальше по коридору. Дверь в одну из комнат была приоткрыта. Сквозь широкую щель виднелись синие шторы, пустая кровать и смятое постельное бельё. Мужчина повернул направо и двинулся к следующей комнате, мимо запертой ванной и уборной. Он был уверен, что Галина там – и вошёл без стука.

Женщина сидела лицом к окну в громоздком кресле с бордовой обивкой. Рядом, на расстоянии вытянутой руки стоял шаткий торшер с двумя светильниками на стальной опоре. Дверь на балкон была распахнута настежь.

– Ну и мороз! – поёжился Станислав. Прикрыв балкон, он присел на узкую кровать возле окна. Света остановилась в дверном проёме.

– Опять вы! – проворчала Галина, узнав вчерашнего гостя. Её память пережила ночь без потерь. – Вот повадились... Ваня позвал?

У неё на коленях лежала фотография в пыльной рамке, окрашенной под позолоту. Достав из кармана сложенный вчетверо носовой платок, женщина начала стирать с неё пыль. Она делала это с такой отрешённой сосредоточенностью, словно была одна.

Со снимка, сделанного больше полувека назад, улыбалась её мать, ещё молодая, темноволосая. Подпирая голову худенькой кистью, она смотрела из деревенского окна с резным наличником. Кудрявый локон выбился из-под белой косынки, завязанной под подбородком маленьким узелком. На лице замер мягкий вечерний свет, смягчающий контрасты...

– Да я не к нему, Галочка, – объяснил, наконец, Станислав. – Я к тебе пришел.

– Вот так новости! И на кой, спрашивается?..

– Хочу, чтобы ты меня выслушала.

– Неслабо, видать, головой ударился...

– Послушайте, это ненадолго, – нетерпеливо вмешалась Света. Подойдя ближе, она положила на кровать стерильные бинты, вату и баночку зелёнки. – Мы приехали, просто потому что папа хотел вас увидеть. Уделите ему хотя бы пару минут! И тогда...

– Ну, ладно, – нехотя согласилась Галина, с долей сочувствия взглянув на забинтованную голову Станислава. – Только если ненадолго... Что я там должна выслушать?

Света начала снимать повязку.

– Наша встреча так и стоит у меня перед глазами...

– Это вчерашняя-то?

– Нет, другая, – мужчина вздохнул и начал осторожно: – Тот день, когда я встретил свою будущую жену...

– Ну, а я-то причём?

– Её звали так же, как тебя – Галина. День был жаркий, летний – ничего особенного. Я просто шёл по улице. И вдруг вижу – вот она! Выходит из кафе и чему-то смеётся. Так лучится, словно вместо сердца – солнце...

Прошрое замелькало в его уме, как серия кадров. Вот Галина в свадебном платье: обнажённые плечи, тонкие в кружевах руки. Вот она поглаживает дымчатого кота, который мурлычет, свесив хвост с её коленей. Вот, прищурившись, держит в зубах травинку, и птицы щебечут вокруг, и шумят осины... Самого себя Станислав видел со стороны, словно чужого.

– Помню её руки в лунном свете, – он с сожалением улыбнулся в ответ на очередное воспоминание. – Как-то ночью проснулся оттого, что в спальне стало светло. Но странно светло, не по-утреннему. Оказалось, это расступились тучи. Открылась полная Луна. Больше никогда она так не сияла... Холодный свет падал на складки пододеяльника, пустую детскую кроватку, на Галину – она спала рядом, положив руки поверх одеяла. В лунном свете они были похожи на мрамор... Я приник ухом к округлому, как Луна, животу – в нём рос наш сын. Ваня толкнул меня ножкой, и планеты содрогнулись. Как будто беззвучный взрыв сотворил новую Вселенную... То, что я почувствовал, не описать словами. А наутро Вселенной как ни бывало. Я пытался вернуть то состояние, но не смог – и от этого считал себя каким-то обделённым, что ли, словно мне показали рай и тотчас же отняли... Но были и ещё моменты. Яркие, как озарения.

Станислав хотел воскресить их все, по слову вышеживая из сердца. Сквозь тупую боль в ушибленной голове он думал о том, что в них-то, в этих самых моментах и копится годами обоюдная правда, живительная сила, которая обволакивает и питает любящих друг друга, даже если между ними лежит бездна времени, пространства или забвения... Станислав очень хотел вытащить себя из забвения и говорил спонтанно, наугад, высказывая первое, что приходит в голову.

Света обработала края раны и начала накладывать новую повязку. Запах бинтов неприятно напоминал о больничных коридорах. Хотелось скорее уйти. Слова отца вызвали смущение, удивление и обиду. Он много рассказывал ей о прошлом – но всё не то. Голые, обезличенные факты, сплошные сожаления, за которыми, оказывается, прятались, неприкосновенные до поры минуты близости, понимания и родства. Теперь Свете казалось, отец скрывал их нарочно. Все эти годы он выдавал себя за кого-то другого и, только прыгнув с третьего этажа, внезапно открылся по-настоящему – и то не ей... Его интонации, его переменчивое лицо, застывшая поза и редкие жесты сошлись в стремление, в непомерное напряжение, в один порыв – воскреснуть! Она никогда не видела его настолько живым. И в то же время знала, что и сама такой не бывала. Её жизнь текла ровно, без потрясений. Порой она была счастлива, но попроси её кто-нибудь рассказать об этом счастье, не смогла бы связать и двух слов. Какие там руки в лунном свете? Всё поблёкло, если не стерлось вовсе. Главное осталось незамеченным. Собственная жизнь вдруг показалась ей ужасающе посредственной, безмятежной до омерзения. Откуда взяться накалу, когда всё в порядке, когда всё предательски хорошо? Неужели по-настоящему глубокое чувство рождается лишь тогда, когда пронесёшь его живым через большую боль? Света завязала бинт аккуратным узлом и отошла к окну.

– У каждого человека есть множество предназначений... – между тем говорил отец.
– Стать самим собой, для близких – опорой и поддержкой, созидать по мере таланта... Ну, и так далее. Так вот, одно из моих предназначений – любить тебя. Точнее, её, Галину...

На лице Галины не было совсем никакого выражения, как будто сегодняшняя память начисто стёрлась, а новой на её месте не появилось. Левой рукой женщина поддерживала фотографию, а правой – всё так же отрешённо тёрла её уголком платка. Но Станислав почти физически, кожей чувствовал, как слова достигают её слуха. Это придавало ему сил. Продолжать, продолжать, не давать себе передышки...

– В горле пересохло. Светик, ты не принесёшь водички?

Света поняла, что этот разговор – а точнее, монолог – вопреки её ожиданиям, продлится долго. Поэтому она принесла отцу сразу два стакана воды и ушла, взяв с него обещание оставаться трезвым, выходить только через дверь и позвонить сразу, как только освободится.

Пытаясь отвлечься, она прошлась по магазинам. Но, изучая содержимое сувенирных лавок, витрин с ювелирными украшениями, книжных полок, стеллажей с домашней утварью, шла дальше с досадой. Вещи выглядели мёртвыми, никчёмными безделушками. Каждой чего-то недоставало... От нечего делать она зашла к Марине. Девушки проболтали несколько часов кряду, как старые подруги. Оставив отца без присмотра, на этот раз Света не волновалась. Ей почему-то казалось, что романтические намерения несовместимы с прыжками из окон и прочими безумствами. Марина возражала. Намерения Станислава были таковыми изначально, однако это не мешало ему разгуливать голым по автотрассе, швыряя бутылками в проезжающие автомобили...

Света не придавала этому значения:

– После всего, что я услышала, папа кажется мне счастливец. Его давешние поступки – просто какое-то недоразумение.

– Счастливец?! С чего бы?

– Ты просто не видела его с утра. Он весь превратился в любовь. Мне даже обидно стало. Меня он так не любил. И, что ещё хуже, я сама не чувствовала ничего подобного... А, ладно! Не хочу об этом думать. Отпуск всё-таки – нужно отдохнуть.

– Нужно, – согласилась Марина. – Ты выглядишь усталой. Тут недалеко есть классный салон красоты. Не хочешь заглянуть? Маникюр сделаешь. Или, может, причёску? А вечером сходим куда-нибудь вместе, если всё будет в порядке.

– Если всё будет в порядке – мы уедем, – улыбнулась Света. – Но насчёт маникюра – идея неплохая.

Марина осталась одна. День не заладился у неё с самого начала. По пути на работу, едва выйдя из подъезда, она поскользнулась и упала, больно ударившись коленом. Расстёгнутая сумка слетела с плеча, и по льду покатилося зелёное яблоко, рассыпались мелкие монеты. Машинально потирая место ушиба, Марина осмотрелась.

За ночь двор изменился. Похолодало, и вчерашняя изморось превратилась в лёд, осев на ветвях деревьев, засохших цветниках, ржавых качелях, клочьях травы, автомобилях и металлических прутьях оград. Всё было покрыто льдом, как прозрачным панцирем, и сияло, и таяло в солнечном свете...

– Это ваше, возьмите, – сказал кто-то.

Марина обернулась на голос. Рядом стоял грустный мальчик в зелёной шерстяной шапке, с портфелем за спиной. В одной руке он держал яблоко, в другой – горсть мелочи.

– Вот спасибо! – девушка встала и, быстро оправившись, накинула на плечо сумку. – Красиво сегодня, правда?

Мальчик пожал плечами и мелко засеменил прочь. На дороге, в нескольких метрах от подъезда – на секунду остановился, уставившись себе под ноги, и, прежде чем уйти, пробормотал:

– Не красиво.

На асфальте лежал голубь, раздавленный автомобилем. Как и всё вокруг, его перья были покрыты льдом. Вывороченные кишки накрывали лапки, как одеяло. Подойдя ближе, Марина почувствовала, что смотрит на птицу не своими глазами – разочарованным взглядом мальчика, который первым заметил подвох в сияющей красоте.

Рыжий песок, рассыпанный по дорожкам, ничуть не облегчал движения. То и дело с большим усилием возвращая телу равновесие, Марина кое-как дотащилась до цветочной лавки. Накануне она поставила в урну возле входа целую охапку бесповоротно завядших белых роз, и теперь они превратились в ледяную скульптуру. Взглянув на них, девушка вспомнила другие, рукотворные скульптуры из льда – те, что появились в парке как-то под Новый год...

Мастера ваяли их прямо на глазах у прохожих, орудуя пилами, стамесками и резцами. Марина каждый день просила родителей отвести её туда, где сверкали на солнце ледяные олени в упряжке Деда Мороза и полупрозрачные деревья, гномы и эльфы, пара волков и медведица с медвежатами. Но больше всего ей нравился лабиринт Минотавра. Небольшое сооружение, название которому в шутку дал отец, казалось девочке таинственным и опасным, хотя каждый его проход вёл к центру всего в несколько поворотов. Очутившись там одна, Марина была уверена, что не сможет выбраться, и прижалась к стене горячими ладонями, надеясь, что в конце концов та растает. И если это случится раньше, чем появится чудовище с головой быка, она вернётся домой... Через пару минут родители вывели её наружу.

Несмотря на бесконечные домашние перепалки, мамины жалобы и отцовскую праздность – главную помеху финансового благополучия, их брак казался Марине счастливым. Была в нём какая-то лёгкость и непринужденность, трогательная верность своему выбору. Во взаимных упреках никогда не звучало намёка на расставание. Марина хотела бы жить так же. Но три года супружества пролегли между ней и мужем протаявшей полыней. Сделай шаг навстречу – и непременно провалишься в тёмную стужу. Карабкаясь на поверхность, схватишься за протянутую руку, но не спасёшься – только утянешь за собой другого.

Что-то пошло не так. Вчерашнее лицо Вани – лишнее тому подтверждение. Марина никак не могла забыть этого бледного лица, которое увидела в тот самый день, когда впервые за несколько лет почувствовала, что не одинока. Все эти несколько лет были прожиты пассивно, по инерции. В безвольном ожидании какой-то другой жизни, которая будто бы должна вот-вот начаться. Но сделать хоть какое-нибудь усилие, чтобы её приблизить, Марине в голову не приходило. Только теперь это усилие стало насущной потребностью. Вновь обретенное чувство причастности к человечеству затеплилось внутри, но внешне ни в чём не выражалось. Уже под вечер, мастерица очередную цветочную композицию, Марина поняла, что её задача – выразить это чувство во что бы то ни стало. Цыганка была права: для этого нужно открыться. Не нужно больше щитов и панцирей, непроницаемых стен и ложных убежищ. Только сделавшись прозрачной, как лёд, можно действительно приблизиться к другому.

Рассудив так, Марина не могла дождаться конца рабочего дня. Она хотела поговорить с Ваней сейчас же, как можно скорее, пока не растаяла смелость, пока намерение ещё кажется выполнимым...

Добравшись до дома в битком набитой маршрутке, она скинула ботинки и прошлась по квартире.

Никого! Только Галина и Станислав молчали в комнате с балконом: две тёмные фигуры, погруженные в сумерки. Остановившись на пороге, девушка услышала, как они дышат. Казалось, исчерпав ресурсы речи, мужчина и женщина начали общаться на другом, более совершенном языке. Светы не было.

Марина тихо вышла из квартиры и позвонила мужу с лестничной клетки.

– Я в парке, – вяло сообщил он. – На той лавочке, где мы... Помнишь?

– Конечно! Я сейчас...

- Ты хочешь прийти?
- Буду минут через десять.

21

Разноцветный туман стоял в воздухе, как раскрошенная пастель. Филипп двигался вслепую, скользя по стене ладонью: необработанный камень, влажный холод, кое-где покрытый мягким мхом и шероховатым лишайником. О том, что это лабиринт, он догадался по петляющим проходам и всякий раз, наткнувшись на угол, сворачивал в неизвестность.

Некоторые фрагменты сна выпали из памяти. Он не знал, как оказался в центре лабиринта, но зато хорошо помнил белокурого мальчика с высоким голосом, похожим на звон хрусталя.

– Помоги мне, – попросил мальчик. Стены разошлись во все стороны и пропали.

Под ногами путались какие-то растения – низкие кустики с глянцевою тёмно-зелёной листвой. Мальчик стоял совсем рядом, на низком табурете с металлическими ножками. Его кожа была бледной, а глаза – серьёзными. Он выглядел немного напуганным.

– Я никогда не видел тебя наяву, – сказал Филипп.

– А я – тебя.

– Растения какие-то странные.

– Это кофейные деревья, – объяснил мальчик. – На поляне.

– Вообще-то на поляне обычно растёт трава.

– Что за трава?

– Сейчас покажу. Давай руку, а то исчезнешь вместе со своим созданием.

Он начал менять сон.

На месте кофейных деревьев появилась молодая зелень, луговая ромашка, васильки, мелкие гвоздики, колокольчики, зверобой и полынь. Вместо туманной пустоты сверху возникло небо. Только насекомые никак не желали порхать над цветами. Вместо бабочек, шмелей и мошек над полем возникла единственная пчела. Та самая, которая уже не раз являлась Филиппу в сновидениях. Приблизившись, она упорно парила перед глазами. С прозрачных крылышек капала кровь – гранатовые бусинки, слетевшие с порванной лески. Филипп медленно вздохнул, и от пчелы начали отделяться насекомые-близнецы. Точно такие же пчелы одна за другой покидали свой первоначальный образ, словно многочисленные тела – душу, и с жужжанием разлетались во всех направлениях.

– Я знаю эту пчелу! – воскликнул мальчик. – Она прилетала к нам домой. Я долго думал, есть ли у неё кровь, и решил, что есть.

– Верно. Кровь есть, но не такая, как у людей – прозрачная, желтоватая...

– Мне нужна помощь.

– Какая?

– Я не знаю какая.

Мальчик спрыгнул с табурета и, раскинув руки, побежал по полю. Навстречу ему летел ветер. А сон между тем тускнел. Трава стала серой. Земля и небо соединились в пустоту, и Филипп почувствовал, что падает...

Мягко приземлившись на тёплую постель, он открыл глаза: позднее утро, в квартире – тишина; такая тишина, что дыхание кажется громким. Эпизоды только что увиденного сна циклично повторялись в памяти. Филипп сел за стол и торопливо записал их, не заботясь об орфографии и пунктуации. Затем – осмотрелся в комнате. Вещи стояли на своих местах, но уверенности не было.

Филипп открыл файл с описанием обстановки квартиры и сверил его с действительностью. Всё совпадало, но... Пришлось прибегнуть к примечаниям на крайний

случай: «1. Под кроватью, в полуметре от левой ножки – три кубика сахара. 2. На обороте правой шторы – две портновские булавки с синими головками, воткнутые крест-накрест». Проверил: всё так. Но сомнения остались. Что, если сон ловко подстроился под реальность, расставив предметы в нужном порядке? Тогда, возможно, даже дневник сновидений – одна из уловок его фантазии. И кубики сахара, и булавки... Если вещи врут, как убедиться в том, что вокруг явь?

Услышав звонок, Филипп неохотно поплёлся в прихожую. Он ожидал увидеть за дверью какую-нибудь соседку, у которой внезапно закончилась соль. Однако на пороге стоял Никита с фиолетовой ссадиной на переносице.

– Ты чего? – удивился Филипп. – Позвонил бы хоть... Я только встал.

– Я звонил раз пять.

– Ну, проходи. Как нос?

– Кости не смещены, так что скоро будет как новенький, – надев тапочки, гость прошлёпал на кухню и уселся на табурет. – До сих пор как-то совестно за воскресенье. Жаль, что так вышло.

– Жаль, – уныло откликнулся друг. – Но Вениамин с самого начала был не в себе. Мне показалось, он знал, чем всё закончится. Эта встреча имела для него какое-то особое значение... Как будто он возложил на неё большие надежды, и все они не оправдались.

– Да, да. Но всё-таки я виноват. Поэтому хочу написать о нём в ближайший выпуск. Может, это всё исправит? Теперь – никаких вольностей. Только правда! Мне надо поговорить с Вениамином. Вопросы уже готовы – только задать осталось. У тебя случайно нет его телефона?

– Неа. Придётся тебе подождать до следующего воскресенья.

– Ты забыл? Я в выходные – в Египет с родичами. Билеты уже куплены... Ладно, съезжу к Леониду. Надеюсь, он подскажет.

Никита постучался к Леониду час спустя, но в этот раз приглашения войти не получил. В ответ на его просьбу мужчина покачал головой:

– Вам не нужно говорить с Вениамином.

– Очень нужно, – возразил Никита. – Вы не волнуйтесь, я обязательно пришлю текст на согласование...

– Сколько вам лет? Двадцать, двадцать пять? А глаза – как у ребёнка. Этаким озорник смотрит из взрослого весело и нагло. Всё, даже Истина, кажется вам игрой. Вы не хотите знать правду. Вы не хотите ею жить – разве что поиграть в неё, не так ли? Мы с Вениамином для таких игр слишком стары. И, сдаётся мне, тут вы заигрались.

– Но...

– Идите.

Дождавшись, пока он окажется за калиткой, Леонид тихо прикрыл дверь и вернулся в гостиную.

Вениамин пришёл полчаса назад и всё это время сидел в кресле, накрыв колени байковым одеялом. Казалось, он хочет рассказать о чём-то важном. Но разговор полз рыхлым пунктиром, то и дело проваливаясь в долгие паузы.

– Кто приходил?

– Наш горе-журналист. Хотел взять у тебя интервью, но я не разрешил.

– Почему?

– Потому, – мужчина едва заметно улыбнулся. – Лучше скажи мне, что случилось? Ты ведь не в кресле посидеть пришёл?

– Не знаю. Я не могу молиться с прошлого воскресенья, не могу сосредоточиться. Такое ощущение, что падаю с большой высоты. Без Божьей помощи туда не подняться снова.

– Уныние, значит...

– Не просто уныние. Раньше я знал, что у молитвы есть адресат. Я чувствовал Его присутствие, но теперь перестал. И сомнениям нет конца. Что, если адресата нет, и только молитва создает его соответственно вере каждого? Человек меняется местами с Богом и сам творит Его, а не наоборот.

– Я тебя не узнаю.

– А я – узнаю, думаешь? Каждому – по вере. И что же тогда получается? Вот верю я, к примеру, в Бога – и действительно вижу его во всём. В цветке – Бог, в собаке – Бог, в глазах новорождённого, в улитке – всюду. А кто-то другой, допустим, мой брат Икс, верит в то, что при наличии нескольких вариантов развития событий всегда реализуется наихудший. И в самом деле, постепенно Икс замечает, что в его жизни всё происходит именно так. Возникает вопрос: что первично? Возможно, каждый выбирает веру, как пальто или брюки. Только одежду выбирают по размеру тела, а веру – по размеру души.

– Да, так бывает, но подлинная вера не обусловлена.

– И какая же, по-твоему, подлинная?

– Та, которую укрепляет Бог.

Вениамин замолчал и, казалось, погрузился в глубокую задумчивость. В голове гудело. Мысли ворочались, как камни, тревожимые болезненными внутренними толчками. Эта боль – паразит. Призрак, слепленный из темноты. Вениамин чувствовал, как она спускается вниз по шее, сжимает грудную клетку... Откуда взялись силы тогда, в воскресенье?

– Наверное, придётся отменить одну-две встречи, – наконец сказал он и поднялся с кресла. – Мне нужен перерыв. Не ищи меня, если исчезну.

– Ничего отменять не будем, – отрезал Леонид. – Ты не обязан всегда быть Учителем. Многим ты помог... Может, теперь кто-нибудь поможет тебе?

– Наверяд ли.

Леонид проводил Вениамина до крыльца и, кутаясь в халат, выглянул на улицу. Включил было фонарь, чтобы осветить гостю скользкий путь до калитки, но лампа, пару раз мигнув, перегорела.

– Всё-таки буду ждать тебя в воскресенье, – настойчиво повторил мужчина.

– Не очень-то жди!

Привычным маршрутом Вениамин направился к берегу, намереваясь просидеть на своём стуле у кромки воды до тех пор, пока не примет решение, которое надлежит принять. Он ещё не знал какое. Но на полпути к водохранилищу, как будто о чём-то вспомнив, остановился на тропинке.

– Господи, позволь мне спать и никогда не проснуться, – тихо сказал он и почувствовал, что молитва звучит так, словно придумал её он сам. – Так вот зачем была наша встреча! Убийца времени, который мечтает никогда не проснуться. Ты пришёл в мою жизнь, чтобы подсказать молитву.

– Я не уверен, не уверен! – с раздражением воскликнул Филипп. Только что он выронил из рук простой карандаш. Прокатившись по столу, прибор остановился на листе бумаги, точь-в-точь совпав с его диагональю.

Возможно ли, думал Филипп, бросив карандаш наобум, попасть ровнёхонько в диагональ прямоугольника? Это прямое попадание выглядело чересчур сомнительно. Поэтому он взял ручку и достал из ящика стола старую, ещё школьных лет деревянную линейку. Аккуратно, стараясь не коснуться карандаша, отметил на листе две точки: одну под острием, а вторую – под ластиком в металлической оправе. Отодвинув прибор, соединил точки отрезком и согнул лист. Линия сгиба идеально совпала с прочерченным отрезком.

Стараясь оставаться спокойным, Филипп взвесил карандаш в руке. Порывшись в ящике, отыскал лупу, на которую когда-то спустил все карманные деньги, мечтая получше рассмотреть мёртвых бабочек из отцовской коллекции. Однако изучение

карандаша через увеличительное стекло не принесло ничего нового. Филипп отшвырнул инструмент и вскочил, уронив стул:

– Я не уверен.

Он пересчитал крючки на карнизе, перевернул содержимое ящиков, проверил кухню, спальню родителей, карманы пальто, замки на входной двери. Заглянул под кровать, потрогал булавки, воткнутые в занавеску. Пытаясь найти опору, вновь и вновь шарил по комнате взглядом, но убедиться в пробуждении не мог. Было два часа дня, если верить часам. Дома – никого. Следовательно, день будний. Но какой именно? За окном порхали снежинки. Одни летели вниз, другие – вверх. Филипп включил ноутбук и открыл календарь, но увидел в нём лишь бессмысленные числа...

Он понял, что спит, когда стены начали исчезать. Здание превратилось в чертёж, подвешенный в воздухе и тающий на глазах.

Моргнув, Филипп обнаружил себя стоящим на твёрдой земле посреди двора, который был ему незнаком. Круглая клумба, очерченная серым камнем, напоминала подгоревший пирог. Несколько хилых сосен-саженцев, привязанных к колышкам, отделяли парковку от детской площадки. Две тощие дворняги, прижавшись друг к другу, спали в песочнице. По одной из стен ближайшей высотки чёрной змейкой вилась трещина, залатанная какими-то металлическими брусками.

– Что я здесь делаю? – пробормотал Филипп и пнул мелкий камушек.

– Я ждал тебя.

– Ты?

22

«Дорогой друг!

Надеюсь, Вы ознакомились с уставом “Союза”. Теперь Вам нужно научиться управлять своими снами, чтобы проживать вторую жизнь осознанно, а не быть её безвольным наблюдателем.

Для начала прошу Вас создать один несложный сон. Только не мудрите, пожалуйста. Создайте что-нибудь миниатюрное и безопасное. Обязательно пригласите в сон меня, назовите своё имя и сообщите о том, что состоите в “Союзе”. Предупреждаю, с первого раза получается не у всех. Если что-то выйдет из-под контроля, не волнуйтесь и попробуйте ещё раз.

Каждый создаёт сны по-своему. Начинать лучше всего в тот момент, когда вы чувствуете, что вот-вот уснёте. Представьте себе сон, который хотите увидеть, и постарайтесь удержаться в сознании в момент перехода.

С уважением, Филипп Б.»

Это письмо я получил через три дня после предыдущего. Меня насторожило лишь то, что в нём говорилось о каком-то уставе, которого я не видел. Выходило, что предыдущий сон мне не приснился. Или, может быть, я просто забыл его?

В ту же ночь я попробовал создать «что-нибудь миниатюрное и безопасное». Представлял свою комнату – белый потолок, бирюзовые обои, зажжённую лампу. Казалось бы, проще простого. Но у меня ничего не вышло – ни тогда, ни в последующие несколько недель.

Сон возник сам собой, когда я уже не чаял его создать. Сначала в нём был только разноцветный пар, который обступал меня со всех сторон и не давал увидеть даже собственных рук. Несколько раз я наталкивался на стену, влажную и шершавую.

– Филипп! – позвал я, вспомнив, что сплю.

Пока я повторял его имя, пар становился прозрачней. Я очутился в круглой комнате с каменными стенами и единственным дверным проёмом. Когда пар совсем

исчез, у меня под ногами начали прорастать кофейные деревья. Пол беззвучно трескался и крошился.

Филипп вошёл в комнату с закрытыми глазами и остановился у порога.

– Помоги мне! – попросил я.

– Что я могу сделать?

Я сказал, чтобы он подошёл ближе. Листья кофейных деревьев начали шевелиться и шуметь. Филипп приблизился, но не мог меня видеть, потому что его веки срослись, образовав две совершенно гладкие полусферы. У меня в руках появились ножницы. Я забрался на табурет и сделал на лице Филиппа небольшие разрезы, слегка оттянув кожу в тех местах, где должны быть глаза.

– Спасибо, – поблагодарил он. – Так что я могу...

Я собирался разузнать о том мире, из которого он пришёл, о «Союзе живых вдвойне» и способах создания снов, но против своей воли снова попросил о другом:

– Помоги моим стенам исчезнуть.

Филипп не знал, как помочь. Зато в том сне он показал мне поле – это было очень красиво. Верхушки трав щекотали мои ладони. Над цветами летали пчёлы и бабочки. Всё сияло в ярком свете, но, прислушавшись, я понял, что вот-вот проснусь. Где-то вдалеке залаял Лев, и, попрощавшись, я побежал на звук...

С этого момента мне постоянно что-то снилось – и ночью, и днём, если я ложился после обеда. Однако создавать сны оказалось ненамного легче, чем вспомнить момент сотворения мира. Писем больше не приходило – я догадывался почему. Члены «Союза» наверняка остались мной недовольны: даже с первым заданием новичок не смог справиться как следует.

Создавать сны я так и не научился, но время от времени у меня получалось менять их по собственному желанию. Вскоре после того, как Филипп показал мне поле, я создал его сам, заставив траву прорасти сквозь бетонный пол. Мы со Львом бегали по ней наперегонки. Пчёлы садились в мои ладони и оставляли на коже пятнышки крови, похожие на красные пылинки.

Каждое утро я записывал сны и пытался соединить их друг с другом, чтобы получилась та вторая жизнь, о которой писал Филипп.

Я окончательно забросил математику, потому что не мог думать ни о чём, кроме снов. Не знаю, заметил ли это папа. Я больше не уговаривал его побыть со мной подольше. Не просил даже новых слов, хотя их не было уже несколько месяцев. В свою очередь, папа всё меньше говорил и, вернувшись с работы, запирался в кабинете. Я вбил себе в голову, что он станет прежним, если исчезнут стены, и плакал от бессилия, понимая, что дело продвигается медленно.

Прошло много дней, прежде чем мне удалось узнать хоть что-то о «Союзе живых вдвойне».

Уснув как-то после обеда, я оказался в своей комнате и, оттолкнувшись от стены, с разбегу пролетел сквозь противоположную. За стеной оказалось точно такое же помещение, только без мебели. Я снова промчался сквозь стену и продолжал бежать до тех пор, пока не встретил Филиппа. Свесив ноги, он сидел на столе в одной из комнат и пил кофе из глянцевой чёрной чашки.

– Я не знаю, кто ты, – заявил Филипп, когда я остановился. – Почему мы видимся так часто?

– Ты что, забыл? – я совсем растерялся. – Сам же писал... Дорогой друг! С радостью сообщаю вам...

– А... – Филипп слез со стола и достал из какого-то ящика ещё одну чашку, над которой поднимался пар. – Будешь?

Я в замешательстве кивнул.

– Наверняка ты помнишь, – продолжил он. – Я просил создать сон, пригласить в него меня и сообщить о вступлении в «Союз».

– Да, это было в другом письме! Но я думал...

– Все так думают, – усмехнулся Филипп. – Тот, кто писал письмо, должен знать, кому оно адресовано, особенно если называет его «дорогим другом». Ты ведь об этом?

– Ну да.

– В том-то и проблема. Я не знаю адресата. «Вторая» жизнь чем-то похожа на «первую». Свобода существует, но есть и то, что её ограничивает. Некоторые обстоятельства даны изначально, как условия задачи. Это понятно?

– Понятно.

– Возьмём, к примеру, «Союз», – объяснял он, расхаживая по комнате. – Сейчас в нём больше трёхсот членов. Знаешь, как я их нашёл? Просто писал письма. У себя в ноутбуке, на бумаге, папирусе, бересте, на мокром песке, глиняных табличках, дощечках, меловых досках... Сначала даже не знал, зачем. Просто начинал писать, когда чувствовал, что должен... А потом люди начали приглашать меня в свои сны. Тогда-то я и понял... Письмо само находит адресата или же – создаёт его. Отсюда, кстати говоря, вытекают интересные следствия. Получается, каждый вопрос создаёт ответ или того, кто должен ответить... Но вернёмся к письмам. Тут возникает новая проблема. Догадался, какая?

– Письма находят адресатов, а ты – нет?

– Это тоже. Но я имел в виду трудности распознавания. Наряду с обладателями физических тел существуют другие... Те, которые никогда не покидают мира сновидений. Тела у них нет, но есть его образ. Эти существа были вызваны к жизни моими письмами и наяву никак себя не проявляют. Подозреваю, что в «Союзе» таких немало. По сути, они не приносят никакой пользы объединению, поскольку проживают одну жизнь, а не две. Только сбивают с толку. Проблема в том, что я не всегда могу отличить их от настоящих членов «Союза». Так и живём... Как хоть тебя зовут?

– Лёва. Я настоящий, можешь не сомневаться.

– Кто тебе это сказал? – улыбнулся Филипп.

– Я живу с папой. У меня в комнате такие же обои, как в этой...

– Ты мог всё это выдумать и даже поверить, что говоришь правду.

– Но...

Я замолчал, не договорив. Во снах всё тоже оказалось запутанно – может быть, даже больше, чем наяву. Даже ведущий сомнолог «Союза» не может контролировать происходящее. Он пишет письма наугад и не отличает людей от не-людей. Филипп не верит мне. Я не верю папе. Папа не верит снам. Допив кофе, я долго смотрел на чёрное дно чашки и вдруг догадался:

– Знаю!

– Ну, что ты знаешь? – Филипп снова забрался на стол и сел рядом со мной.

– Сделай так, чтобы мои стены исчезли. Тогда сон и явь соединятся в одну жизнь, и доказательства...

– Подожди, какие стены?

– Вот эти! – в нетерпении я постучал по стене ладонью. – Говорю же, я живу в точно такой же комнате, только там мебель есть, лампа, ноутбук... Придумай что-нибудь, и доказательства будут. Увидишь!

– Ладно, попробуем. Диктуй адрес.

В руках Филиппа появилась ручка. Он приготовился записывать на ладони. Но папа уже звал меня. Я не успел сказать, что не знаю никакого адреса.

Приглушённый шум автотрассы доносился как будто издалека. Марина быстро шла мимо неуютных лавочек, освещённых низкими фонарями. Голые ветви кустов, похожие на медную проволоку, слегка блестели в электрическом свете.

Свернув на середине аллеи, возле выключенного фонтана, она углубилась в парк и вскоре разглядела силуэт мужа, сидевшего на краю длинной лавки с покатой спинкой. Несколько лет назад они проводили на этой лавке вечер за вечером, не замечая вокруг ничего, кроме красоты, любви и друг друга.

Теперь Ваня был холоден, неподвижен. Сцепленные в замок руки лежали на коленях как камень. Мужчина глядел перед собой устало и внимательно. Заметив жену, пододвинулся, освобождая сухое место.

Марина присела рядом:

– Давно ты тут?

Ваня пожал плечами.

– Замёрз, наверное? Идём, – попросила она и осторожно взяла мужа за руку. Его пальцы не ответили.

– Куда?

– Куда угодно! Домой, в кафешку, в кино, в какой-нибудь тёплый подъезд...

– Я знаю одно место...

– Там тепло? Ну, хорошо, веди, – согласилась Марина, дождавшись неопределённого кивка.

В молчании они добрались до остановки и сели в автобус, который тащился еле-еле и грохотал на ухабах. Он высадил их где-то на окраине – район был Марине незнаком. Ваня купил в ларьке бутылку вина. Начался частный сектор, и фонари поредели. В отдалении от трассы был отчётливо слышен каждый шаг, короткие всплески воды в мелких лужицах, неясные шорохи в темноте. Разглядев на одном из заборов табличку с названием улицы, Марина вспомнила Вениамина. Если верить газете, встречи с ним проходили где-то поблизости. Ей захотелось рассказать о том, как вовремя попал к ней в руки тот газетный номер, как цыганка украла розы и невзначай дала верную подсказку... Но Марина продолжала идти молча, подстраиваясь под быстрый шаг мужа. В молчании был уют, возможность понимания.

– Где мы? – спросила она, когда муж остановился.

Из темноты смутно проступал силуэт одноэтажного дома, голый скелет крыши, несколько накренившихся секций забора.

– Это заброшенный дом, – флегматично пояснил Ваня. – Прошлой весной он сгорел. Идём.

Он первым шагнул на узкую тропку, которая вела в сторону останков здания. На месте дверей и окон в кирпичной стене зияли провалы. Поднявшись на крыльцо, мужчина взял жену за руку и повёл внутрь в полной темноте. Под ногами хрустели осколки стекла, мягко проминались какие-то тряпки.

Нагнувшись, Ваня ощупал что-то перед собой.

– Садись. Я сейчас вернусь.

Сиденье оказалось старым матрасом, холодным и немного влажным. Сквозь толстую ткань прощупывались жёсткие пружины. Обхватив руками колени, Марина закрыла глаза. Ванины шаги то приближались, то удалялись снова.

Он притащил в дом секцию забора и начал отламывать продольные доски от поперечных. Потом принёс охапку хвороста и, достав из-за пазухи какую-то рекламную брошюрку, оторвал от неё несколько клочков бумаги.

– Может, лучше снаружи?

– Снаружи ветрено, – Ваня аккуратно складывал основание костра, освещая его экраном мобильного. – А здесь, в центре комнаты – кострище. Сейчас увидишь. Лист металла, обложенный кирпичами.

– Помню, ты говорил, что любишь заброшенные дома. Но я думала, это в прошлом.

Он долго не отвечал. Отсыревший хворост зашёлся не сразу. Когда пламя разгорелось, мужчина подбросил в костёр ветки покрупнее.

Марина открыла вино. В свете костра она разглядела у противоположной стены обугленный, настежь распахнутый шкаф, пустые полки, опрокинутую лампу, груды какого-то барахла, расколотую глиняную кринку, битое стекло, стол на металлических ножках. Стены были черны от копоти. В ясную погоду сквозь каркас крыши сияло бы звёздное небо – но вечер был пасмурным. Запрокинув голову, девушка не увидела ни одной звезды; синие тучи с рваными краями наслаивались друг на друга.

Ваня наконец заговорил:

– В последнее время я вижу только разрушение. Это навязчивые, реалистичные фантазии – не правда, но и не галлюцинация. При этом чувствую ярость, которая не поддаётся контролю. Потом – усталость, бессилие. Сегодня не мог почистить зубы. Это длится всего несколько дней, но я устал. Нельзя без конца смотреть на прекрасные вещи и уничтожать их взглядом. Я решил найти место, где разрушать будет нечего... И вот, пришёл сюда.

– Мы живём в темноте. Она – как огромное облако...

– Да, чёрное облако. Я видел, – Ваня подбросил в огонь ещё несколько досок и присел на корточки с другой стороны костра.

– Но что-то меняется.

– Разве что к худшему.

– Нет. Я объясню. Но сначала...

– Ты даже в темноте живая, – он посмотрел на жену поверх огня. – Говоришь вот, облако. Но и в нём улыбаешься. Оно твой спутник, но оно – не ты. Ты держишься – я соскальзываю. Потому что моя темнота – это я сам.

– Как тебя угораздило оказаться на АЭС?

– Сам удивляюсь. Странное совпадение...

– Какое?

Возле костра становилось жарко. Ваня снял куртку и бросил её на матрас.

– Про атомную станцию я узнал в детстве, от дяди Осипа. Он жил с нами, наверное, полгода. Отца не было. Он ушёл раньше, чем начались воспоминания. А дядя залез в долги и остался без жилья... Мать его приютила. Мы быстро поладили. Он работал на АЭС и вечно рассказывал мне о ядерных реакциях, устройстве уран-графитового реактора... Думаю, я был его единственным слушателем. Мальчик пяти лет! Он говорил, у людей всегда есть выбор – направить энергию на созидание или разрушение. Причём этот выбор нужно делать непрерывно, в каждую минуту жизни. Как-то он спросил: «Что ты выбираешь, Ваня, атомную бомбу или атомную станцию?» Я, конечно, выбрал станцию. На следующий день он принёс конструктор...

«Будем строить АЭС!» – с этими словами широколицый мужчина с золотистыми бровями и блестящим, совершенно лысым черепом втащил в квартиру заклеенную скотчем коробку.

Вскоре её содержимое было торжественно рассыпано на полу в гостиной. С великим восхищением Ваня оглядел свой разноцветный хаос: кирпичики, пластиковые фигурки, оконные рамы, трубы, колёса... «Не благодари!» – улыбнулся дядя и, потрепав племянника по щеке, взял на себя руководство строительством. В тот день остановились только за полночь. Галина еле заставила их разойтись по комнатам. Но Ваня ещё долго не мог заснуть, пытаясь представить, какой будет его станция: сравнится ли с настоящей, поместится ли в комнате, заслужит ли мамину похвалу?

Масштаб конструкции превзошел все ожидания создателей. Деталей катастрофически не хватало, и несколько недель спустя дядя приволок домой ещё один набор. «С долгами бы сначала расплатился!» – пожурила его Галина. Обычно она наблюдала за работой краем глаза, устроившись в кресле с книгой или вязанием...

Наконец АЭС была готова. Любуясь своим творением, Ваня и Осип обменивались восхищенными замечаниями: «Гляди-ка, совсем как настоящая!», «Здорово мы придумали с этими трубами...», «Я же говорил, надо укрепить ту стену!»

Ваня был счастлив. Он хотел, чтобы станция всегда стояла посреди гостинной памятником его многодневным стараниям. Но, налюбовавшись вдоволь, не знал, что делать дальше. Станция исправно снабжала энергией всех его подопечных – плюшевых медведей, пластиковых человечков, резиновых динозавров – однако ему самому делать было нечего. И тогда дядя придумал новую игру.

«С сегодняшнего дня ты будешь следить за исправностью станции, – сообщил он со всей серьёзностью, на которую был способен. – Каждую ночь, пока все спят, в неё проникает Разрушитель и незаметно вытаскивает одну деталь. Если не починить АЭС вовремя, на другой день он вытащит ещё деталь, за ней – следующую... Ты знаешь, что происходит в случае катастрофы. Радиация выходит из-под контроля. Люди гибнут, гибнет всё живое... Но ты ведь не допустишь этого, правда?»

Ваня приступил к своим новым обязанностям на следующий день. Поначалу неисправности были на виду, но мало-помалу злодей становился искусней. Порой мальчик до поздней ночи не мог отыскать его губительных следов. «Что за наказание с этой игрушкой! – ворчала мать. – Иди спать – или я отнесу её на помойку!» Замечая в глазах сына искренний ужас, Галина не решалась прервать игру, но, уложив Ваню, настойчиво просила об этом брата. «Не беспокойся, скоро я придумаю что-нибудь поинтересней», – уверял её Осип. А потом его арестовали по подозрению в грабеже и увезли в следственный изолятор.

Так Ваня остался наедине с невидимым Разрушителем станции. День за днём он тщательно осматривал постройку, но не находил ни малейшей неисправности. Ничто не выдавало вторжения зла, но Ваня был абсолютно уверен в его существовании. Ночью, подчинившись приказу матери, он уходил в свою комнату, но уснуть не мог.

«Никакого злодея нет, – говорила Галина, посадив сына к себе на колени. – Его придумал дядя Осип. Это просто игра, понимаешь?» Мальчик упрямо мотал головой. Он действительно не понимал. Каждое утро он вставал с кровати, чувствуя, что виноват перед всем миром. Порой ему хотелось бежать к маме и плакать, уткнувшись лицом в её живот. Но он боялся, что она не поверит, что разозлится и сломает станцию – а ведь есть ещё шанс...

Он продержался с месяц. Но однажды утром проснулся другим, совсем другим человеком. Мама ещё спала, но чайки за окном уже кружили с тоскливыми криками. Поджав губы, Ваня несколько раз обошёл станцию по периметру. Затем, взобравшись на мамино кресло, взял со стола металлический светильник и с размаху швырнул его в АЭС. Раздался громкий треск. Мальчик спрыгнул на пол и завершил начатое собственными руками. Через пару минут станция превратилась в грудку конструктора. Прибежав на шум, Галина увидела посреди гостинной сына, который шептал, вытирая слёзы: «Это я – Разрушитель...»

– Я не мог понять, что это игра, – Ваня глотнул вина и передал бутылку жене. В костре потрескивали доски. – Для меня всё было взаправду. Вероятно, я вообще не отличал игру от жизни.

– А потом что?

– Ничего. Конструктор сложили в мешок и вынесли на балкон. Больше я к нему не прикасался. Всё улеглось, и, самое интересное, что я напрочь забыл о случившемся. Вспомнил буквально на днях. И, прямо скажем, лучше от этого не стало. Какая-то неотвратимость. Всё летит по кругу, как чайки... Неужели это и есть – всеобщая судьба?

Марина взяла мужа за руку и почувствовала, как пульсирует тепло в касании ладоней. Казалось, только полная, окончательная открытость поможет сберечь это тепло. Когда, если не сейчас?

– Я должна рассказать тебе, – едва заговорив, Марина пожалела об этом. Но было поздно. – Три года назад я сделала аборт. Нашему ребёнку было одиннадцать недель и два дня. К тому времени его тело уже сформировалось. Я видела, как он шевелит ручками и ножками. Тогда и появилось то чёрное облако...

Вздвогнув, Ваня выпустил из рук её пальцы. Сидя вполоборота к жене, он всматривался в её лицо внимательными, напряженными глазами. Ничто не рушилось вокруг него. Небо не сдвинулось с места, не свернулось в свиток. На закопченных стенах шевелились тени. Но слова застревали в горле колючим комком.

– Я ведь хотел... Помнишь?

Да, она помнила. Поэтому и молчала. Ваня мечтал о сыне. Он собирался научить его кататься на велосипеде, строить домики на деревьях и шалаши, укрытые лапником. Марина попыталась снова взять его за руку, но муж, отодвинувшись, встал и торопливыми шагами начал кружить по комнате. Он хотел перешагнуть через ад. Но каждый новый шаг не приносил ничего, кроме тревожной необходимости сделать следующий. Закопченные стены становились всё теснее. В этот момент он был готов умереть ради нескольких минут покоя, столь нужного, чтобы увидеть всё как есть – без гнева, без ужаса, без желания убежать.

– Почему?

– Мне стало страшно, – ответила Марина, прикрыв глаза.

– Так не должно было быть, – Ваня остановился по другую сторону костра. Между ними лежали угли. – Нет.

Не сказав больше ничего, он вышел из дома и пошёл куда-то прочь. Быстрые шаги прошлестели во дворе, хрустнула секция забора, хлестнула ветка куста... Всё тише и тише.

Марина легла на матрас. Под лопатками скрипнули пружины. Она смотрела, как несутся по небу тёмные тучи и старалась не думать о том, что когда-нибудь придётся встать с этого матраса и вернуться – куда? Она старалась не думать вообще ни о чём. И тучи плыли мимо. И не было звёзд, и не было мужа. Не было ничего. Только тело, жить в котором тесно и больно.

– Странно всё это, – тихо пробормотала Галина, глядя на свои руки, и вдруг подняла глаза. – Ты ещё здесь?

– Где же мне быть ещё? – улыбнулся Станислав. – Знаешь, твой голос стал другим... И лицо тоже. Ты устала? Может, поспишь немного?

– И то верно, – неожиданно согласилась женщина.

Поднявшись с кресла и сделав два коротких шага, она оказалась возле кровати. Сбросив тапочки, легла на прохладное покрывало.

Станислав сел в кресло и надолго замер, всматриваясь в спутанный пучок волос на её затылке. Ему показалось, что вместе с Галиной все контуры и предметы погружаются в целительный, животворный сон.

Мысленно пожелав Галине спокойной ночи, он выключил торшер, и всё растворилось в темноте. Только мысли о дочери ещё некоторое время маячили в сознании, нарушая этот покой.

Света бродила по городу до позднего вечера. До тех пор, пока не заныли мышцы ног, пока фонари вдоль дороги не начали сливаться в сплошную рыжую ленту. Она ждала звонка от отца, от Гриши, от Марины – и не дождалась ни одного. В довершение всего разрядился телефон. Только тогда она направилась к дому.

На третьем этаже никто не отозвался на стук. На долю секунды Свете показалось, что она вовсе не живёт – крепко спит, будучи не в силах выпутаться из какого-то вечного, тревожного сна, в котором все оставили её одну. В чужом городе, в незнакомой жизни.

Шагая через ступень, девушка спешила вверх. Но и там ответа на стук пришлось дожидаться долгих пару минут.

Наконец замок щёлкнул. Отворилась дверь. На пороге стоял отец, тихий и серьёзный. Стоял как ни в чём ни бывало.

– Почему ты не звонил? Последняя электричка через полчаса. Мы не успеваем.

– Прости. Я думал, ты поймёшь.

– Она вспомнила?

– Нет. Но мне нужно остаться.

– Ты принял таблетки?

Отец кивнул, и Света вгляделась в его лицо внимательнее. Он выглядел трезвым и спокойным, лишь немного уставшим. Это внушало надежду. Не сегодня, так завтра...

– Ладно. Идём вниз?

– Светик...

24

Кажется, наступило утро. Какое утро, в каком городе, в каком году? Филипп не имел не малейшего представления. Над головой повис белёсый потолок и пыльная люстра с надтреснутым светильником.

Прищурившись, Филипп вгляделся в едва заметные границы между обояными листами и сосчитал их, отметив, что десятый лист уже остальных. В правом верхнем углу бумага вздулась и пожелтела. Всё правильно. Но в чём тогда дело? Откуда предчувствие подлого, неминуемого подвоха?

Нехотя поднявшись, он направился в кухню. Мать сидела за столом и, орудуя стеклянной пилочкой, занималась маникюром.

– Выглядишь неважно, – заметила она, быстро взглянув на сына. – Не заболел?

– Нет, кажется, я здоров.

– Что значит кажется?

– Кажется – значит кажется.

Хотелось кричать. Но Филипп достал с полки кружку и взвесил её в руке. Проверил, на месте ли маленький стеклянный бугорок над ручкой и едва различимая трещина возле каёмки. Оценил толщину дна. Всё верно – не придерёшься... Даже в облике матери – ничего необычного. Но он ждал подвоха.

– Так и будешь смотреть на кружку?

Ничего не ответив, Филипп ушёл к себе, открыл дневник сновидений и быстро застучал по клавишам. Он чувствовал себя лабораторной крысой, застрявшей в безвыходном лабиринте. Сны были ловушкой, в которую кто-то его поймал... Но кто и зачем? На плечо неожиданно легла отцовская рука:

– Можно с тобой поговорить, сынок? Мать волнуется. Помнишь, ты говорил, что сходишь к врачу, если...

– Точно! – Филипп развернулся на стуле. – И как я об этом не подумал? Ты ведь был прав, пап. Ничего не вышло...

– Я не хотел вмешиваться, но, учитывая характер твоей болезни... В общем, я позвонил твоему доктору, и сегодня он ждёт тебя в полдень. Хочешь, подброшу?

– Нет, спасибо, я сам.

Что-то его настораживало. Отец пришёл слишком вовремя и к тому же назвал его «сынок», чего не случалось, кажется, никогда.

Филипп списал свои подозрения на мнительность. Быстрым шагом продвигаясь к поликлинике, он не услышал ни одного человеческого голоса – только гул автотрассы, воронье карканье и трэш-метал в колонке подростка, который шёл мимо. Вчерашний снег лежал на дорогах мутной слякотью.

Возле окошка регистратуры не было ни души. Уборщица уныло тёрла пол мокрой шваброй. Филипп взглянул на часы – без двух минут полдень – и поднялся на второй этаж.

– Давненько вы не заглядывали, – улыбнулся врач. Пепельные усы зашевелились, как водоросли.

Слушая жалобы пациента, он мерно кивал головой и строчил что-то в толстой медицинской карте.

– С вашим мозгом всё в порядке, – наконец заявил мужчина. – Рождаясь, каждый человек получает определенное, соответствующее своим силам количество жизней, которые проживает одновременно на разных уровнях реальности. Внутренняя борьба никогда не прекращается – таков закон. Ваша проблема заключается в качестве дифференциации. Сразу две жизни заявили о себе как доминирующие, и разграничить их вы не в состоянии...

Филипп сжал кулаки: «Какой реалистичный ублюдок!» Уж теперь-то он не будет сдерживаться! Теперь он всё *им* скажет, сколько бы бранных слов и некогда бесценного времени на это не потребовалось.

– Ты что, поверил ему? – Лёва выглянул из-за плеча доктора и улыбнулся так кротко, что злоба, только что непреодолимая, показалась Филиппу нелепой. – Смотри...

Схватив врача за волосы, он оторвал ему голову.

– А теперь проснись! Тебе нужно проснуться!

Его голос звенел, отдаваясь эхом. У стула, на котором сидел Филипп, неожиданно подкосились ножки. Предметы меняли структуру, обнажая свою бумажную, ватную, поролоновую суть...

Ударившись виском о край стола, он очнулся под говор пассажиров автобуса. Компания пенсионеров оживленно обсуждала повышение платы за проезд.

– Что, больно? – сочувственно спросил Никита. – Сам виноват. Я ж говорил, не прислоняйся к окну. Так можно и голову разбить. Проспект Октября ещё в том году был в плане на ремонт...

– Мы на проспекте Октября?

– По-моему, да, – он провёл ладонью по стеклу, покрытому конденсатом. – Ты проспал минут пять, не больше.

– Извини. Ты говорил что-то про Вениамина... Давай ещё раз?

– Не вопрос!

Филипп устало осмотрелся: потёртые сиденья, кое-где исписанные маркерами, разводы грязи на полу, кондуктор в синем жилете замерла в проходе, блуждая взглядом по салону... Потёртые сиденья выглядели неправдоподобно: разрывы матерчатой обивки походили на разинутые рты. Филипп с трудом вспомнил, куда едет автобус. Никита пригласил его на концерт какой-то местной рок-группы, о солисте которой недавно писал статью. Эти ребята собирались покончить с собой после школьного выпускного, но попытка провалилась. Филипп не мог вспомнить почему. Коричневые сиденья не давали ему сосредоточиться. Пенсионеры говорили слишком громко. Их голоса больно жалили в самую глубину уха. Автобус куда-то полз, как нелепая сколопендра.

– ...Ходил к Леониду – без толку! – между тем рассказывал Никита. – Серёге звонить – нос ещё не зажил. В общем, никакой информации. Решил писать наудачу. Раз десять прослушал запись нашей первой встречи. Работал всю ночь. Жаль только, фоток нет. И насчёт текста что-то сомневаюсь... Может, глянешь?

Он вытащил из рюкзака распечатку. Пробежавшись глазами по первой странице, Филипп ничего не понял и терпеливо начал сначала.

На листе лениво паслись свободные, сытые буквы. Свой смысл они проглотили, пережевав, и только нудное блеяние фоном досталось чтецу. Где теперь смысл, глубокий и неподдельный, кто вернёт его назад? Возможно ли это сейчас, когда потёртые сиденья

выглядят так странно, пенсионеры орут, а взгляд кондуктора назойливо липнет к затылку...

– Не могу, – Филипп вернул распечатку другу. – Голова не варит. Но мне кажется, смысла в этом нет. Куда торопиться? Может, Вениамин ещё согласится на интервью. Вот тогда и напишешь настоящую историю...

– Я хочу исправить ошибку.

– Исправь её молчанием, Ник.

– Полная чушь!

– Почему ты непременно хочешь действовать? Иногда лучше не делать ничего...

Понимаешь?

– Принцип недеяния! – с усмешкой закивал Никита. – Как тут не понять? Когда рядом сидит Фил – лучшая к нему иллюстрация. Нет работы, нет девушки, нет дома... Хер с ним, думаешь ты, не будем вмешиваться в ход вещей. Будем просто жить дальше. Но дальше – больше... Попал под автобус, бросил универ, валяешься в кровати с утра до вечера. Не можешь осилить даже коротенькой статейки. Твоя реакция: ну и ладно! Пусть всё идёт своим чередом и, может быть, лет через сто само поменяется к лучшему. А я пока буду жить в своих снах. Господи, позволь мне спать и никогда не проснуться...

– Вообще-то я сказал, что собираюсь к врачу, – улыбнулся Филипп.

– Вот это новость! Поздравляю, Фил! Ты это сказал! Отлично... А теперь сделай.

– На днях запишусь.

– Ну-ну...

В баре было душно и тесно. Концерт несостоявшихся самоубийц вызвал неожиданный ажиотаж. Музыканты настраивали инструменты на небольшой сцене в центре зала. Все столики были заняты. Протиснувшись к стойке, друзья заказали пива. Но где-то на середине концерта Филипп почувствовал, что задохнётся, если сейчас же не выйдет на улицу. Музыка ему не нравилась. Барная стойка упиралась в позвоночник. Никита невозмутимо пил пиво, повернувшись к толпе широкой спиной.

– Я ухожу!

– Уже?

Филипп долго продирался к выходу сквозь подвижную человеческую массу. Кто-то наступил ему на ногу, больно прищемив мизинец, ещё кто-то – толкнул плечом и плеснул на рубашку что-то липкое и ледяное. Голова закружилась.

Оказавшись на улице, он закурил и быстро пошёл прочь. Окрестный пейзаж напоминал скорее сон, чем явь, но Филипп списал это ощущение на последствия кружки пива. Горизонт подрагивал. Точка схода колебалась на нём, как поплавков на воде. От громкой музыки ещё звенело в ушах. Звуки искажались, сопровождаемые назойливым шумом...

Он лёг в постель, не почистив зубы. Но среди ночи проснулся от грохота.

– Это соседский мальчик, – объяснила мать, выглянув из спальни. – По ночам он играет камнями.

Пытаясь выбраться в явь, Филипп накрылся с головой одеялом.

Было утро, когда он проснулся в следующий раз. Полная тишина. Неохотно встав, он выскреб в турку остатки кофе. Нестерпимо хотелось спать. Некрепкий напиток ни капельки его не взбудрил. День оставался безымянным: ни даты, ни времени. Где-то под подушкой зазвонил мобильник.

– Да, пап, – он крепко прижал трубку к уху.

– Можно с тобой поговорить, сынок? Мать волнуется...

Филипп отшвырнул телефон и вышел из квартиры в тапочках на босу ногу. Медленно, цепляясь за перила и шаркая, поднялся на чердак, а оттуда, по металлической лестнице – на крышу дома. Ноги были тяжёлыми и непослушными. В лицо хлынул ветер, солёный и влажный, словно летящий с моря. Над помойкой кричали чайки. Страха не

было. Филипп подступил к краю, лёг животом на парапет и, перевалившись через него, упал.

Очнулся опять в кровати. Как он ненавидел её! Эти нестиранные, посеревшие простыни, тёплую наволочку, просевший матрас, смятый пододеяльник, похожий на бесформенный мешок... Снаружи щебетали воробьи. В открытую форточку задувал тихий ветер, и колыхалась занавеска. Филипп подумал: «Весна». Но оказалось, осень. Усевшись за стол, на этот раз уверенный в действительном пробуждении, он по привычке взглянул в окно и тут же вскочил в испуге. На одной из веток засохшей ивы зеленели свежие листья.

Филипп задёрнул шторы и внушил себе мысль, что никаких листьев не видел. Разогрев завтрак, он неторопливо поел, прибрался в комнате, протёр мебель мокрой тряпкой. Но ближе к вечеру не удержался и снова посмотрел в окно. На мёртвой иве по-прежнему росла зелёная ветвь. Прищурившись, он взгляделся внимательней.

Мёртвая?

Включив компьютер, Филипп обнаружил, что наступил воскресный вечер. То самое время, когда нужно собраться и выйти, чтобы добраться до Леонида к семи. Совпадения больше не удивляли. Он давно перестал доверять календарю и чему бы то ни было, но незаметно для себя оставлял реальности крошечный, неуловимый шанс быть явью. Чудом и правдой...

Возможность встретиться с Вениамином придавала ему сил. Филипп надеялся на помощь. Кто, если не Вениамин, подскажет, что делать? Нужно пойти на встречу, даже если это сон. Но прежде всего – разобраться, наконец, с проклятой зелёной веткой.

Решительно хлопнув дверью, он вышел из дома и направился в соседний двор, вновь и вновь спрашивая себя, есть ли хоть малейший шанс, что это не сон, и мёртвая ива в самом деле ожила среди осени?

Шансов не было. Но он продолжал искать хоть малейший...

25

Коридор казался бесконечным, и потолок в нём становился всё ниже. В конце концов я упёрся в него макушкой. Продолжить путь можно было только на четвереньках. Я повернул назад, но по стенам побежали трещины. Пол задрожал и распался на обломки. На ближайшем из них неожиданно появился Лев. Заметив меня, он зарычал и приготовился к прыжку. Темнота между нами стала шире. Прыгнув, лёс провалился в неё и исчез. Раздался оглушительный стук. Огромный кусок стены летел прямо на меня... Я не успел увернуться, и сон закончился.

Стук доносился с кухни, но был значительно тише, чем во сне – папа готовил отбивные. Когда я пришёл, у него в руке был маленький блестящий молоток. По разделочной доске распласталось розовое мясо.

– Что с тобой? – спросил папа. Наверное, я выглядел напуганным.

– Видел кошмар. Знал, что сплю, но ничего не мог поделать...

– Это не трудно. Если сон пугает, просто разрушь его. Увидишь чудовище – представь, что оно из пенопласта, и оторви ему голову. Сны – всего лишь фантазия, оставленная без присмотра.

Я ушёл к себе и в бессилии повалился на постель. Папины слова продолжали звучать у меня в голове. Вдруг он прав, и не существует ни «второй жизни», «Союза живых вдвойне», ни Филиппа? Почему я не оторвал ему голову сразу, как только мы встретились?

Чтобы не думать об этом, я решил немного почитать словари и, подойдя к столу, наугад выдернул из стопки тетрадь. В ней оказались слова на «Б». «Бесконечность» была

первым, что попало мне на глаза: «Бесконечность – это отсутствие края. Есть бесконечность настоящая и ненастоящая...»

Я почувствовал, что нашёл ответ, даже не дочитав определение. Есть сны настоящие и ненастоящие, так же как бесконечность. Если мне приснится что-то настоящее, я не смогу это разрушить.

В ту же ночь я решил попробовать и, уснув, оказался в пустой комнате без дверей и окон.

– Пчела! – громко сказал я. И пчела, вылетев из белой стены, села в мою ладонь. У меня впервые получилось создать что-то так быстро. Я решил оторвать пчеле крылья и сжал её тельце между пальцев. – Если она не настоящая, пусть превратится в косточку сливы.

Пчела завертелась у меня в кулаке и ужалила. Я вскрикнул от боли. В ладони осталась чёрная колючка – жало. Насекомое оказалось настоящим. И сомнения, которые мучили меня наяву, во сне мгновенно исчезли.

Я вспомнил, что должен помочь Филиппу меня найти. Создать какую-нибудь подсказку – что-то такое, чего я никогда не видел. Это казалось невозможным. Но, если Филипп прав, ответ на вопрос отыщется сам собой.

– Где я живу? – спросил я, глядя в белую пустоту. – Как найти меня наяву?

Три гигантских здания, испещрённых окнами, выросли передо мной несколько секунд спустя. Под ногами лежала плотная, утрамбованная земля, покрытая редкой травкой. Две собаки, точь-в-точь похожие на Льва, спали в песке, огороженном четырьмя деревянными досками. Филипп стоял рядом с маленьким деревцем, привязанным к колышку.

– Что я здесь делаю? – пробормотал он и пнул мелкий камушек.

– Я ждал тебя.

– Ты? – Филипп обернулся и подошёл ближе.

– Решил проверить, как работает твоё следствие.

– Какое?

– Про вопросы, создающие ответы. Я пытался создать сон-подсказку. Но получилось что-то странное... Где мы?

– Понятия не имею, – Филипп ещё раз осмотрелся. – Здесь ничего особенного. Самые обыкновенные дома. Только тот, что с трещиной, бросается в глаза.

– В этих домах живут люди?

– Ты вообще с какой планеты?

– Пойми, я не бываю снаружи. Я создаю мир. Но увидеть его сквозь стены нельзя. Папа говорил, в конце они исчезнут...

– И как же ты создаешь мир? – Филипп улыбнулся. Он мне не верил.

– Как Птах, – робко объяснил я и, снова зажмурившись, начал осторожно называть вещи по именам. – Красное облако, белая лошадь, Луна, снег, пчёлы, олень с серебряными рогами...

Когда я открыл глаза, олень и лошадь уже вышли из красного облака. В воздухе порхали снежинки и пчёлы. Над домом повисла розовая Луна. Я часто пытался представить себе слова, которые записывал в словари, но никогда бы не подумал, что они настолько красивые. От радости и восхищения у меня перехватило дыхание.

– Ледяные цветы, ива, бесконечность, люди, канделябр, ракушки, свеча и спички...

– Хватит, стой! – попросил Филипп откуда-то издалека, но я уже не мог остановиться.

Рядом проросло дерево. Его ствол становился всё толще – пришлось отойти в сторону. У меня в руках появились цветы, покрытые льдом, с колючими холодными стеблями. Из облака выходили люди, которых я не знал.

Мой голос продолжал произносить какие-то слова. Они вылетали изо рта без моего участия. Некоторые были мне не знакомы. Вещи начали сталкиваться, клубиться,

растягиваться и сжиматься, перетекать друг в друга. Последним, что я увидел, был канделябр. Свечи горели на серебряных рогах оленя, но самого оленя уже не было. Всё смешалось и разошлось в разноцветный пар.

26

Света стремительно прошла по квартире. Щёлк, щёлк, щёлк – протрещали выключатели, и голые лампы вспыхнули жёлтым светом. Поставив телефон на зарядку, девушка села на кухонный табурет и закрыла глаза.

С детства она не испытывала такого щемящего одиночества! В последний раз, помнится, оно явилось среди лета. Дни были быстрые, зелёные: выбежишь во двор, и тут же по колено в густой траве. Тополиный пух оседал на клумбы и тротуары. Подружки разъехались по дачам. А отец, где был отец? Девятилетняя Света сидела на диване и, уставившись в экран выключенного телевизора, отчётливо видела каждую пылинку. Комната была страшно пуста. Пустота сочилась внутрь, словно парализующий яд. Сердце сжималось, стиснутое тишиной.

Теперь она чувствовала то же самое. Хотелось убежать. Но Света продолжала сидеть на табурете, крепко сжимая в кулаке потеплевшую связку ключей. Что-то не давало ей пошевелиться.

Немного погодя зазвонил, вибрируя, телефон. Помедлив, девушка приложила трубку к уху и глубоко вздохнула, словно собиралась нырнуть под воду. Голос Гриши донёсся откуда-то издалека:

– Любимая, куда ты пропала? Всё в порядке?

– Не знаю, – ответила Света. Она хотела сказать, что сидит на этом жёстком, неудобном для долгого сидения табурете, нарочно для того, чтобы узнать хоть что-нибудь. Но язык ворочался с трудом. Мысль сопротивлялась, приказывая: молчи.

– Что ещё за «не знаю»? Да ещё таким загробным голосом! Рассказывай, что случилось.

Вновь закрыв глаза, она представила его лицо: вытянутый овал, мягкая, совсем не колючая щетина, тёплый карий взгляд и маленькие уши, которые никогда не краснеют. Она попыталась объяснить:

– Много всего. Ваня, например, забыл сказать «доброе утро». Марина забыла о гостях, отец забыл, что окно – это не дверь, Галина – собственную жизнь. О чём забыла я? Вопрос... Этот город – как будто не настоящий. Пусто, тихо... Оказывается – я поняла это только здесь! – всё держится на ощущении чего-то настоящего. Утратишь его – и всё, конец...

– Малышка, что ты несёшь? – добродушно остановил её Гриша.

– Вчера папа сравнивал мир с зеркальным морем. Очевидность – это поверхность воды. Есть люди, которые уверены: кроме этой поверхности, в мире ничего нет. Они не правы. Настоящее – как раз остальное. Глубина, до которой надо добраться. Но море всё отражает. Поэтому многие обманываются. Всю жизнь они глядят в зеркала, вместо того чтобы сквозь них пройти. Я много думала...

– Понятно. Море, поверхность, зеркало... Тебе надо вернуться. Похоже, там все не в своём уме. Я это, конечно, сразу понял, но за тебя не волновался. А теперь ты, похоже, начинаешь сходить с ума вместе с ними. Поэтому хватит. Завтра приеду и заберу тебя оттуда.

– Я никуда не поеду.

Света завершила звонок, не попрощавшись. Она не собиралась уезжать. Слова отца всплывали в памяти, усугубляя одиночество и какую-то необъяснимую обиду – не на него, на жизнь. Руки в лунном свете, любовь, зеркальное море... Почему она никогда не чувствовала ничего подобного «содроганию планет»? Почему всё было просто и ясно, без

потрясений, без невыносимого восторга, о котором не раз говорил отец, но она не понимала? Нет, уезжать нельзя. Света решила, что останется до тех пор, пока не разобьёт зеркала в себе самой.

Собравшись с силами, она направилась в прихожую и заперла дверь на нижний замок, открыть который можно было только ключом. Словно во сне, не чувствуя под ногами пола, вышла на ветреный балкон и вытянув руку, разжала кулак. Связка ключей тихо звякнула, шлёпнувшись на узкую полоску асфальта между стеной и газоном.

Света вернулась в кухню и села на прежнее место.

27

Ваня долго блуждал по бездорожью. Даже ускорив шаг, он не мог отделаться от ощущения, что стоит на месте. А березы и редкие сосны, столбы без фонарей и колючие кусты – всё катится мимо, прямо в пасть темноты. Эта пасть раскрыта повсюду. Только протяни руку – коснешься тёплых зубов. Челюсти захлопнутся на тебе, на сосне, на берёзе, на каждом, кто жив – как захлопнулись на ребёнке, которого никто уже не научит строить домики на деревьях.

Замедлив шаг, мужчина огляделся. Небольшое поле заросло ивняком с трёх сторон. Чуть поодаль, за полосой кустарника чернел силуэт заброшенной церкви. Кресты накренились, над закомарами выросли берёзки. Ваня на минуту вошёл внутрь, протиснувшись сквозь кусты. В церкви было темно и тихо. Так пусто, словно никакого Бога нет.

Он побрёл прочь. Добравшись до трассы, двинулся в сторону дома. Город стоял на месте, притихший, ночной, и стёкла не вылетали из рам, и не падали стены. На всякий случай Ваня старался смотреть только под ноги.

Поднял глаза уже во дворе. Но войти в дом не смог. Просто лечь спать? В алгоритме произошла ошибка, исправить которую нельзя. Он чувствовал необходимость продолжить движение и, потоптавшись на месте, направился в соседний двор. Туда, где в хлипком гараже со скатной крышей стояла, давно не тревожимая, его чёрная «Хонда».

Когда-то он заводил её каждое утро, чтобы поехать на работу, а летними вечерами – с Мариной за город. Всякий раз они умудрялись отыскать какое-нибудь новое место, где нет ни смерти, ни времени: песчаный овраг в сосновом бору, бревенчатую лавку у реки, широкий луг, где цвели гвоздики и ржавел заброшенный трактор, необъятный дуб на холме, изумрудные деревья, льнущие к горизонту... Солнце грело тогда, не обжигая, и как будто вовсе не падало за горизонт – не пряталось ни в тучу, ни в темень.

В салоне пахло бензином. Ваня повернул ключ зажигания и выехал из гаража задним ходом. Держаться за руль было непривычно. «Ведь был же тот день, когда было ещё не поздно!» – подумал, запирая гараж. Он помнил, как Марина начала ускользать. Тело было послушно, но душа уплывала. Он спрашивал, в чём дело. «Всё в порядке», – отвечала жена. И в конце концов Ваня перестал спрашивать.

Вечером она встречала его с работы и целовала в уголки губ двумя быстрыми поцелуями. Ужинали молча. Раз в неделю занимались сексом в течение получаса, после чего Марина шла в душ, а Ваня заново заводил будильник, увеличивая время сна ровно на полчаса.

Марина стала частью алгоритма и добровольно исполняла всё, что от неё требовалось. Ваня не заметил, как перестал ждать большего. Только теперь, разогнавшись на пустой автотрассе, он вспомнил. Как-то зимой, остановившись на обочине, они занимались любовью в этой самой машине. Стоял тридцатиградусный мороз. Любый алгоритм оба тогда сочли бы мертвечиной. Позже, уже по весне поехали с матерью на дачу, но, передумав, запросто свернули в другой город и гуляли там допоздна. Бродили по набережной, где бородатый музыкант играл на аккордеоне, а Галина подпевала в полный

голос, узнав песню, которую любила в молодости. В парке развлечений Ваня усадил мать с Мариной на колесо обозрения, а сам почему-то остался на земле и только махал иногда рукой, глядя, как они плавно двигаются по окружности, то приближаясь, то удаляясь снова...

Всего лишь три года назад. Но ему казалось, что с тех пор прошли сотни, тысячи лет, и за это время он успел тысячу раз умереть и родиться, вновь и вновь преодолевая долгий путь от младенчества к старости.

Выехав за черту города, Ваня нёсся сквозь окрестную темноту, высвечивая фарами чёрно-белые ограждения, дорожные знаки, указатели, на которые не обращал внимания. Он нёсся сквозь свою жизнь, которая столько раз могла оборваться, но всё-таки продолжалась, хранимая каким-то чудом. Однажды в лесу изъеденная древоточцами сосна упала в полуметре от него, зацепив лишь короткой веткой. Но чего ради с тех пор продолжалась жизнь? Он потерял ориентиры и ехал теперь в никуда. Извилистая трасса вела сквозь поля, перелески и рощи. Небольшие деревушки мелькали по обе стороны дороги, тёмные, словно нежилые. «В деревнях ложатся рано...» – сонно подумал он.

Ночь становилась всё гуще, рощи стояли как чёрные стены. Хлопая крыльями, с дороги взлетали совы. На секунду прикрыв глаза, Ваня едва не съехал в кювет. Инстинкт самосохранения приказывал ему остановиться.

Свернув на какую-то узкую, шуршащую щебнем дорогу, мужчина послушно заглушил мотор.

28

Было уже за полночь, когда Марина поднялась с холодного матраса. Выбираться пришлось на ощупь: угли в костре давно истлели и погасли.

Она шла быстро, почти не замечая дороги. В окрестной темноте ей чудился силуэт мужа, который уходит прочь. Едва проступив, он тут же растворялся в ночи.

Дома ей померещилось, что Ваня лежит в постели, повернувшись лицом к окну – но спальня была пуста. На всякий случай девушка включила свет – и сразу же погасила снова. Ваня не любил выставлять напоказ свою боль и всегда уходил, стесняясь её обнаружить. Порой он пропадал по нескольку дней, а потом возвращался как ни в чём не бывало, словно выходил за хлебом...

Ну, а теперь-то – вернётся? Чтобы не думать об этом, Марина выпила три таблетки снотворного и, вытянувшись на краю кровати, спряталась во сне.

Софи приснилась ей под утро. Подруги сидели на песчаном пляже у самой кромки моря и смотрели вдаль, где не было горизонта. Сплошная лазурь. Вода утекала в небо, а небо – в воду. Волны двигались странно, словно в замедленной съемке. Набегая, они касались пальцев ног и оставляли на них невесомую пену. Марина достала из сумки яблоко, и Софи протянула руку:

– Это мне?

Они встретились глазами и почему-то засмеялись. Потом, глядя на воду, долго сидели молча.

– Я вообще-то не яблок поесть пришла, – наконец сообщила Софи, забросив огрызок далеко в море. – Хочу попросить тебя...

– О чём?

– Помоги Филу.

– Я не видела его три года.

– Скоро увидишь, – усмехнулась девушка. – Тебе ничего не нужно делать. Просто скажи ему...

– Скажу, скажу, – Марина улыбнулась и обняла её за плечи.

– Снова эти нежности... – проворчала та и на несколько секунд опустила голову на плечо подруги. – Мне ведь идти пора. А ты просыпайся. Чайник уже вскипел.

Софи вошла в море. Оказавшись по колени в воде, она нырнула и исчезла, превратившись в маленькую серебристую рыбку.

Проснувшись, Марина быстро оделась и, стоя перед зеркалом, прошла по волосам расчёской. Вани всё ещё не было. Зато лицо Софи стояло в памяти как живое. И была в нём какая-то прелесть, не принадлежащая вполне ни жизни, ни смерти. Красота умирающей рыбы, жемчужного блика, прозрачной волны...

С кухни доносились приглушенные звуки разговора. Сидя за столом, Галина и Станислав не спеша попивали чай.

Но удивительно было другое. Это *другое* заставило Марину остановиться на пороге кухни. Оно витало в воздухе и обволакивало предметы, напоминая прекрасную музыку, не доступную человеческому уху. В каждом взгляде и жесте, сопровождавшем чаепитие, сквозила глубокая, нездешняя успокоенность. Умиротворенная тишина. Над кружками поднимался пар с запахом мяты и земляники.

Галина улыбнулась, обернувшись к невестке:

– Входи, чего стоишь как истукан? Чайник только что вскипел.

Марина послушно вошла и взяла с полки кружку.

– Как самочувствие? – спросила у Станислава.

– Превосходно, – он осторожно налил чаю в белое блюдо с золотистой каймой. – Ты разве не видишь?

Девушка села за стол и немного смущенно взглянула на сидевших рядом. Она не могла отделаться от чувства нереальности происходящего, непоправимого контраста между своим смятением и этой умиротворенной тишиной.

Поддерживая блюдо с двух сторон, Станислав поднёс его ко рту и, слегка подув, сделал медленный глоток.

– Сахарку положи, – Галина пододвинула сахарницу поближе к Марине.

– Как там Света, не знаешь? – вдруг спросил мужчина. – Звонил ей только что, приглашал на завтрак. Сказала, хочет побыть одна. Голос вроде бодрый, даже маленько радостный. Спрашивала, справлюсь ли с перевязкой... Я, понятное дело, сказал, что справлюсь. Но...

– Думаю, всё в порядке, – предположила Марина, вспомнив вчерашнюю встречу со Светой, и вспомнила про время. – Мне на работу пора. А вы, может быть, сами спуститесь к ней и узнаете, в чём дело?

– Неудобно как-то... – Станислав провёл ладонью по лбу. – Столько хлопот из-за меня! Может, и не удивительно, что она хочет побыть одна.

– Что вы, это мелочи, – заверила его девушка и взглянула на свекровь внимательней. Её волосы были собраны в аккуратный пучок. В ушах поблескивали серьги, небольшие капельки янтаря в серебряных оправках. Вместо халата – трикотажное платье с пёстрым узором. Поймав её взгляд, Галина снова улыбнулась и дотронулась до серьги указательным пальцем:

– Красивые, а? Это Слава мне подарил, лет тридцать назад.

– Вы что же, вспомнили? – шёпотом спросила Марина, чувствуя, как по спине бегут мурашки. – Не верится.

– В том-то и дело. Никто не верил. Только он, – она взглянула на Станислава с благодарностью.

– А как тут поверишь? Вы же только один раз, на Рождество...

– Знаю, знаю...

Кто-то постучал по стеклу костяшками пальцев, и Ваня открыл глаза. Всю ночь он проспал без сновидений, откинувшись на спинку автомобильного сиденья.

В глаза ударил свет. Солнце светило с издевкой, словно назло. Впереди виднелось жёлтое поле, за ним – несколько бревенчатых изб и островки перелесков. Над полем кружил орлан. Какой-то мужчина глядел на него сквозь боковое стекло, немного мутное от пыли: густая борода с проседью, брови, похожие на клочья сухого мха, чуть раскосые голубые глаза. Ваня приоткрыл окно.

– Дрыхнешь, что ли? Я просто мимо шёл. Вдруг, думаю, помер...

– Спасибо, всё в порядке. Что это за место?

– Вот те раз! Деревня Чёрный враг. А ты куда ехал?

– Не знаю. Просто ехал.

– Ладно, бывай.

Ваня завёл мотор.

30

«Городская клиническая больница №5» – было написано на тяжёлой металлической двери, которая появилась из ниоткуда. Открыв её, я вошёл внутрь.

В холле, за стеклянной стенкой с небольшим отверстием-полукругом дремала седая женщина в круглых очках. Другая, в резиновых перчатках и шапочке, похожей на пакет с оборками, тёрла шваброй бетонную лестницу.

Я поднялся на второй этаж и оказался в коридоре, по обеим сторонам которого тянулись двери с цифрами на зелёных табличках. Я вошёл в комнату № 321. За широким столом, покрытым какими-то бумагами, мерно покачивал головой врач, одетый в белое. Сбоку от стола, на деревянном стуле сгорбился Филипп.

– ...Сплю всё больше и больше, – жаловался он. – Двенадцать часов в сутки – и это в лучшем случае. Пытаюсь наладить режим, но без толку.

Врач записывал что-то в толстой тетради с красным корешком. Я заглянул в неё, приблизившись. Оказалось, он просто водит ручкой по бумаге. Вместо букв получались размашистые каракули, как если бы все слова состояли только из буквы «о».

Он сказал Филиппу, что с его мозгом всё в порядке. По-моему, только в этот момент он догадался, что спит. Я схватил врача за волосы, и его голова легко оторвалась от тела. Туловище, набитое ватой и какими-то тряпками, продолжало сидеть на стуле. Я сказал Филиппу:

– Проснись.

Он смахнул со стола ворох жёлтых листов, которые тут же сгорели в воздухе.

– Тебе нужно проснуться! – повторил я.

И лампы лопнули, как пузыри мыльной пены. Брызги света разлетелись по комнате и погасли. Ножки стула, на котором сидел Филипп, подкосились – оказалось, они слеплены из серого пластилина...

Что-то холодное ткнулось мне в щёку, и я открыл глаза. Над моим лицом нависла мохнатая морда Льва.

На кухне я нашёл записку, приложенную магнитом к холодильнику: *«Ты спал слишком крепко – не добудись. До вечера! Папа».*

31

Прозрачный куб цветочной лавки, казалось, вбирал в себя свет. На листьях и лепестках блестели капли воды, оживлённые солнцем.

Сидя в кресле с очередной кружкой кофе, Марина пыталась взять себя в руки. Но радость и отчаяние, любовь и ненависть, смирение и бунт сосуществовали друг с другом и проявляли себя в полную мощь. Выбор между тем и другим был попросту невозможен. Все силы растрачивались на то, чтобы переживать это состояние – непрерывно, каждую секунду пропускать через себя вихрь.

Мысли закручивались в тугие, неподатливые узлы, которые разрывались сами собой, распадаясь на рябь мелочей. Освещённые огнём Ванины руки, подвижный блик на бутылке, темнота и ветер, снотворное, холодный стакан воды, танцующие пылинки в солнечной кухне, где мёртвое стало живым...

– У вас есть чёрные хризантемы? – быстро обшарив взглядом магазин, спросил юноша в драповом пальто. – А то я уже весь город обошёл...

– Насколько я знаю, их не существует в природе.

– Да не может этого быть! Моя девушка их любит.

– Значит, она любит цветы, которых не существует.

Парень ушел, ничего не купив, но разговор отдавался в голове эхом. Не существует, не существует...

Марина положила пальцы на виски.

Где теперь муж? Всё, чему хочется верить – иллюзия, чёрная хризантема. Время и так еле ползло, но теперь – хуже, теперь оно пронизывает душу, как тысячи прозрачных игл. Неторопливая экзекуция. Вот что значит открыться! Лучше бы молчать. Носить в себе тайну, как не рождённого сына. Но счастье, между тем, есть. Здесь и сейчас оно распускается из самой невыносимой боли.

32

Припарковавшись во дворе, Ваня вышел из машины на расстоянии нескольких часов езды от своей жизни – в небольшом городке, который прежде всегда объезжал по окружной. Деревянные дома соседствовали здесь с редкими высотками, руины – с торговыми центрами, и серость торжествовала вопреки солнечному свету.

Бесцельно обойдя ближайший квартал, Ваня вошёл в кафе. Зал пустовал, отделанный дёшево и безвкусно. На грязно-рыжих стенах засохли подтеки краски. Из колонок негромко пел Высоцкий. Пыльные искусственные цветы свисали из пластиковых вазонов – они не украсили бы даже могилу. Однако Ваня упрямо вошёл внутрь и, усевшись возле окна, открыл меню в засаленной обложке. На внешней стороне стекла засохли птичьи испражнения.

– Что для вас? – спросил заспанный официант.

– Яичницу с ветчиной и двойной эспрессо.

Человеческие тени сновали по узкому тротуару. Глядя сквозь них, Ваня видел поблекшие вывески на другой стороне улицы. Пекарня, продукты, ремонт обуви, – прочёл он, скользя по стене взглядом. – Ремонт обуви, продукты, пекарня...

Два пережаренных яйца с крошечными вкраплениями розовой ветчины смотрели на него своими выпученными желтками. Ваня расковырял их вилкой и ушёл, не дождавшись счёта.

Он хотел во всём разобраться. Но вместо этого читал надписи на вывесках и билбордах. Парикмахерская, мужской зал, женский зал, парфюмерия и косметика, супермаркет, всё для дома, живи здесь и сейчас, управление по делам миграции, будь в курсе событий, акция, акция, суперакция, скидки до пятидесяти процентов, мандарины, мясо на чахохбили, шаурма, гриль, кинотеатр октябрь, афиша, розы оптом, заходи к нам за кофе... Слова текли сквозь него бессмысленным потоком знаков. Незнакомые улицы ни о чём не напоминали. Здесь не было крыши детского сада, куда семилетний Ваня нечаянно забросил футбольный мяч, не было катка, где зимой играл в хоккей, не было школы,

которой отдал одиннадцать своих лет, не было парка, где ждал Марину, всегда приходя на встречу на несколько минут раньше. В этом городе не было ничего и тем самым было всё, чтобы забыть себя.

Поэтому, оказавшись в переулке без единой вывески, он легко представил себя другим, идеальным человеком, которого зовут не Ваня, а, скажем, Глеб Борисович. Успешный предприниматель, несколько лет назад он открыл сеть магазинов спортивной одежды, чем обеспечил себе финансовую независимость. Сейчас он идёт домой. Там ждёт его жена, двое чудесных детей и толстый персидский кот. Он вполне доволен своей жизнью, этот Глеб Борисович. Его никогда не мучает бессонница. Каждый день, опустив голову на подушку, он засыпает в течение пяти минут. И уж конечно такая элементарная процедура как чистка зубов никогда не была для него проблемой. Он чистит зубы два раза в день и раз в полгода посещает стоматолога...

Жизнь Глеба Борисовича ежесекундно обрастала новыми подробностями. Ваня продолжал бы ещё долго, но был вынужден остановиться посреди двора, который неожиданно показался ему знакомым. У детской площадки росла лиственница, и грач сидел на её тонкой ветке. Его перья отливали синевой в солнечном свете.

Осмотревшись по сторонам, Ваня увидел на парковке свою чёрную «Хонду».

– Нет, я не Глеб Борисович, – подойдя к машине, с сожалением признал он.

33

За неимением чайника Света вскипятила воду в кастрюле. Но, бросив в кружку заварочный пакетик, забыла о ней и вернулась в комнату. В квартире сверху громко хныкал ребёнок.

Забравшись на диван, девушка зажмурилась и вжала голову в колени.

– Как люди выносят одиночество и бездействие?

Она была из тех, кто не выносит ни того, ни другого. Внешне бездействуя, такие люди падают всё глубже внутрь себя, и то, что они там находят, либо спасает, либо убивает их. Ум дает начало рассуждению. Память высвечивает нетленные образы, герметично запечатанные в прошлом как раз на такой случай, фантазия рождает новых людей и создает из пустоты других, невиданных существ, помогая каждому найти искомый икс, будь то человек или бог, или забавный зверёк, который сидит в углу и смотрит на тебя дрожащими полупрозрачными глазками.

Света не заметила, как исчезла из комнаты. Дыхание, поначалу казавшееся громким и тяжёлым, вскоре стало таким же бесшумным, как ток кровообращения.

Воспоминания были похожи на сны. Она видела их, но своими не чувствовала. Вот асфальт, по которому ползают муравьи. Светины пальцы крепко сжимают мел и старательно, с нажимом выводят на тротуаре буквы. По тротуару идёт отец. В его руках воздушный шар в форме сердца, а за спиной – туча. Она распускается в небе, как цветок, не имеющий сердцевины. Наплывая из-за отцовского плеча, лепестки стремительно меняют очертания. Всё ближе и ближе... Молния вспыхивает, как огромное дерево. Что-то громко рушится наверху, и Света закрывает голову руками. «Не бойся, камни не посыплются! – смеясь, уверяет её отец и суёт ей в руку воздушное сердце. – Побежали, сейчас ливанёт!» Взявшись за руки, они несутся через двор. Сердце рвётся прочь, но Света крепко сжимает в кулачке верёвку. У самого подъезда их накрывает тёплым дождём. Остановившись, девочка ловит ртом капли. «Идём!» – отец тянет её за руку, но не настаивает, и в конце концов тоже задирает голову. «Папа, а дождь что, с сахаром?» – спрашивает Света. Вода кажется ей сладкой. «Ты ещё тучу не пробовала!»

Хвойный лес обступает со всех сторон. Походный рюкзак позвякивает кружками. Привычной тропой они идут мимо высокого муравейника, заросшего ряской пруда, вода в котором чернее земли, мимо птичьих кормушек и пня, покрытого мхом. «Папа, смотри!

На сосне выросла груша!» – вдруг замечает Света и бежит вперёд. «Не может быть! – удивляется Станислав. – Хочешь попробовать?» Несколько лет спустя школьный учитель рассказал Свете, что на сосне не может вырасти груша, сославшись на учебник природоведения. Она поверила ему, и с тех пор чудо уже не могло случиться.

Снова зазвонил телефон, но девушка не сдвинулась с места. Разве могла она встать с дивана, если никакого дивана нет, как нет и тела, которое на нём лежит? Зато есть сосны и ели, дождь сладок на вкус, и туча не увядает... Кто-то позвонил ещё раз. Потом постучали в дверь, но Света не встала на стук. Только повернувшийся в замке ключ заставил её вздрогнуть и открыть глаза. Несколько секунд спустя Гриша появился на пороге комнаты. И Света спросила:

– Что ты здесь делаешь?

– Решил приехать пораньше. Уж очень мне не понравился твой вчерашний голос. Ключи наверху добыл. Галина нашла запасные. Пойдём, а то отец твой волнуется...

– Но я... – она не знала, что сказать. Гриша взял её за руки и обнял, подняв с дивана.

– Ну, и зачем ты тут закрылась?

– Я хотела измениться. Это всё отец... Представляешь, он помнит, как двадцать пять лет назад, или даже больше, видел руки Галины в лунном свете.

– И что? Разве эти руки и этот лунный свет сделали его счастливым?

– Счастье – не главное.

– А что главное? Любовь, что ли? Малышка, ты ведь и сама знаешь. Когда любят, не исчезают на двадцать пять лет. Все эти годы у него не было ничего, кроме тебя и каких-то там рук в лунном свете.

– Но теперь-то...

– Не поздновато? Ладно, лучше поздно... Но мы-то молоды! И я хочу сделать тебя счастливой не когда-нибудь, а прямо сейчас.

– Я выбросила ключи в окно.

– Отлично! Пойдём посмотрим – может, ещё лежат... Хотя нет, постой-ка.

Он вытянул перед собой руки.

– Смотри и запоминай! – лицо Гриши приняло выражение серьёзной торжественности. На широких ладонях проступал замысловатый рисунок из линий. – Лет через тридцать будешь рассказывать. Мои руки, конечно, не в лунном свете... Но солнечный ведь тоже сойдёт?

34

Растерев между ладонями каплю масла, Галина начала месить тесто. Сидя на табурете, Станислав наблюдал, как оно движется под её пальцами.

– Ватрушки у тебя всегда получались вкусные! – вспомнил он. – Ты правда не против, чтобы я...

– Я ведь уже сказала, Слава. Оставайся, если хочешь.

Закончив месить, она помыла руки и накрыла блюдо вафельным полотенцем.

– Пару часов – и подойдёт. А мы пока... Ты не подвинешь табурет к батарее?

– Послушай, Галя, – выполнив её просьбу, Станислав снова сел за стол. – Я приехал, потому что больше ехать некуда. Не знаю, как так вышло... Из всех людей, которых я встретил в этой жизни, осталась только ты. Это чудо, что ты вспомнила. Да ещё и сказала, что я могу... Невероятное чудо. Я знаю – не заслуживаю. Это по моей вине...

– Не драматизируй, – остановила его Галина. И Станислав усмехнулся:

– Только вчера ты, кажется, говорила, что драматизма тебе всегда не доставало.

– Серьёзно? – она рассмеялась.

– Серьёзней некуда. Но я ничего не знаю о твоей жизни...

– Может, ещё чайку? С вишнёвым вареньем, – Станислав кивнул, и она продолжила: – Я долго жила одна. Вышла замуж почти в сорок. Саша, мой муж, был чем-то похож на тебя. Жизнь давалась ему тяжело. Какое-то время я работала декоратором в театре. Все друзья были артисты – так Саша их на дух не переносил! Да и вообще к людям был холоден. Хотел уехать в деревню. Но я была против: суету любила... И Ване, думалось, в городе лучше. Деревенская школа – что за образование? Так и жили... А пять лет назад Саша ушёл в монастырь. Давно было пора. Я вышла на пенсию. Надоело... Работа, дом, жизнь по расписанию. Думала, теперь стану рисовать, прочитаю всю мужнину библиотеку... Но что-то пошло не так. До сих пор не пойму, что. Наверное, суета была мне необходима. Без неё я перестала быть собой и оказалась как будто в другой реальности. Там нет никакой старости, никакого времени, и есть множество жизней, каждая из которых – моя. Только благодаря тебе я вернулась. Но, может быть, это возвращение – не окончательное... Нам обоим нужна помощь. Поэтому и говорю: оставайся. Вряд ли я смогу полюбить кого-то ещё. А тебя, наверное, будет не трудно.

– И это всё? Расскажи что-нибудь ещё, пожалуйста.

– Нет уж, теперь ты рассказывай!

Тесто медленно поднималось, и разговор был таким же неторопливым, как тесто.

Галина замесила сладкий творог для ватрушки, помыла посуду, до блеска начистила плиту и полила амариллис, растущий на кухонном подоконнике.

Убедившись, что тесто подошло, она посыпала стол мукой, достала скалку и противень.

– Пора готовить ужин. Но ты сиди, отдыхай. Попозже перевяжу тебе голову.

– Ты знаешь, Галочка, я с самого утра чувствую себя совершенно здоровым. А Светка говорила – сотрясение мозга... Ерунда! Сотрясение чувств было сильнее. Зато сейчас кажется, что в груди – новое сердце, а в голове – новый мозг, ничуть не сотрясённый. Так что, поверь, я вполне способен почистить картошку.

К семи всё было готово. Стол отодвинули от стены и накрыли чистой скатертью. Из гостиной принесли два недостающих стула. Света с Гришей пришли в семь и помогли накрыть на стол.

– Обычно Ваня возвращается раньше, – взглянув на часы, заметила Галина.

35

Марина ждала, сама не зная, чего. Вот она, казалось, – точка выбора, из которой расходятся бесчисленные варианты судеб; точка, где всё зависит от всех. Что-то непременно должно случиться. Но ждать этого «чего-то» было невыносимо.

Чтобы сделать хоть что-нибудь, Марина прибралась на рабочем месте. Помыла кружку, смахнула в урну несколько засохших лепестков, убрала каталоги в ящик стола и в ворохе бумаг обнаружила газетный лист, прочитанный накануне. Вновь пробежав глазами полосу, прочла: «Встречи с целителем проходят каждое воскресенье в 19:00 по адресу: улица Космонавтов, 22». И против своей воли посмотрела на время.

Чтобы попасть к Вениамину к семи, достаточно уйти с работы через десять минут. Но зачем? И что, если это всего лишь очередной розыгрыш Никиты? Только описание темноты как болезни было подкупающим. Марина давно смирилась с тем, что её темнота не вписывается ни в один диагноз. Нельзя было назвать её ни «меланхолией», ни «комплексом вины», ни «депрессией», ни «биполярным расстройством». Темнота – это темнота. Но, с другой стороны, в заметке и не было никакой конкретики. Больные темнотой теряют связь с мирозданием – вот что сказано там, и ничего более...

Тем не менее девушка достала из сумочки зеркальце и тушь для ресниц. Волнение нарастало. Любое, даже самое элементарное действие почему-то казалось ей решающим

чью-то судьбу. Рука дрогнула, и щётка соскользнула на веко. Время, только что слишком медленное, помчалось с бешеной скоростью.

Ровно в шесть Марина встала с кресла, надела пальто и повесила на плечо сумку. По дороге на остановку она попыталась составить план хотя бы на ближайшие пять минут. Нужно было решить, куда ехать – домой или к Вениамину. Но даже это оказалось трудным. Она чувствовала угнетающую ответственность – не за себя – за весь непредсказуемый мир, который, казалось, может в одну секунду бесследно раствориться в Космосе, сделай она хоть один неверный шаг.

Так ничего и не решив, Марина села в первую подъехавшую маршрутку, не посмотрев на номер. Шансы попасть домой и на окраину города были приблизительно равны. Вцепившись в поручень, она смотрела в окно в ожидании решающего момента. Куда повернёт автобус?

– Барышня, вы платите собираетесь? – протиснувшись в заднюю часть салона, с недовольством спросила кондуктор. Её розовое лицо блестело. – Сказано же было...

– Извините, сейчас, – Марина отвлеклась, чтобы найти кошелек, а когда подняла глаза, автобус уже повернул к дому.

Всё. Больше не нужно принимать никаких решений. Выходя из маршрутки, Марина устало улыбнулась. Осталось только оставить позади парк, перейти дорогу, пересечь двор, открыть дверь, нажать на кнопку лифта... Всё это не пугало. Центральная аллея, узкий тротуар и проезжая часть невесомо пронеслись под ногами.

Но во дворе, едва завернув за угол, Марина почувствовала, как потяжелели шаги. Она посмотрела вниз, на свои ноги. Их движения были привычны и посредственны, но казалось, только мешали ходьбе. Она тащила их через двор, как два обломка скалы.

Кто-то курил, прислонившись к мёртвой иве, скрытый за её широким стволом. Поначалу Марина видела только зажжённую сигарету, плечо и руку, одетую в чёрное. Но пару секунд спустя фигура вышла из-за дерева.

Сердце сразу стало жёстким и колким, как раскрытая сосновая шишка. Медленно оно повернулось в грудной клетке, оцарапав что-то нежное и мягкое. Планета под ногами вздрогнула, двинулась с места, невозмутимо отворачиваясь от солнца, а тело стало прозрачным, сплошь изрешеченным отверстиями, сквозь которые мгновенно промчалась вечность, протаскивая за собой весь Космос и весь Хаос. Внутри каждой прозрачной поры звёзды вглядывались в темноту, как гигантские глазные яблоки, планеты бесшумно летели по орбитам, вращались бесчисленные галактики. Это длилось не более секунды, после чего сквозные отверстия исчезли, и сердце вновь стало верной, размеренно пульсирующей мышцей. Возле дерева стоял Филипп.

– Снова сон! – не утруждая себя приветствием, воскликнул он и с силой пнул по стволу.

– Фил, ты чего? – растерялась Марина.

– Какого чёрта ты здесь делаешь?

– Я?! Иду домой.

– И почему ты так смотришь? У меня что, нет лица?

– Я просто не ожидала. Мы не встречались три года. С тех пор, как...

– Сегодня утром я видел на иве зелёные листья. Сейчас проверил – ничего, слава богу. Показалось... И тут появляешься ты!

– Ничего не понимаю. Но сегодня мне снилось...

– Не говори мне о снах! – Филипп отступил на шаг.

– Хорошо.

Ей хотелось спросить напрямую: «Фил, чем я могу тебе помочь?» Но от этого разговор стал бы ещё нелепее. Она вздохнула, и вся тяжесть исчезла. Вместе с волнением, с радостью и отчаянием. На их месте осталась спокойная готовность к чему угодно. Софи была права. Может быть, и цыганка тоже. Встреча с Филом, может быть, не случайна. Возможность, подарок. Значит, домой идти нельзя. Нужно сказать ему...

– Вы ещё дружите с Ником? На прошлой неделе я наткнулась на его статью. Пишет там про какого-то «целителя»... Я сразу подумала, что розыгрыш. Но только что чуть не поехала к нему лечиться.

– Да ну? – улыбка на его лице исчезла, едва мелькнув. – Нет, не верю. Этого не может быть.

– Почему?

– Потому что я как раз собираюсь к Вениамину. Нас познакомил Ник...

– Поехали вместе?

– Нет, правда? – недоверчиво переспросил он. Голос Марины был подкупающе спокоен, не слишком громок и не слишком тих. – Прости. Наверное, я действительно не в себе...

– Пора. Уже полседьмого. Расскажешь по пути, как у тебя дела?

– Хорошо. Идём на остановку.

Перед тем как уйти, Марина взглянула на окна своего дома. В кухне и гостиной горел свет.

36

Медленно надавив на дверную ручку, Ваня вошёл в квартиру. Мать тут же выглянула в прихожую:

– Наконец-то! Мы уж не знали, что и думать...

– Марина дома?

– Ещё нет. У тебя всё в порядке? Лицо какое-то бледное...

– Всё нормально, – с трудом произнёс сын и взглянул в зеркало. – Лицо как лицо.

Он никому не расскажет, как за час до этого мчался по трассе, вырубивая на встречную полосу и представляя, как внезапная фура превращает его легковушку в бесформенный ком металла.

В очередной раз стремительно выехав из низины, Ваня успел разглядеть только лицо девочки, которая сидела на переднем сидении стареньких «Жигулей». Её тело, перечеркнутое ремнём безопасности, тонкую косичку светлых волос, приоткрытый рот, распахнутые глаза... Нужно было что-то предпринять, но он не успел.

Водитель «Жигулей» увернулся от столкновения, направив машину на пустую полосу. Девочка исчезла, и в наружном зеркале, как на экране монитора, Ваня увидел, что легковушка остановилась, плавно соскользнув в кювет. Сбавив скорость, он вернулся на свою полосу и остановился лишь несколько километров спустя. Справа от дороги тянулось кладбище. А мысли перестали быть словами и превратились в быстрые всплески смысла, подобные языкам огня.

Теперь, глядя в заросшее крестами поле, он знал, для чего родился, для чего его не раздавила сосна, для чего водитель «Жигулей» успел вовремя свернуть в кювет. Но не было слов, чтобы выразить это знание. Только звенящая тишина и желание вернуться домой.

– Ты идёшь? – вновь окликнула его мать.

– Сначала позвоню Марине.

37

Папа вернулся поздно.

– Подержи, пожалуйста, – попросил он и протянул мне бутылку вина, уже почти пустую. – Ты поел?

– Нет, я ждал тебя.

Он снял пальто и бросил его на пол. Снял шапку и ботинки.

– Почему ты такой несамостоятельный?

– Я просто не хотел есть один.

Мы пошли в кухню. Папа достал с полки бокал и сел за стол. Его лицо было неподвижным, как маска.

– Темнота, – сказал он без всякого выражения и налил себе вина. – Чем ярче свет, тем она темнее. Ты знал об этом?

– Не понимаю.

Я заглянул в холодильник, но сразу же его закрыл. Аппетит пропал. Хотелось скорее уснуть и встретиться с Филиппом, чтобы найти способ объединить сны и явь. По-другому папе не сможешь. Я решил уйти, но он остановил меня, взяв за локоть:

– Я видел свет только благодаря тебе, Лёва. Ты был моим смыслом и надеждой. Я верил... Понимаю, слишком много для одного мальчика. Но назад не повернуть.

– Знаю, пап! Осталось чуть-чуть, и стены исчезнут. Нужно только немного подождать.

– Подождать... – он отпил из бокала.

– Клянусь, это правда! У меня нет доказательств, но...

– Ты сам станешь доказательством, – от его взгляда у меня по ногам пробежали мурашки.

Лёжа в кровати, я слышал, как он громко передвигал что-то у себя в кабинете. Потом, в три часа ночи меня разбудил звук хлопнувшей двери. Послышались тяжёлые, медленные шаги. Что-то ударилось об стену. Лев вскочил, гавкнул и снова лёг на коврик. Шум прекратился, но я не мог уснуть и решил спросить у папы, что происходит.

Под дверью кабинета виднелась полоска света. Когда я постучал, свет погас. Папа открыл дверь:

– Прости, я не хотел тебя разбудить.

– Что ты делаешь?

– Ничего особенного. Всего лишь небольшую перестановку.

– Но ведь ночь...

– И что?

Папа больше не будил меня по утрам, а сам вставал поздно и всегда в разное время. Он объяснял это тем, что на работе изменился график. Но мне кажется, он вообще не ходил на работу.

Я больше не пытался придумывать себе сны. Много из того, что я видел, было невозможно представить заранее: Луну и Солнце, людей и деревья, небо и настоящую бесконечность. Мы с Филиппом часто встречались в том дворе, где стоял дом с трещиной, залатанной брусками металла. Филипп искал повсюду какие-то таблички или надписи, но их не было.

Несколько раз мы пытались войти в дом, но двери не поддавались. А когда нам всё же удалось их открыть, внутри всё оказалось серым, без очертаний, словно плотный дым. Я собирался туда шагнуть, но Филипп сказал:

– Не надо. Идём отсюда, – он отвернулся и пошёл, не дождавшись ответа.

– Почему?

– Я был там однажды. Думал, никогда уже не проснусь. Это куда опасней темноты. Ничто, в которое тебя затягивает со страшной силой. Поверь мне на слово...

– Давай вернёмся, – я потянул его за рукав. – Нужно попробовать. Мы всё тут облазили. Осталось только внутри...

– Даже не думай.

– Ну, пожалуйста! Может быть, тебе было трудно, потому что ты путаешь сон и явь. Но я-то...

– Нет.

Спорить я не стал. Но следующей ночью отправился туда один. Я был почти уверен, что Филипп ошибся, и пустота окажется хаосом, податливым, как пластилин. Мы столько дней ходили вокруг да около, но не нашли подсказок. Ответ наверняка прячется там...

Дверь легко распахнулась, когда я потянул за железную ручку. Внутри был всё тот же дым, неподвижный и густой.

Стоило мне шагнуть вперёд, как выход исчез. Пустота, как серая вода, устремилась в меня сквозь пробуравленное в груди отверстие. Что-то навалилось со всех сторон, и вся жизнь мгновенно продёрнулась сквозь мою память. Я видел мамину фотографию, видел, как папа обнимает меня за плечи, как Людмила листает книгу в красном переплёте, Мустафа достаёт из сумки свой стетоскоп, а Лев, виляя хвостом, подпрыгивает на месте... Потом всё пропало. Цвета побледнели, сквозь них проступила серость. Живые люди и вещи сжались в бесцветные пятна и больше мне не принадлежали. Они растаяли в пустоте, откуда нельзя вернуться. Прошла секунда, и я ничего уже не мог представить, даже складки на покрывале, даже собачьего носа. Никакой жизни больше не было. От неё осталась голая мысль: «Это – я». И ужас, выразить который нельзя. Я должен был вырваться, убежать, но не имел ни сил, ни ног. Я помнил, что будильник прозвенит в восемь, но знал и то, что не услышу сигнала. Слишком поздно, слишком далеко – звук не может сюда проникнуть. Даже закричав, я не услышу своего крика. Это будет крик того, другого меня, который лежит на кровати с закрытыми глазами и, кажется, мирно спит. Ничто не отнято у него. В комнате тепло, все вещи имеют цвет и форму, Лев лежит на коврике, уткнувшись носом в свой хвост, и папа скоро проснётся. Но я – не тот. Я, слившийся с пустотой, уже не вернусь обратно...

– Говорил же, не суйся туда, – прозвучал голос Филиппа. – В «Союзе» ещё нет человека, который мог бы выбраться оттуда сам.

Внезапно у меня вновь появилось тело. Сквозь закрытые веки я видел свет, который загорался и гас, как будто к моему лицу кто-то поднёс мигающую лампу. Филипп крепко сжал моё плечо:

– Посмотри на меня.

Я посмотрел. Бок о бок мы сидели на тёплой земле – на берегу пруда, в котором отражались облака, белые на голубом. Мелкая рябь бежала по воде, а впереди шелестел лес.

– Спасибо.

Филипп улыбнулся:

– За что? Не обижайся, но я бы не рискнул войти туда ещё раз. Мы бы завязли вместе, только и всего. Тебе помогла какая-то сила, на которой всё держится. Во всяком случае, я ничего не делал. Просто уснул и оказался здесь. Ты был почти прозрачный, и я сразу понял...

38

– Вот такая история, – попытожил Филипп, глядя в окно автобуса. По стеклу ползли капли, в каждой из которых смешивался свет фонарей, фар и светофоров.

Взявшись за поручень, рядом стояла Марина. За последние пятнадцать минут она не произнесла ни слова, только один раз прервала рассказ, чтобы ответить на звонок мужа. Филипп воспользовался паузой, чтобы привести в порядок мысли. Ещё никому он не открывал всю правду.

– Теперь мне тоже кажется, что всё это – сон, – сказала Марина, не секунду прислонившись лбом к стеклу.

– Не исключено, – усмехнулся Филипп.

– Никогда не видела тебя таким оживлённым. Ты вот говоришь, только и делаю, что сплю. А выглядишь так, как будто проснулся и от этого сошёл с ума.

– Советуешь сходить в психушку?

– Нет. К тому врачу, у которого был год назад. Не понимаю, почему ты до сих пор этого не сделал.

– То одно, то другое...

– Как же ты живёшь, Фил?

– Не знаю. Как-то живу.

Выйдя на конечной, они миновали несколько дворов и свернули в тишину частного сектора. Филипп курил одну сигарету за другой и, казалось, о чём-то напряженно думал. Марина не следила за дорогой. Попытки рассуждать, отыскать в происходящем хоть какую-нибудь логику ни к чему не приводили. Но она чувствовала, что находится на своём месте, и все слова, если они нужны, в определённый момент произнесут себя сами.

Они пришли к Леониду с опозданием в десять минут.

– Я рад, что мы встретились, – Филипп переступил с ноги на ногу на подтаявшем снегу и нажал на кнопку звонка.

Марина поднялась на крыльцо:

– Завтра ходим в больницу и разберёмся с твоей второй жизнью, – снежинки медленно порхали в свете фонаря и ложились на её волосы.

Дверь открылась.

– Я смотрю, у нас прибавление? Проходите, будем знакомиться, – Леонид посторонился, пропуская гостей, но продолжал смотреть в дверной проём. – А что журналист, решил последовать моему совету?

– Какому? – Филипп попытался припомнить рассказ Никиты. – А! Нет, просто на юг уехал. Сегодня вместо него Марина. Хочет с Вениамином познакомиться. Кстати, прочитала о нём в газете. Так что...

– Вениамина ещё нет, – сообщил Леонид и зашаркал тапками в сторону гостиной. – Но вы проходите, проходите... Нечего в крыльце стоять.

В комнате было накурено. Серёжа по обыкновению дымил на стуле. Старичок дремал, облокотившись на ручку кресла. Его волосы блестели под лампой, как одуванчиковый пух. Матвей негромко переговаривался с мужчиной в спортивном костюме. В углу сидели два незнакомца с профессорской внешностью: аккуратная стрижка, миниатюрные очки, высокий лоб. Леонид прислонился к стене и взглянул на часы.

– Налить тебе кофе? – шёпотом предложил Филипп и направился к столику.

Звук шагов утонул в мягком ковре. Устроившись на диване, Марина слышала своё дыхание, журчание кипятка и звон чайной ложки.

– Кажись, Веня не придёт, – Серёжа цокнул языком и взглянул на Леонида. – Чё там по времени?

– Двадцать пять минут.

– Может, звякнуть ему?

– Я пробовал – не дозвонился.

– Подождём ещё. Веня никогда не опаздывал.

Леонид согласно кивнул.

Четверть часа молчаливо ждали. Несколько раз мигнула, но не погасла планеталюстра. Филипп сделал себе вторую кружку кофе. Он был уверен, что Вениамин не появится, и искал ему оправдания. Заболел, встретил старого друга, не уследил за временем, чем-то увлёкся, забыл...

– Ну что, товарищи, – вновь взглянув на часы, Леонид прервал тишину. – Думаю, больше ждать смысла нет. Предлагаю разойтись.

– А может, вы, это, наберёте, когда всё прояснится? – поднявшись, неуверенно попросил Матвей. – А то тревожно как-то.

– Как только – так сразу, – успокоил его Леонид и взглянул на Филиппа, торопливо допивающего кофе. – Да вы не торопитесь, пейте спокойно...

– Мне тоже не по себе, – признался Серёжа, проводив взглядом уходящих.

Леонид опустил в кресло:

– Веня заходил на днях. Ничего толком не рассказал, но, как я понял, дела у него неважно. Если я исчезну, говорит, не ищи меня.

– Так чё ж ты молчал? Надо, значит, навеститься к нему...

– Он хочет побыть один. В контексте просьба звучала естественно.

– Так сейчас-то, бля, контекст другой!

– Я даже не знаю, где он живёт, – развёл руками Леонид. – Есть только старый адрес. Если до завтра не объявится, позвоню Людмиле. Это давняя подруга Вениамина, преподаёт у нас мифологию.

– А может, он на берегу? – осенило Филиппа. – Вениамин говорил мне, что за час до прихода к вам всегда идёт к водохранилищу. Есть одно место... Он там медитирует. Вдруг за временем не уследил?

– Не смейся! – усмехнувшись, откликнулся Серёжа. – В такую холодину? Тебе приснилось, видать.

– Нет, не приснилось, – огрызнулся Филипп.

– Уверен? Я бы на твоём месте...

– Спасибо, кофе у вас первоклассный, – Марина встала с дивана и поставила на стол пустую кружку.

– На здоровье, – кивнул Леонид. – Вы приходите, Веня будет рад...

Сорвав с крючка пальто, Филипп вышел первым и закурил, остановившись за калиткой. Марина появилась спустя минуту, повязывая шарф на ходу.

– Застегнись, – сказала она. – Выбежал как ошпаренный...

– Я и не думал сомневаться насчёт того вечера! – сетовал Филипп, послушно застёгивая пальто.

– Какого?

– Когда сидел с Вениамином на берегу. Серёжа спросил, уверен ли я. И теперь кажется, действительно... Было вроде, но как будто не со мной.

– Не заморачивайся...

– Нет, это важно! – настаивал Филипп. – Ты не торопишься? Может, дойдём до берега вместе? Это недалеко. Вениамин показывал мне на прошлой неделе... Что-то типа пляжа, два стула и палка для фонаря. Мне почему-то кажется, что он там. И если это место существует...

– Фил, – Марина тронула его за локоть. – Успокойся. Пойдём, если хочешь, я не спешу.

Выбросив окуроч, Филипп зашагал по дорожке.

– Ты, наверное, думаешь, я совсем двинулся. Но я просто устал. Это выматывает. Вечная неопределённость...

– Ты всё тот же, – ответила Марина, помолчав. – По-моему, болезнь только усугубила ситуацию. Сколько я тебя помню, ты всегда жил в полусне. Просыпался изредка, когда что-то срабатывало, как будильник. Человек, событие...

– Может быть, раньше так оно и было. Но теперь-то у меня куча планов! Я мог воплотить их все, если бы...

– Ты мог, но где-то ошибся. Поэтому ты в темноте. Разве не очевидно?

– Похоже, я ошибся, переходя дорогу. Это несправедливо.

– Несправедливо!? Мой опыт, конечно, невелик. Но кое-что со временем стало ясно. Если ты говоришь жизни «нет», она отвечает тем же. Я тоже многое могла. Но дело

вот в чём... Когда ты убиваешь человека, а сам остаёшься жить – получается уже не жизнь. Ты проживаешь его смерть день за днём. Вокруг полно возможностей, но ни одну из них ты не можешь использовать. Как будто ты был связан с жизнью множеством невидимых нитей, а потом все они разом оборвались. Это и есть, по-моему, проживание смерти.

– И кого же мы, по-твоему, убили?

– Мы можем убивать, не сознавая, как бы мимоходом. Сейчас, погоди...

Марина остановилась и расстегнула сумку. Редкие фонари частного сектора остались позади. Филипп молча ждал, поглядывая в сторону водохранилища. Осталось пройти небольшой пустырь. Отыскать тропинку, ведущую сквозь кустарник, если она вообще существует, и...

– Вот, нашла, – Марина достала из сумки плеер и размотала наушники, накрученные на тонкий серебристый корпус. – Слушай, Фил, вот это – действительно важно... Сколько нам ещё идти?

– Минут пятнадцать, а что?

– На, как раз успеешь... – девушка протянула ему плеер. – Ничего не переключай. Там десять коротких записей, которые будут воспроизводиться по порядку.

– Что это? – в замешательстве спросил Филипп, взглянув на небольшой квадрат экрана с синей подсветкой. Ничего не проясняющее название VR-001-1655 скользнуло бегущей строкой.

– Просто послушай.

– Прямо сейчас?

– Да. Пойдём. Вениамин наверняка уже превратился в ледышку, если он и вправду там.

Филипп узнал голос Софи, едва нажав на play.

– Десять, – сказал этот голос.

39

Десять.

Каждый вечер, чтобы уснуть, мне требуется часа три, не меньше. Я пробовала снотворное, считала числа и овец, повторяла про себя стихи и молитвы. Всё без толку. Но иногда, после нескольких часов лежания в постели мне представляется пустая комната, где нет ни дверей, ни окон. Только белые стены. Настолько белые, что хочется зажмуриться. Я сижу на полу. Смотреть в эту белизну немного больно, но если не выдержишь, ничего не выйдет. Я начинаю смотреть и жду. Что-то типа игры в гляделки. Скоро в стене появляется отверстие. Малюсенькое такое, как дырка в ухе, если вытащить серёжку. Потом оно расширяется. В комнату проникает чёрный луч и падает прямо на меня. Я подбираю под себя ноги, складываю руки на коленях, чтобы поместиться в луч целиком, а затем как бы растворяюсь в нём. Пока что это единственный способ заснуть.

Сейчас, кажется, полночь или около того. Я сижу на крыше той двенадцатизатжки, где мы зависали прошлым летом. Наши бутылки до сих пор тут, только надписи на этикетках выцвели.

Я веду обратный отсчёт, потому что думаю, так будет легче. Всё закончится, когда я остановлюсь.

Девять.

Мне нравилось наше понимание без слов. Ни с кем, кроме тебя, его не было, даже с Филом. Ты знаешь, я вообще не люблю трепаться. Но теперь – другое дело. Вчера я первой заговорила с продащицей в универсаме, а позавчера, после двух с половиной

литров пива, рассказывала таксисту о том, как меня не любили в детском саду. Короче, я решила, лучше моим слушателем будешь ты, а не кто-нибудь...

На плеере отвратительный диктофон. Наверняка мой голос звучит как железо по стеклу. Но писать от руки мне лень. Я выпила литр «Изабеллы» и сейчас догоняюсь пивом. Так что, может, буду немного путаться. Но это неважно, правда?

Восемь.

Фил не такой, как мы. Мне кажется, он совсем не любит людей. Взять хотя бы Лейлу. Он выдумал её от начала и до конца. До настоящей Лейлы ему дела нет. Так и любит свою выдумку. Хочет проснуться, но делает всё, чтобы этого никогда не случилось. Он несчастен. Его лицо скрыто болью, как маской, которую хочется содрать.

Помню нашу первую встречу. Я тогда простудилась на линейке, потому что забыла надеть куртку. «Хорошо хоть трусы не забыла!» – отчим угорал, когда я валялась с температурой. Трусы я забыла потом. Другая история... А тогда, первого сентября они с мамой были на даче, чью-то днюху отмечали. Обещали приехать на линейку, но, конечно, будильника не услышали. Я проснулась – дома никого, только букет, который бабуля привезла с огорода. Красные георгины, мать их. Сразу захотелось швырнуть в помойку. На линейке не удержалась, помнишь? Да, первое сентября... Я сразу поняла, что мы с тобой подружмся, вот и встала рядышком. Училка мне всё куртку совала: надень да надень... Я отказалась. Нарочно хотела заболеть. А потом Фил пришёл со своей мамкой. Я влюбилась, когда мы встретились глазами, хотя это больше смахивало на испуг. Как будто в груди взорвалась граната. Потом, не то чтобы он меня восхищал. Нет, я видела: парень как парень. Симпатичный вроде, и то не слишком. Просто мне вдруг стало ясно, что никто, кроме него, не сможет всё исправить. Вернуть ту радость, которая была, но куда-то исчезла... Меня связывает с ним не понимание, а необходимость.

Семь.

Некоторые считают, что любить просто. Но это потому, что они не сталкиваются с выбором – чьё счастье важнее? А в патовой ситуации чаще всего выбирают себя.

Я тоже заботилась о себе. Выйти замуж за Фила, состариться вместе с ним. Такая была мечта. Наверное, из-за сказок, которые бабуля когда-то читала мне перед сном. В сказках было много жути, но всегда – хэппи-энд. Ну, ты знаешь. Стали они жить-поживать... Это была мечта о смерти, а не о любви. В конечном счёте, я хотела, чтобы сказочка поскорее закончилась. Змей Горыныч побеждён, Кощей убит, королевство завоёвано. Всё, хватит! Ничего больше не случится. Будете жить-поживать – означает умрёте. Не в поединке с драконом, как могли бы, а где-то там, за границей слов. Где нажитое добро лежит как кучахлама.

В этом мы с Филом, пожалуй, похожи. Если бы он действительно любил свою Лейлу, то не стал бы исчезать из интернета и менять сим-карту. Он мог бы попытаться сблизиться или на крайняк послать её подальше. Шататься с нами по городу, спорить, пить на пляже, молчать – жить, короче! Но ему было впадлу. Он тоже хотел закончить сказку. Вычеркнуть всех персонажей к чёртовой бабушке. Фишка в том, что это не так-то просто. Обойдя дракона, нельзя добраться до хэппи-энда. Нужно победить его или уж сдохнуть по-честному. Фил не трус, просто любви в нём нет. Он не верит, что кто-то может его понять, и тем более осчастливить. А раз так, чего ради, собственно, размахивать мечом? Отсюда и принцип недеяния. Полная лажса.

Шесть.

Да, насчёт забытых трусов... Я лишилась девственности в четырнадцать лет. В этом деле мне помог парень по кличке Череп. Кучерявый блондин с огромным носом,

малиновым от загара. Волосы у него под мышками были длиннее, чем на голове, и всегда лоснились от пота. Ему тогда было двадцать четыре. А его тридцатилетняя «девушка» где-то в городе умирала от опухоли в мозгу. По крайней мере, свой беспробудный запой он объяснял именно этим. Череп был моим соседом по даче. Вроде я рассказывала тебе про этот двухэтажный сарай на той стороне водохранилища. Мы с предками ездили туда на лето. Мне хотелось как-нибудь взять тебя с собой, но я не могла. В городе продолжалась одна жизнь, на даче – другая. Соединить их друг с другом было невозможно.

В тот день завершила тридцатиградусная жара. Даже предки бросили свои грядки и смотались на пляж. В посёлке стояла тишь. Воздух над землёй дрожал. В собачью конуру, чтобы спрятаться от солнца, забрались чьи-то кошки. За мной парни заходили. Все как один – в плавках, с полотенцами на плечах. Звали купаться, но я отнекивалась... Ждала Черепу. Он выполз около полудня. Весь красный, помятый с похмелья. На нём были короткие парусиновые шорты, майка-алкоголичка и тёмные очки. Мы дошли до ларька. Купили две чекушки водки и засели в маленькой рожице на окраине посёлка. Когда первая бутылка кончилась, он повалил меня на землю.

Мы лежали на перекрёстке двух узких тропинок. Справа, в траве я заметила муравейник, похожий на маленькую пирамиду. Череп дышал тяжело, как запыхавшаяся собака. Он пытался расшевелить моё тело, а я смотрела на копошение муравьёв, гладила его липкую кожу и ждала. Хотелось кричать. Но я сделала усилие и направила крик как бы вовнутрь себя. В какой-то момент – зажмурилась. Попыталась представить, что рядом Фил. Но куда там! Череп лежал на мне, как огромный слизень. Вдобавок ко всему этот запах: пот и перегар. Закончив, он посмотрел на свой член и сказал: «Шлюха». Он, видно, ожидал, что я буду истекаать кровью. Я уже собиралась сказать ему назло, что в самом деле соврала насчёт первого раза. Но тут вспомнила, что его девушка умирает от рака. Мне стало жаль его, и я заплакала. Его девушка умирает, а он – здесь, со мной. Бедный Череп... Я надела платье и ушла. Он остался допивать вторую чекушку.

Уже на подходе к дому я поняла, что забыла трусы, но возвращаться не стала. Побежала на пляж, чтобы скорее смыть с живота его сперму. Наши уже купались, резались в дурака на солнцепеке. Я быстренько окунулась и плюхнулась на покрывало рядом с Кириллом, одним смазливym пареньком, которого считала лучшим другом. Я положила голову ему на колени и постаралась обо всём забыть.

В тот же день МЧСники выловили из водохранилища труп утопленника. Издали я видела его руку, торчащую из-под клеенки. Мне почему-то показалось, что он – это я. И от этого потемнело в глазах. Я чувствовала, что задыхаюсь, захлёбываюсь, тоню. Первый раз в жизни увидела мертвеца.

С Черепом с тех пор старалась не контактировать. Он, пьяный, шатался по посёлку и по ночам стучал в моё окно. Я делала вид, что не слышу, и плакала оттого, что не могу помочь. Ему нужно было вернуться в город. В больницу, в её палату... Бедный Череп. Он тоже не смог победить дракона. Как и все мы.

Пять.

Следующим летом я сошлась с Кириллом. По сравнению с Черепом у него было множество достоинств. Никакой щетины, о которую царапаешь губы, никакого пота и ключев сгоревшей кожи на переносице.

Рыбалка была единственным занятием, которое Кирилл по-настоящему любил. Поэтому наши свидания обычно начинались на пляже в четыре часа утра. Кирилл молча готовил снасти и закидывал удочку. Мы вообще редко разговаривали. Чаще всего – просто сидели рядом и смотрели на воду. Один раз нашли у берега старую лодку и плавали в ней, пока не взошло солнце. После секса – нечаянно уснули, так что рыбалки тогда не вышло. Зато на следующее утро клевало всю, даже целоваться было некогда. А попадалась всё одна мелочь: плотвички, красноперки и окуньки.

Сам Кирилл рыбу не ел. Весь улов доставался его жирной кошке Зосе. Но некоторых рыбёшек мне всё же удалось спасти. Я спрашивала его: «Неужели ты любишь меня меньше, чем свою кошку?» И тогда Кирилл справедливости ради дарил мне рыбку, только что снятую с крючка. Я заходила в воду и отпускала малька, а перед тем, как отпустить – всегда называла по имени. Тем летом я нашла на чердаке одну старую книгу про монахов-отшельников, которые жили где-то в горах. Поэтому моим рыбкам повезло – у них были очень красивые имена. Нафанаил, Вениамин, Никифор, Трифиллий...

Кирилл любил рыбачить, но жить не любил. Иногда, будто от нечего делать, он доставал из коробки крючок и протыкал им левое запястье. Ловил себя, как рыбёшку, и даже не морщился. А потом всё изменилось. Не знаю почему. Он ничего не сказал, просто однажды утром на пляж не пришёл. Я встретила его позже, у разрушенного моста через пересохшую речку. Наши часто зависали там в непогоду. Я посмотрела на Кирилла и поняла, что он стал другим. В его глазах была какая-то новая радость. Мы продолжали дружить, но никогда уже не спали в лодке.

Ближе к августу моим парнем стал Серый, Кирюхин кореш по рыбалке. На вид – типичный ботан. Бледная кожа, большие очки, розовые прыщи на лбу и слишком длинные, нервные руки, которые вечно что-то теребили: край футболки, травинку, пачку из-под сигарет. Он смотрел на остальных немного свысока и цеголял заумными словечками типа «деструкции» или «аннигиляции», но вот целоваться не умел совсем. После наших свиданий мне всегда приходилось смывать с лица его слюни. Мы встречались до конца дачного сезона, а потом не виделись целый год. За это время он очень повзрослел. Вымахал выше бати, начал бриться и перестал смахивать на ботана. Наверное, и целоваться стал лучше. Но я не проверяла.

Следующим был Дэн – ужасный болтун и любитель футбола. Спортивную форму, шорты и майку с номером двадцать пять Дэн носил не снимая. Замызганный чёрно-белый мяч тоже всегда был при нём, даже на вечерних пьянках. Дэн всегда сидел рядом с мячом, положив на него правую руку, а в левой держал пластиковый стаканчик с пивом. Забавная была картина. Ты, наверное, не понимаешь, как я в неё вписывалась... А вот так. Тем летом Дэн не играл в футбол. В городе, ещё весной, он повредил ногу на тренировке и даже боялся, что из-за этого никогда больше не сможет играть. Когда все гоняли мяч, он сидел на траве и внимательно следил за игрой. Казалось, вот-вот разревётся. Он мог часами рассказывать о футболе и жаловался на судьбу, но в конце концов я просила его заткнуться, и мы занимались сексом. Всё в той же роще, где когда-то – с Черепом.

Четыре.

В городе была отдельная жизнь. И не одна даже, а сразу несколько. Первая – самая важная, в которой была ты, Никита, Фил...

Вторая начиналась после школы, если только мы с вами не шли гулять. В десятом классе я встречалась с Костяном. Ты один раз видела его издали – помнишь, может? Худющий такой, немного похож на твоего Ваньку. Старше нас на пять лет. Работал программистом, но получал мало. Жил с предками, и предкам это не нравилось. Помню, как они застукали нас раздетыми. Батя аж покраснел от злости: «Дон Жуан хренов... Ещё раз увижу – в общагу переедешь!» Костян переехал в общагу через два месяца, а ещё через два его пригласили на работу в Польшу. Он согласился, особо не раздумывая, тем более что с переездом обещали помочь. Я проводила его на вокзал. Костян улыбнулся мне из окошка поезда и помахал рукой.

В общаге я познакомилась с Гришкой Косым. Он жил в одной комнате с Костяном. Был косым на правый глаз, никогда не стриг волосы, одевался как бомж, курил травку и считал себя хиппи. Всех общажных звал переехать в какую-то заброшенную усадьбу за городом. Коммуну типа хотел создать. Его никто не поддерживал. Я бы с радостью, но жить в усадьбе предки мне не разрешали. Так что Косой был одинок.

Даже Фил наверняка хочет заработать кучу бабла и ездить на крутой тачке. А Косой плевать хотел на деньги. Если случалось ими разжиться, покупал абсент и наливал всем, кто зайдёт. Заходили многие, чуяли халявное бухло. А ведь у него даже постельного белья не было. Не говоря уже о такой роскоши, как шампунь. Мыл голову хозяйственным мылом, а вытирался рубашкой. Я как-то принесла ему полотенце... Косой использовал его то как занавеску, то как половую тряпку.

В конце концов он встретил девушку, один в один похожую на него самого. Шмотки из секонд-хенда смотрелись на ней шикарно, как платья на нашей Лейле. Вроде только познакомились, недели не прошло, а она уже ходила к нему как к себе домой. Садилась на единственный стул и играла на укулеле. Один раз я пришла пораньше – нас тогда, помню, с классного часа отпустили – а они в кровати. Свободная любовь, все дела. Укулеле лежит на стуле. Косой вскочил с перепугу, накрыл девушку одеялом – типа нет её. «Ты, это, извини меня, Со...» Я засмеялась. Уж очень нелепый у него был вид. «Да чё там, – говорю, – не парься». И ушла. Он долго потом названивал, но я не знала, о чём говорить. Так и не ответила ни разу.

Потом были другие, все какие-то несчастные и одинокие. Я была нужна им как обезболивающее. А когда лекарство действовало, отношения заканчивались. Ты спросишь, как я это выносила? С самого начала я умела легко выходить из одной жизни и оказываться в другой. Могла, например, полдня проплакать из-за ссоры с Костяном, а потом уехать на дачу и забыть о нём до следующей недели. Дэн встречал меня на остановке и вёл на футбольное поле. Но первая жизнь, та, что в школе, всегда была главной. Да что там, я бы рада забыть про все остальные – только бы Фил был со мной.

Бабушка утешала меня тем, что безответной любви не существует. Я ничего не рассказывала – этого ещё не хватало! Но она всё-таки утешала. Бывает, сидит себе, вяжет, а потом вдруг возьмёт и скажет ни с того ни с сего: «Любовь всегда взаимна, Софи, даже если принимает какую-нибудь странную или извращённую форму». И что-то в этом есть, бабуля верно говорит. Может, Фил – какое-то исключение из правила? Или...

Всего один раз он обнял меня, когда мы танцевали на выпускном. Ты знаешь, какой из меня танцор. Не знаю, как его угораздило согласиться. Но вот начался танец, и все жизни сошлись в одну, невозможную, сумасшедшую реальность. Всё сразу встало на свои места. Лишнее исчезло, осталась только любовь. И не к Филу вовсе, то есть не только к нему – к целому миру, который даже вообразить нельзя как следует. Но вот, оказывается, можно просто любить. Я поняла тогда, ради чего мучилась столько лет. Ради того, чтобы узнать это. Мир можно просто любить. Можно жить одну жизнь, а не четыре, не дробиться на части, не сомневаться. Радость совсем близко. Возможна, но недостижима. Как пробиться к ней? Невидимая, прочная стена. Хоть башкой в неё бейся – останется целой. Танец длился четыре минуты. Когда они истекли, я вернулась к столику и села. Осторожно так, как будто стала фарфоровой и боялась разбиться. Ещё две минуты то чувство было со мной, а потом ушло. И больше никогда. Ни на секунду не возвращалось.

Три.

У меня есть и ещё одна жизнь... Эта – последняя, я тебе обещаю. В ней нет ни тебя, ни Фила, ни остальных. В ней я всегда одна. Эта жизнь похожа на ту белую комнату, которую я вижу перед сном. В комнате без окон и дверей Софи заперта, как на дне моря. Мир спрятан за стенами и никак себя не проявляет. Софи ничего не знает о нём. Как во Вселенной могла появиться жизнь? Какого размера эта Вселенная? Есть ли у неё границы? Как я могу жить, если не знаю ответов даже на эти, казалось бы, элементарные вопросы? Как мне справиться со своей судьбой? Я хочу знать, как это делают другие. Иногда мне кажется, что все эти невозмутимые прохожие – призраки или полубоги. Можно жить без ответов, можно... Если только та радость не исчезает.

Можно, на худой конец, жить без радости, но с ответами. Так ведь нет вообще ничего! А страхов становится всё больше.

Я боролась с ними по-всякому. Но один метод работал лучше всех. Психологи называют его методом конфронтации. Ты делаешь вид, что никакого страха нет, и нарочно переживаешь то, чего боишься.

В первую очередь я одолела темноту. Тебе никогда не казалось, что вещи исчезают, как только гаснет свет? При таком раскладе ночью вставать опасно. Возможно, кровать висит в воздухе, и ты провалишься в яму, где кишат привидения. Когда домашние уходили, я выключала свет и ходила по комнатам в темноте. Всего каких-нибудь пара недель – и страха как не бывало. Это меня обнадежило.

Гораздо больше, чем темноты, я боялась, что Фил никогда меня не полюбит. Чтобы жить, мне зачем-то требовалась его любовь. Его руки, которые приносят радость... Нелепая необходимость. Почему он? В чём его отличие от всех остальных? Эти вопросы интересовали меня ничуть не меньше, чем устройство Вселенной. Можешь смеяться... Это и правда смешно, но мне-то что делать? Я отмахнула косы, чтобы избавиться от надежды. Мне казалось, с ней вместе уйдёт и страх. Филу нравились девчонки с длинными волосами. Но даже когда я побрилась под ноль, всё осталось по-прежнему.

Два.

Мы закончили школу, но та, первая жизнь почему-то никуда не делась. Оказалось, она вполне может продолжаться и без всяких событий. Наше прошлое непрерывно повторялось у меня в голове. Воспоминания стали реальней, чем настоящие вещи. Ничто кроме них не трогало меня. Стоило мне вспомнить какой-нибудь случай из прошлого, как сердце превращалось в гранату. Каждый удар был похож на взрыв и отдавался болью во всём теле.

Когда Фил исчез из интернета, я подумала, что он умер или свалил учиться в другой город. Его невыносимое отсутствие стало продолжением той жизни, которая отказывалась заканчиваться. Вот я и пришла к нему как-то вечером... Не знаю, чего я хотела больше. Увидеть его, избавиться от страха, дать той жизни продолжение или просто разбудить Фила, заставить хоть что-то почувствовать? В качестве подготовки я выпила три литра пива под вашей ивой. Долго стояла у домофона. Позвонила, наверное, через час – когда «Балканка» закончилась. Фил был дома. Я попросила его выйти: мол, разговор есть, и сигареты закончились.

Он появился минут через десять. Кинул мне пачку «Честера» и спросил, что за разговор. Был спокоен, как Будда, а у меня дрожали руки. Пару минут мы курили молча, а потом я собралась с силами и сказала: «Дурак ты, Фил». Я надеялась, что произойдёт чудо. И тогда он ничего не ответит – просто обнимет меня ещё раз. Но чуда не произошло. Фил спросил: «Это всё?»

Назад пути не было. Я сказала, что его принцип недеяния – это сплошная лажа и самообман. Что настоящая проблема заключается в способности любить, и эта-то способность у него отсутствует напрочь. Давай, говорю, по чесноку. Ты вообще уверен, что у тебя есть сердце? Даже свою Лейлу не мог полюбить как следует. Тебе нравилось смотреть на неё, и то издалека. Лучше б тогда уж в музей сходил. «Сикстинская Мадонна» или «Девятый вал» ничуть не хуже бабы в красивом платье. Ты спишь на ходу, потому что бодрствовать тебе впадлу. А ещё говорил, что хочешь стать врачом! Молодец, что передумал. Какой из тебя врач? Чтобы помогать другим, тоже нужны силы... Тут я замолчала, потому чтохватила через край. Думала, задохнусь от слёз... Очень трудно говорить такое человеку, которого любишь больше целого мира. Очень трудно лгать. Фил гораздо сильнее меня, просто он почему-то не знает об этом.

Было бы ещё куда ни шло, если бы он разозлился, вышел из себя, наговорил лишнего. Но Фил был спокоен. Не спеша докурил, потушил бычок о край урны. А потом я услышала

его холодный голос. «Я вообще-то спать собирался, Софи. Завтра к первой паре». Он даже не попрощался – только хлопнула дверь подъезда.

Я легла на траву и долго смотрела на небо. Голова кружилась и болела. Казалось, она превратилась в апельсин, с которого кто-то сдирает кожуру. Звёзды были мелкими и тусклыми. Хотелось курить, но сигареты остались у Фила. Страх и надежда исчезли. Вместе с ними исчезло всё, даже силы, чтобы подняться. А ведь помочь было так просто... Не нужно было для этого никакого медицинского образования. Всего одно равнодушное слово, неважно, грубое или доброе. Мне было нужно всего слово, но Фил молчал, и весь мир молчал вместе с ним. Я долго лежала в полусне, а потом кто-то сказал наконец: «Вставай, Софи!» Мне показалось, это голос моей боли. В тот момент я готова была поверить во что угодно и почему-то послушалась, встала. Но я ошиблась. Рядом оказалась Катька, наша бывшая одноклассница. Она шла мимо и увидела, что я валяюсь на газоне. Это Катька сказала: «Вставай...»

С тех пор я Фила не видела. Наверяд ли мы встретимся ещё раз. Разве что окажется, что душа и вправду бессмертна.

Один.

Я снова сижу на парапете крыши. Мои ноги болтаются в воздухе, а волосы треплет ветер. Мне восемнадцать лет. Всё, что могло случиться в моей взрослой жизни, не случится никогда. Ждать больше нечего, бояться – тоже. Осталась только смерть, и я знаю, что делать. Это проверенный метод. Чтобы перестать бояться смерти, нужно испытать её на себе. Но когда я говорю себе: «Давай, Софи, ну, давай же», моя рука инстинктивно цепляется за металлическую планку, а ноги прижимаются к кирпичам. Мне кажется, что я дрожу от холода, но это другой холод, он не зависит от температуры воздуха.

Мне чудится, что мир промёрз насквозь. Наша планета – огромная ледышка, повисшая в небе. Мир молчит, и всё в нём против меня. Любовь, надежда, родные лица, та единственная радость... Они впиваются в душу, как рыболовные крючки. Мир поймал нас всех при рождении, чтобы сварить в одной большой кастрюле и скормить земле. Но я соскочу с крючка... Жить должны те, кому не страшен кипяток. Вчера я написала предкам письмо, а сегодня заканчиваю этот разговор с тобой. Плеер на всякий случай пошлю по почте. Не хочу, чтобы всё это слушали следователи. Он, кстати, совсем новенький. Я закинула туда пару альбомов Pink Floyd, немного Queen и Beatles.

В письме я попросила предков не говорить о моей смерти никому, кроме тебя. Фил не должен знать. До всех остальных мне дела нет. Меньше всего я хочу, чтобы он чувствовал себя виноватым. Пусть узнает, но как-нибудь потом... Наши предки друг с другом не знакомы. Друзей у меня не было, так что вряд ли кто-то спохватится. Я боялась, что Никита разнюхает – журналист всё-таки. Но на днях встретила его на остановке. Он занят предвыборной кампанией, так что тут порядок.

Пойми, всё так и должно было случиться. Иногда мне кажется, что это решение – не моё. Мой мозг запрограммирован на полёт с крыши, но программу писала не я. Не я соскочу с крючка... Меня отпустит Мир. За то, что когда-то я отпускала на волю Его покалеченных мальков. Окуньков и плотвичек. И, может, с моей смертью что-то изменится к лучшему. Я верю, что даже зло может обернуться добром.

Попробую представить, что мои кости такие же полые, как птичьи. В полёте перья прорастут сквозь кожу, лицо вытянется, и нос превратится в клюв. Ты бы хотела стать птицей? Я – да. Это было бы по крайней мере красиво. Но, знаю, не будет. Мой череп треснет, как арбуз. Руки застынут в каком-нибудь нелепом жесте. Сердце перестанет взрываться. Думаешь, стоит написать объяснительную, почему я не приду на пары?

...Знаю, плохая шутка. Не плачь.

Едва прослушав первую запись, Филипп захотел выдернуть из ушей наушники и спросить, какое отношение всё это имеет к нему и его теперешней ситуации. Но час тому назад в автобусе Марина слушала его, не перебивая, с доверием, которого он давно перестал ждать от кого бы то ни было. Только поэтому он не выключил плеер.

Он слышал, как Софи поджигает сигарету, слышал, как она дышит и что-то рассказывает, то медленно, с трудными паузами, то быстро и увлечённо. Филипп никак не мог вспомнить её лица, и представлял только тёмный силуэт, застывший на парапете. Было странно слышать, как она произносит его имя. Филипп не допускал мысли, что Софи мертва. Всё это, думалось, какая-то шутка...

Он тщетно пытался отыскать тропу, по которой недавно вёл его Вениамин. Кусты стояли плотно, небольшие просветы сплошь оказывались обманками, непролазными тупиками. Заслоны из колючих ветвей, припорошенные снегом кочки всюду были одни и те же. Голос Софи мешал сосредоточиться на дороге.

Наконец, обнаружив на одном из кустов сломанную ветку, Филипп углубился в заросли и спустя несколько минут встал на тропинку. Софи замолчала. Марина протиснулась сквозь куст и остановилась рядом.

– Что всё это значит? – спросил Филипп, вернув ей плеер.

– Софи в самом деле послала плеер заказной бандеролью. Но мне сообщили о её смерти раньше, чем пришло извещение. Её мать...

– Она так же мертва, как бабушка Никиты. Вы затеяли это, чтобы вернуть меня в реальность? Дохлый номер...

– Фил, я не шучу.

В её голосе, по-прежнему тихом, чувствовалась настоящая скорбь. С минуту Филипп стоял неподвижно, прокручивая в голове всё только что услышанное. Литр «Изабеллы», утопленник, рыбки с именами отшельников, муравейник и некий Череп, лицо которого почему-то представлялось Филиппу голой костью, темнота и белая комната, единственная радость (он никак не мог вспомнить тот танец на выпускном), множество жизней, которые Софи мечтала склеить воедино, и, наконец, их встреча у подъезда. Филипп попытался восстановить её в памяти, но помнил только то, что Софи была пьяна и молола чушь, а он хотел спать.

В голову полезли более ранние воспоминания. Какие-то реплики, фрагменты, эпизоды, несущественные детали разлетались в сознании наподобие осколков стекла. Серёжка в форме улитки, которую Софи зачем-то вытащила из уха и держит перед собой, сжав между большим и указательным пальцами. Её гордый и беспомощный взгляд с верхней ступени школьного крыльца. Нарисованная на полях тетради зубастая рыба. «Фил, у тебя есть запасная ручка? Я свою выкинула в окно». Неровно обстриженные волосы топорщатся возле ушей, тонкие губы поджаты и выглядят на лице тёмной чёрточкой, круглая родинка на виске кажется нарисованной. «Потому что я люблю тебя, придурок». Алгебра или геометрия. Мел в руках Софи крошится, когда она пытается записать на доске условия задачи. Она берёт другой кусок, тот движется по доске с омерзительным скрипом, но Софи нарочно продолжает выводить какие-то знаки, пока учитель не просит её остановиться. Софи сидит на заборе возле школы и сдирает бумажную этикетку с бутылки пива. «Ладно, Фил. Раз ты не хочешь на мне жениться, может, хотя бы умрём в один день?» Софи чертит что-то веточкой на земле, объясняет Марине теорию гомоцентрических сфер. Она выглядит очень художавой в этой зелёной водолазке с высоким воротом. Их любимого географа заменили противной тёткой с трясущимся подбородком. В знак протеста они прогуливают первый урок. На детской площадке никого. Филипп толкает пустую карусель, и она поворачивается, как колесо Сансары. Софи ходит взад-вперёд по парапету крыши, сравнивая Будду с Иисусом.

«Иисус мне ближе. А вам кто больше нравится?» Марина и Никита голосуют за Иисуса. Филипп встаёт на сторону Будды из чистого упрямства. У всех заканчиваются сигареты, и последнюю они курят, передавая по кругу. По дороге в ларёк Софи виснет на его руке и непрестанно спрашивает: «О чём ты думаешь, Фил?» Он не думает ни о чём – ради этого и выпил два литра «Жигулёвского». Софи не понимает. Она не может не думать. Не может усидеть на одном месте. Всё время вскакивает, меняет позу, что-то говорит, жестикулируя. «Слова имеют значение, только если они – поступок». Ей подстать Никита, но Софи не проявляет к нему особой симпатии. «Меня связывает с Филом не понимание, а необходимость». Софи отталкивается от парапета. Она думает, даже когда летит. Все гомоцентрические сферы помещаются в её голове, все иисусы и будды, и Фил рядом с ними – не пришей кобыле хвост. А потом эта голова трескается, как арбуз. На лице прорастает клюв. Мысль обрывается на полуслове. Нет, неправда. Сон, из которого не выбраться. Где-то прячется ошибка, но Филипп не может её обнаружить. Осколки воспоминаний продолжают лететь и ранить. Его череп превращается в продырявленную планету наподобие люстры в гостиной у Леонида. Филипп хочет убедить себя в том, что спит, но ничего не выходит. Явь очевидна. Она обступает со всех сторон.

– Стой, куда ты?

Он ринулся напролом. За его спиной сомкнулись мокрые ветви.

Марине ничего не оставалось, кроме как лезть следом за ним. Пытаясь проложить путь руками, она уже не была уверена, что поступила правильно. Филипп продвигался вперёд гораздо быстрее её. Кусты шуршали где-то в отдалении. Казалось, этому не будет конца, но вот шорох смолк. Сквозь ветви стали видны огни атомной станции.

Подобравшись ближе, Марина увидела, как, стоя на берегу, Филипп стаскивает футболку через голову.

– Что ты делаешь?

Никакого ответа. Сквозь последний слой ветвей Марина шагнула вперёд, но, споткнувшись о какой-то предмет, больно ударилась коленом. На ощупь предмет казался тяжеловесным стулом с металлическим каркасом. Отодвинув его, девушка вышла к воде. Филипп уже разделся до трусов и стягивал с ног носки. Одежда валялась у его ног бесформенной грудой.

– Фил, ты рехнулся?

– Когда приходила Софи, я просто хотел спать, – выпрямившись, сказал он.

– Оденься, кому говорю... – Марина подняла с земли пальто и попыталась накинуть ему на плечи.

– Подожди, не надо, – он отвёл её руки.

– Это оно? То место, которое ты искал?

– Можешь себе представить? Человек без тебя умирает, а ты в это время просто хочешь спать.

– Оденься, Фил, ты не виноват.

– Подожди.

Он вошёл в воду. Поскользнувшись на камне, взмахнул руками, но удержать равновесие не смог. Шлёпнулся, поплыл, разгребая перед собой жидкую темноту.

Марина собрала разбросанные вещи и затолкала их в куст, как на полку шкафа. Подняла с земли опрокинутый стул.

Филипп удалялся от берега. Он не хотел ни плыть, ни дышать, ни остановиться и пойти ко дну. Не хотел ничего. Но мышцы механически поддерживали его на плаву. Лёгкие вновь и вновь наполнялись воздухом. Движение не прекращалось, как будто его тело знало, что делать, гораздо лучше, чем он сам. Но где же этот «он сам»? Филипп видел маячащие впереди огни, плывущую навстречу воду, далёкий берег, шоколадное небо над городом и с другой стороны – тёмную синь, огрызок Луны в прорехе тучи, постоянно меняющий очертания, и одновременно видел себя со стороны, сверху, сопящий силуэт, барахтающийся в воде, серое на чёрном, прилипшие к шее волосы, ещё сухие на

макушке, костлявые плечи, ритмичные движения рук, влекущих не пойми куда. Осколки воспоминаний как будто больше не задевали его. Он был посторонним свидетелем непрекращающейся экзекуции. Наблюдателем, который не знает сочувствия, судит строго и беспристрастно.

Две жизни оказались меньше, чем одна. Ни во сне, ни наяву эта серая фигура не совершила ничего, заслуживающего уважения. Сны всегда были ширмой, лучшим средством избежать действительности. День ото дня они искушали его. Набивали себе цену, отвлекая от голой очевидности. Во сне он мог быть кем угодно, но просыпался всё тем же... Он ошибся, когда принял свою болезнь за дар, когда ушёл из университета на четвёртом году обучения, когда оставил Софи одну и тут же о ней забыл, когда оборвал связь со всеми, кто был ему дорог. Он сказал «нет» и закрыл глаза. Он полюбил сны, потому что они позволяли ему не жить. По той же причине он полюбил Лейлу и затеял нелепые отношения с Мананой. Непонимание было лучшим залогом безопасности. Эти девушки не могли разбудить его, даже если бы захотели. Решение поступить на медицинский – не самообман ли во имя видимости? За время, минувшее с тех пор, как решение было принято, будущий врач не посвятил подготовке к поступлению и часа. Кто вообще сказал, что он хочет стать врачом? «Он сам», ставший наблюдателем, не видел для этого ни внутренних импульсов, ни внешних предпосылок. Так чего же он хотел? Спать, всего лишь спать. И никогда не просыпаться...

Тело устало плыть и приостановилось отдышаться. Судья-наблюдатель тщательно изучил суть дела, но вынести приговор не мог. Сторона защиты молчала на протяжении всего слушания. Вениамин был бы отличным адвокатом, да только где он?

Филипп вернулся в реальность, когда краем глаза уловил позади себя какую-то вспышку и повернулся на свет. словно в ответ на его мысль на берегу загорелся голубой фонарь Вениамина.

Сторонний наблюдатель тут же куда-то исчез. Филипп повернул назад. Смерть Софи по-прежнему казалась ему чем-то нереальным. Впрочем, нереальным было практически всё. Сны и явь, прошлое и будущее. А реальность – вот она: ледяной воздух, тёмная вода, голубой свет и берег, до которого нужно доплыть.

Вопреки его ожиданиям, Марина стояла в голубом свете одна.

– Давай скорей! – торопила она. – Вылезай.

– Что случилось? – спросил Филипп, выходя из воды. Ветер, в сущности – небольшой, казалось, продувал тело насквозь. От холода застучали зубы.

– Да скорей же, – она сунула ему в руки футболку. – Вытирайся, а то придётся лечить тебя ещё и от пневмонии.

– Он был здесь?

– Нет, но...

– Откуда тогда фонарь?

– Дай мне объяснить! Фонарь был в пакете. Я нашла его, когда хотела сесть на стул. Белый пакет был примотан к сиденью скотчем. Я посветила телефоном. Написано: «Филиппу». Отодрала кое-как. В пакете был вот этот фонарь, тетрадь и связка ключей. В тетради – записка...

– Ерунда какая-то, – кое-как обтерев тело футболкой, Филипп натянул свитер. – Ты прочитала, что там?

– Да. Слушай, – Марина открыла тетрадь. – «Не знаю, почему я выбрал тебя. Это необъяснимо, так же как и тот факт, что ты – единственный, кого я привёл сюда, сам не понимая, зачем. Возможно, мы братья по духу. А может, дело не в этом, и мой выбор случаен. Тогда мой мозг подобно лототрону перемешал все известные ему имена и выдал твоё. Если здесь ты не появишься, то десятого ноября, через три дня после того, как я написал эту записку, тебе позвонит продавщица из «Гастронома». Я дал ей пятьсот рублей, чтобы она сказала тебе пару слов. Обещала, что не подведёт. На вид – порядочная женщина. Только не впутывай её... Мы даже не знакомы. Ниже адрес. Поезжай туда, как

только сможешь. Ключи в связке пронумерованы. Двери нужно открывать, начиная с нижнего замка. Там, внутри, Лёва...»

– Лёва?! – Филипп по привычке подумал, что спит. Но о том, что происходящее – не сон, кричала каждая мышца и каждая мысль, и стучащие от холода зубы.

– Ну да... – кивнула девушка. – «Лёва, мой сын. Также оставляю контакты Леонида и Людмилы. Расскажи им всё, как только сможешь». Дальше адрес и...

– Не может быть! Дай гляну, – он застегнул пальто и, схватив тетрадь с фонарем, пробежал глазами по странице. – Точно, Лёва...

– Ты его знаешь?

– Идём, – заторопился Филипп и пошёл первым, продолжая уже на ходу: – Я видел Лёву во сне. Он просил меня помочь, но я не знал, как. Честно говоря, я даже не верил, что он настоящий. Сейчас плыл и думал, что всё это время жил во лжи... А выходит, нет, была и правда. Пускай она просвечивала сквозь ложь...

– Фил, подожди, может, расскажешь всё по порядку?

– Да-да, сейчас... Так ты со мной?

– Ну, конечно.

41

Будильник не прозвенел. Когда я проснулся, в квартире было тихо. На часах горели алые цифры. Девять, ноль, ноль.

Я не мог поверить, что в самом деле выбрался из той серой пустоты, в которую шагнул во сне, и некоторое время просто рассматривал комнату. Я не мог поверить, что всё это снова моё – даже окно, скрытое под кирпичами, даже паутинка под потолком, даже присохшие к столу капли клея и налипшая на покрывало шерсть...

Кажется, в тот момент я понял правду. Это не я создал Солнце и Луну, не я создал канделябр, оленя, лошадь, поле, пчёл и людей. Мои словари и заклинания были похожи на письма Филиппа. Я называл вещи по именам, чтобы однажды их увидеть, – и в конце концов мир ответил мне. Слово «пустота» тоже записано в моём словаре. Значит, я должен был в ней оказаться. Теперь это ясно. Но что дальше?

Я решил рассказать обо всём папе, потому что не знал, что делать. Признаться, что не послушался и, поверив снам, увидел то, от чего он так долго меня берёт... Остался ли я после этого по-прежнему заколдованным? Мне не терпелось узнать ответ. Поэтому я не стал умываться и пошёл в кабинет прямо в пижаме. Постучал сначала тихонько, затем – настойчивей и громче.

Дверь была не заперта. Я приоткрыл её:

– Пап, ты здесь?

Он не ответил, и я вошёл. Я зажёл свет и увидел папу посередине комнаты. Он лежал в невысоком продолговатом ящике и, казалось, спал. Одна рука свешивалась за край, а вторая была прижата к груди. На бледном, голубоватом лице – едва заметная улыбка. Я не мог понять, почему папа спит в ящике. Я не мог... Справа от входа стоял удобный диван – разложенный, но не застланный бельём.

– Пап, вставай, – попросил я. Но он не встал.

В кабинете было прибрано. Я чувствовал холодный ужас, глядя на этот порядок. Блестел линолеум, блестели ножки стола. Книги на полках высокого деревянного шкафа выстроились ровными рядами без единого просвета. Не блестела только картина над диваном: человечки в чёрном, повисшие в воздухе на фоне дома с красной крышей. Я присел на корточки и дотронулся до папиного плеча. Оно было твёрдым и прохладным. Возле ящика стояли три закрытых канистры.

Потом я заметил тетрадь. Она лежала на полу у изголовья ящика, раскрытая на первой странице. Пока я читал, буквы слегка дрожали.

Это смерть, Лёва. Ты видишь её прямо перед собой.

Если думаешь, что я сплю, дотронься.

Меня в этом теле уже нет. То, что с ним происходит, называется трупным окоченением. Оно начинается через пару часов после смерти. Организм охлаждается до температуры окружающей среды, и влага начинает из него испаряться. Быстрее всего её теряют глазные яблоки, мошонка и головка члена, кончик носа, уши и пальцы. Если мои глаза открыты, на месте белков ты видишь жёлто-бурые треугольники с вершинами в уголках глаз. Я надеюсь, что мои глаза закрыты. Но если нет – смотри и ничего не бойся... Или нет, не надо. Прикрой чем-нибудь моё лицо.

Канистры наполнены формалином – раствором, который предотвращает разложение белков. Открой канистры и вылей его в гроб, чтобы мой труп не начал гнить. Пожалуйста, сделай это прямо сейчас... Готово? Тогда закрой гроб крышкой. Она стоит в углу, слева от шкафа... Теперь выйди из комнаты и постарайся обо мне забыть.

На кухне есть немного продуктов. Если будешь кушать понемногу, хватит на две недели. Корм для Льва – в прихожей, в чёрном пакете. Колотить в дверь бессмысленно. Она почти непроницаема для звука, так же как и стены. Ты заперт на все замки и не найдёшь в квартире ни ключей, ни телефона... Сейчас объясню, почему.

Самое важное, Лёва, происходит в критические моменты нашей жизни. Лучшие идеи вспыхивают в мозгу в моменты самого глубокого отчаяния. Я прорвался к Богу через сильнейшую боль и видел свет всякий раз, когда казалось, что всему конец – да, да, лишь после этого, не раньше! В последнее время бороться становилось труднее. За болью следовала новая боль, за кошмаром – кошмар, и так без конца. С работы меня уволили месяц назад. Я был у врача, который лечит души, хотя не обращался к нему с тех пор, как не стало Златы. Никакого толку... Меня затягивало в темноту. Я очень хотел защитить от неё тебя.

Наверное, поэтому в твоей жизни критических моментов не было. Я так любил тебя, что даже не замечал, как становлюсь живой преградой между тобой и Богом, между тобой и новым миром. Твоя жизнь текла размеренно и тихо. Пару раз ты серьёзно болел и мог переживать из-за наших разногласий, отсутствия новых слов или чего-то ещё. Но ведь это мелочи. То, что происходит снаружи, куда страшнее.

Одни умирают, другие переживают их смерть – вот и вся история. Из века в век. Каждый может убить, а воскресить – никто. Кладбища ширятся во все стороны. Только представь – огромные пространства, оцетинившиеся могильными крестами. Люди появляются там с ненастоящими букетами и бродят по костям, припорошенным землёй. Некоторые загодя бронируют себе место, чтобы разлагаться рядом с родными. Их жизни расписаны от и до. Говорят, это удобно: составить план и не отклоняться от него ни на шаг. Они знают, что будут делать через день, год и десять лет, знают червей, которые съедят их труп. Они отгородились от Бесконечного и только поэтому чувствуют себя в мире, как дома. Их язык состоит только из слов, а определённости пахнет плесенью... Ужасней всего, что сам я ничуть не лучше.

Год за годом идеи по переустройству Вселенной множились и гнили у меня в голове. Оттого, что эта свалка невидима, вонь от неё не становится меньше... Я заблуждался, думая, что помогаю людям. Переустройство нужно начинать с себя. Здесь-то я и свернул не в ту сторону...

Дни превратились в ступени, которые можно перескакивать, не проживая. Убеждать всех и вся, что торопиться некуда, а самому при этом нестись сломя голову... Неторопливое тело движется по-черепаши. Что в нём толку, если душа так и

выпрыгивает вон? Быстрее, ещё быстрее! Я хотел скорее домчаться до того дня, когда у тебя получится... Но вот и конец. Я занёс ногу над последней ступенью. Ты видишь, куда я шагнул.

Думаешь, я мог поступить иначе?..

Что ж, верно. Я мог пропасть без всяких объяснений, но тогда смысл моего поступка остался бы для тебя загадкой. Я мог объясниться в письме и, соврав, умереть понарошку. Но я слаб – не выдержал бы, вернулся. Нет, Лёва, уловки тут не помогут. Только настоящий поступок имеет воспламеняющую силу.

У тебя есть около двух недель, чтобы добраться до памяти Бога и создать мир заново. Я знаю, через мою смерть это произойдёт, хотя бы потому что станет жизненно необходимо. Я бы не убил себя, допуская хоть малейшую возможность, что ты просто умрёшь от голода в пустой квартире.

Сначала будет тяжело. Но ты не должен сопротивляться. Спокойно наблюдай, как боль расходится по телу вместе с пульсом. Это полезный яд. Нужно претерпеть его действие до конца. И стены исчезнут, я обещаю. Ты увидишь свет, если будешь к нему стремиться.

Люблю тебя. Папа.

43

Сейчас я перечитал письмо полностью, но тогда – не дотянул и до второй страницы. По комнате поползла какая-то сиреневая дымка. Буквы стали едва различимы и постепенно рассеялись в белизну. Тетрадь ускользнула из рук. Я хотел ещё раз взглянуть на папу, но его лицо уже лишилось черт, смазались контуры гроба. Дымка, став гуще, растворяла в себе предметы.

Я совсем забыл про канистры с формалином и не помню, как вышел из комнаты. Дымка была в коридоре, и в кухне, и в ванной – всюду. Опустившись на пол, я прислонился к какой-то стене и, закрыв глаза, увидел розовую Луну. Она висела над домом, а потом вдруг упала, словно соскочила с гвоздя, за который цеплялась непрочной петелькой. Я увидел оленя с восковыми рогами. На кончиках рогов дрожали тонкие фитильки, сияли капли огня, горячий жемчуг медленно стекал на лоб... и снова – Луна. Я нашёл её в оленьем глазу. Вместе со зрачком она росла вширь, пока не развернулось новое небо, и я вдруг с ясностью осознал, что мир – тот мир, который создал не я – существует внутри оленьего зрачка. Интересно, знают ли об этом люди?

Лев лизал мои руки и тихонько скулил. Тишина звучала, как чьё-то дыхание. Я не мог понять, что произошло. Нет, не с папой... Я никак не мог вспомнить, какого цвета в комнате обои. Нарисованы ли на них олени, лошади или звёзды? Нужно было встать, но я не шевелился. Луна начала неспешно вращаться, как колесо обозрения, на котором мы с Филиппом катались как-то во сне. В её розовом рельефе зарождались ветвистые узоры.

Не знаю, что было потом. Кажется, я уснул или что-то вроде... А когда открыл глаза, стены уже исчезли.

06.03.2018